

Индекс **П8643**

1
2026

РОССИЯ XXI 2026 1

РОССИЯ XXI

1. 2026 январь-март

Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

«Русский вызов» или «русский ответ»? _____ 6

Россия в мире

Вартан Эйриян

Политическое прожекторство на стыке эпох:
история двух нереализованных проектов 1945 года __ 32

Ярлыки и мифы

Валентин Печатнов,

Владимир Печатнов

Неожиданный Победоносцев _____ 46

Страницы истории

Анна Лавренова

«Их бесправное положение... роняет русскую власть»: положение жандармских чинов в Великом княжестве Финляндском в начале XX в. _____ 70

Артем Фаизов

Структура деятельности сената в период иерархического доминирования кабинета министров (за 1737 и 1740–1741 гг.) _____ 90

Актуальный архив

Кирилл Шапошников

События российской истории первой половины XX века глазами провинциального интеллигента. По дневниковым записям Михаила Устрялова _____ 126

Редакционная почта

Елена Жбанкова

Мир русской сказки А.С.Пушкина в восприятии студентов МГУ-ППИ (Шеньчжень, Китай) _____ 154

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, директор Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии РФ в области науки и техники;

Киянская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ; ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН;

Соловьев К.А., доктор исторических наук, профессор РАН, профессор Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)», профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ, главный научный сотрудник Института российской истории РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор Пятигорского государственного лингвистического университета, директор Института международных отношений ПГЛУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России средневековья и раннего Нового времени РГГУ.

Журнал «Россия XXI» включен
в утвержденный ВАК Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Ковалев М.В.;
Любин В.П.;
Фельдман Д.М.;
Хайлова Н.Б.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, истории, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России.

Направляемые в редакцию статьи должны соответствовать тематике журнала (**см. рубрикатор на сайте**), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям. Содержание статьи должно содержать разделы, касающиеся предмета и метода исследования, состояния объекта исследования на текущий момент и научной новизны работы. В конце статьи необходимо сделать выводы.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).
Название статьи.

Аннотацию на русском и английском языках (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова на русском и английском языках.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Постатейный (нумерованный) библиографический список, оформленный в соответствии с требованиями ВАК РФ.

В начале списка помещаются архивные материалы, затем публикации (по алфавиту).

Для книг указываются *издательства (типографии* – для дореволюционной поры) и *листаж*, для статей – *страницы в издании*.

Для электронных изданий обязательна *дата обращения*.

В тексте и в постраничных примечаниях (после содержательной части) ссылка дается в квадратных скобках:

Объем статьи, включая библиографический список, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в нескольких номерах журнала.

Я полагаю, что цивилизации рождаются и развиваются, успешно отвечая на последовательные Вызовы. Они надламываются и распадаются тогда, когда встречают Вызов, на который им не удастся ответить.

А. Тойнби

От Штеттина на Балтике до
Триеста на Адриатике через
континент опустился железный
занавес.

У. Черчилль

Сергей Кургинян

«РУССКИЙ ВЫЗОВ» ИЛИ «РУССКИЙ ОТВЕТ»?

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР

УДК

94 (47) 08

Редакция журнала начинает знакомить читателей с материалами, имеющими в настоящий момент исключительное значение, – с коллективной монографией, посвященной конструкту «Украинство». Авторы монографии утверждают, что конструкт «украинство» является политическим, идеологическим, религиозным и, наконец, темным метафизическим проектом, планомерно продвигаемым Западом для уничтожения России. Данный проект разворачивается на Украине давно, но в течение нескольких последних лет это делается неприкрыто и с особым размахом. Против русского населения совершаются преступления не менее жестокие, чем во времена Гитлера. Монография отвечает на вопросы: «Как это оказалось возможным?», «Какие силы были вовлечены в этот процесс?», «Какие идеи взращивал украинский нацизм в течение долгих десятилетий и даже столетий?» В текущем номере вы прочтете начало предисловия С.Е.Кургиняна, опубликованного ранее в первом томе монографии «Украинство. Актуальная международная игра».

*The editorial board is beginning to give its readers an introduction to a set of materials that in these times are exceptionally significant: a collective monograph that examines the construct of "Ukrainism." The authors of the monograph assert that the construct of "Ukrainism" is a political, ideological, religious, and ultimately, a dark metaphysical project that the West is systematically developing in order to bring about Russia's demise. This project has been underway in Ukraine for a long time; but over the past few years, it has become especially blatant, and its scale has grown to unprecedented proportions. Crimes against Ukraine's Russian-speaking population are being committed that are no less brutal than those committed under Hitler. This monograph addresses such questions as: "How did this become possible?", "What forces were involved in this process?", and "What ideas has Ukrainian Nazism been cultivating over decades and centuries?" In this issue, you will find the beginning of the preface by S.E.Kurginyan, previously published in the first volume of the monograph *Ukrainism: The Relevant International Game*.*

Ключевые слова: Украина; украинство; конфликт цивилизаций; Тойнби; противостояние России и Запада.

Key words: Ukraine; Ukrainian identity; Ukrainism; the conflict of civilizations; Toynbee; the confrontation between Russia and the West.

E-mail: ecc@ecc.ru

Вопрос о том, что представляет собой так называемое украинство, мы поставили еще в 2017 году. И тогда же предложили свой ответ на этот вопрос в первом издании этой коллективной монографии. Книгу, которая теперь предлагается читателю, можно было бы назвать новой редакцией нашего прежнего коллективного размышления на данную тему.

Но это не вполне так. Потому что при наличии очевидной связи между тем, что происходило на территории Украины в 2017 году, и тем, что происходит сейчас, налицо переход тогдашнего процесса в совершенно новое качество. Мало кто предполагал в 2014 или в 2017 году, что в 2022 году украинский крупномасштабный эксцесс, имевший место в предшествующий период, превратится в нечто, имеющее право называться глобальным, историософским, мироустроительным и даже метафизическим катаклизмом.

О том, что имеет место и метафизическая компонента этого катаклизма, говорили уже и патриарх Московский и всея Руси Кирилл, и президент России В.В. Путин.

Что же касается остальных слагаемых этого катаклизма, то они очевидны даже для рядовых граждан, не склонных постоянно размышлять об историософии, мироустройстве и прочих аспектах нашего бытия, весьма далеких от повседневности, в которую погружены рядовые граждане России.

Но если в повседневности появляются такие новшества, как частичная мобилизация, если призрак ядерной войны становится слишком очевиден и на строительном рынке как России, так и Украины появляется такая новая услуга, как создание бомбоубежищ и бункеров, то далекие от повседневности аспекты существования человечества вдруг начинают с этой самой повседневностью переплетаться весьма причудливым образом. И это придает теме «украинства» совершенно новую актуальность.

При такой новой актуальности этой темы мы были обязаны по-новому взглянуть на нее. И проявить иную степень доказательности собственных представлений о том, что знаменует собой это самое украинство.

Что мы и сделали, создав во многом новую коллективную монографию.

Острота и масштабность происходящего на Украине сумели придать тому, что мы наблюдаем, совершенно новый характер. И в существенной степени стереть из памяти тех, кто вовлечен в этот процесс, даже самое

очевидное. Тем важнее всё время напоминать об этой абсолютной очевидности, забываемой очевидцами нынешней катастрофы.

Самое очевидное из того, что надлежит не забывать, что бы ни происходило на Украине, – это фундаментальное отличие России, чье несомненное историческое существование длится более тысячелетия, и Украины, которая на самом деле впервые возникла в качестве государства только после распада СССР.

И сколько бы ни старались вывести эту очевидность за скобки – она будет иметь решающее значение вопреки подобным попыткам с негодными средствами. Все – и западные спонсоры Украины, и те, кто с изумлением наблюдает за происходящим, и наши сограждане, вовлеченные в украинскую трагедию, – в одинаковой степени понимают, что государственность Украины не является долговременной исторической константой бытия населения на той территории, которая оказалась в одночасье территорией нового государства в силу того, что вполне можно назвать беловежским преступлением.

Все понимают, что, за исключением каких-то исчезающе кратких мгновений возникновения на части этой территории какой-то протогосударственности, эта территория была либо частью СССР (Украинской Советской Социалистической Республикой), либо частью Российской империи. В последнем случае она не имела даже того административного оформления, которое предоставлял ей статус союзной республики.

Что вытекает из этой достаточно очевидной констатации? То, что государство Украина, во-первых, обременено исторической краткостью своего существования в качестве такового. И, во-вторых, мягко говоря, уязвимо, как по причине своей внутренней неоднородности и своей несuverенной предыстории, так и по причине вопиющей незаконности того беловежского сговора, без которого существование украинского государства как правопреемника Украинской Советской Социалистической Республики было бы невозможно.

Союз Советских Социалистических Республик на последнем этапе его существования был полностью свободен от того, что его хулители называли «диктатом КПСС». Граждане СССР избрали высший орган управления страной, он же Съезд народных депутатов СССР. Этот орган был избран на демократической основе. И функционировал гораздо более накаленно демократически, чем классические парламенты западных стран. Я принадлежу к поколению, которому памятны острейшие выступления с трибуны Съезда народных депута-

тов. Эти выступления приковывали к экранам телевизоров большую часть советского населения. Они страстно обсуждались демократическими и сильно отличающимися по идеологии средствами массовой информации.

Именно в рамках этой позднесоветской демократии, изъяны которой я обсуждаю уже более тридцати лет, но которая была несомненной в качестве таковой, был принят закон о выходе союзных республик из состава СССР. Если бы республики начали выходить по правилам, оговоренным в этом демократическом законе, то никакие постсоветские кровавые трагедии не были бы возможны. Населению было предоставлено право выбора – существовать в новом государстве или обособляться от него. И это право на обособление с последующим вхождением в историческую Россию, которая, в отличие от Украинской Советской Социалистической Республики, опиралась на тысячелетие полноценной государственности, было бы реализовано как минимум на относительно прорусской части Украинской Советской Социалистической Республики. А также в Абхазии, Осетии, Приднестровье и ряде других регионов.

Попытка сослаться на то, что действия ГКЧП, названные «августовским путчем», сокрушили позднесоветское демократическое государство и отменили его законодательную базу, очевидным образом не выдерживает никакой критики. Потому что в истории многих государств были различные политические эксцессы, которые никогда не подрывали самого фундамента государственности. Менялись политические системы, уклады, формации – а государство оставалось прежним.

Ярчайшим примером этого является феодальная Франция, превратившаяся в буржуазную. Это превращение сопровождалось мощнейшими эксцессами. И ни один из этих эксцессов не приводил к подрыву основ существования французского государства.

ГКЧП очевидным образом стал предлогом, а не подлинной причиной краха СССР и отмены действовавших в Советском Союзе демократически принятых законов. Причем законов, опирающихся не только на Конституцию, но и на пресловутые Хельсинкские соглашения и многое другое.

Обосновать сосуществование в рамках единого новоиспеченного государства очень разного населения, проживавшего на территории Украинской ССР, можно было только с помощью далекоидущего искажения всего на свете – исторической правды в первую очередь. Это и было сделано уже в 1990-е годы.

Констатируя наличие этого очевидного «скелета в шкафу украинской постсоветской независимости», авторы данной коллективной монографии отказываются от полемики по поводу основательности и этого «скелета в шкафу», и тех других «скелетов», которые постоянно обсуждаются в связи с темами перекосов ленинской и хрущевской национальной государственной политики.

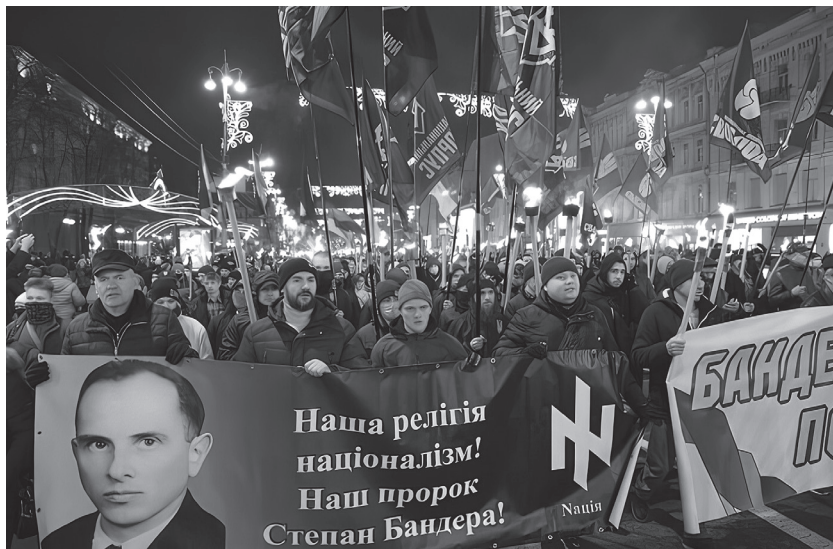
Подчеркиваю – мы вообще не обсуждаем всю эту проблематику. Мы не говорим о том, что украинское государство и украинский народ – это химеры. Мы не прослеживаем извилистые тропы формирования этих – для нас не важно – сущностей или химер. Мы предоставляем людям, которые специализируются на подобных обсуждениях, сообщать свои соображения тем, кто способен заинтересованно относиться к этим соображениям. В этом отстранении от определенного предмета нет ни тени высокомерия. Мы всего лишь констатируем, что не этот предмет исследуется в нашей книге. И что предметом исследования в ней является нечто крайне специфическое – некий конструкт, и именно конструкт. Этот конструкт именуется «украинство».

Поскольку все сравнения являются безусловными, то наша параллель между конструктом под названием «украинство» и конструктом под названием «исламизм» тоже безусловна. И, проводя это сравнение, мы всего лишь обращаем внимание читателя на отличие чего-то органического от этих самых конструктов.

В случае с исламом это органическое, оно же великая мировая религия, – несомненно. И тем более горько обнаруживать, что с этой великой исторической и духовной органикой сосуществует нечто сугубо искусственное, инородное. Оно же – этот самый исламизм, сооруженный западным колониализмом именно для того, чтобы не позволить великой исламской религии развернуться в ее подлинном масштабе и подлинной всемирно-исторической гуманистической значимости.

В случае с Украиной органичность некоего начала не столь очевидна. Но мы не будем ее ни отрицать, ни осмысливать.

Мы осмысливаем другое – некий очевидный конструкт. И если нас спросят: «А что такое конструкт?», то наилучшим нашим ответом является предложение ознакомиться с этой книгой. В которой не только описывается конструкт под названием «украинство», но и предлагается к рассмотрению некая научная дисциплина под названием «конструктология». Мы настаиваем на том, что конструктов уже существует несколько. И что мы исследуем эти различные конструкты на протяжении последних десятилетий.

Марш бандеровцев в Киеве

Но наиболее вызывающим, наиболее дерзко отрицающим историческую правду как таковую, наиболее извращающим всё историческое бытие является, конечно же, конструкт под названием «украинство». Он несопоставим по масштабу искажения очевидного и несомненного с другими конструктами. Хотя все конструкты создаются для такого искажения. И потому являются псевдоисторическими гомункулами, рождаемыми в специфических лабораторных колбах для искажения всяческой несомненности.

Роль конструктов резко возрастает в эпоху так называемого пост-модерна, она же эпоха постправды. Об эпохе постправды уже говорят очень многие. Но почему-то никто не хочет переходить от осторожного термина «постправда» к гораздо более внятному термину «не-правда», то бишь ложь. И понятно, почему. Потому что постправда призвана стереть грань между ложью и правдой. Постмодернизм, навязанный миру Западом, является стиранием всех и всяческих граней. Этой грани – прежде всего.

В среде пиарщиков бытует оскорбительное представление о том, что «пипл всё схавает». И этому «пиплу» говорится: «А какая тебе разница, правда это или нет? Мы живем в постправде. Отведай этого лакомства и не заморачивайся по поводу того, какое оно имеет отношение к дей-

ствительности. Это уже не имеет значения. Ведь что такое действительность? Это некая реальность. А она уже ничто по отношению к той виртуальности, к которой переходит мир. А виртуальное нельзя тестировать на его соотносимость с реальным, его надо просто хавать».

К сожалению, мы до сих пор имеем дело с прискорбной инерционностью тех совокупных методов осмысления происходящего, которые принято называть гуманитарными науками. Эти науки с презрением относятся к той реальности, которая всё в большей степени отличается от предшествующей реальности, инструментами осмысления которой как раз и являлись эти самые классические гуманитарные науки.

Классический гуманитарий просто отмахнется от всего, что ему явление в виде постправды, подмены реального виртуальным и прочих сомнительных тенденций, которые он, казалось бы, должен был осмысливать. Но поскольку в его распоряжении – арсенал инструментов, призванных осмысливать только реальное, то поди ж ты еще сумей осмыслить то, что находится за его пределами.

Отсутствие инструментов – одна из причин нежелания осмысливать подобную зловещую новизну.

Другая причина – невписанность инструментов такого осмысления в матрицу, задаваемую классической гуманитарностью.

Если классический гуманитарий почему-либо решится осуществить некое интеллектуальное усилие, если он сможет его осуществить и захочет осмыслить результаты совершенного им усилия, то обнаружит нечто, именуемое конструктором.

Но даже обнаружив это нечто и поняв, что оно не сводится к чему-то классическому, он обязательно скажет «чур меня!», понимая, что исследование этой неклассичности не входит в интеллектуальный прейскурант патентованных научных дисциплин.

Что такое обстоятельство обрекает его на странный тип исследовательской деятельности. Что если он посвятит себя этой исследовательской деятельности, то вряд ли сможет представить свое исследование в качестве какой-нибудь диссертации – кандидатской или докторской, – хотя бы потому, что эту диссертацию не примет Всероссийская аттестационная комиссия, констатируя, что исследование не входит в номенклатуру этого самого ВАКа.

Что ему в силу этого придется либо удовольствоваться существованием на научной обочине, пополняя собой уже немалое число его собратьев по несчастью, либо приспособливаться к существующей интеллектуальной номенклатуре и исказить исследования.

Что никто не введет в обиход существующей интеллектуальной номенклатуры, например, дисциплину под названием «конструктология», то есть изучение конструкторов.

Я на опыте знаю, что как только ты обращаешься к историку, трепетно относящемуся к своему существованию в рамках матрицы гуманитарных дисциплин, с предложением осмыслить нечто нетривиальное, этот историк ответит тебе почти на автомате: «Я не обществовед, а историк». А если ты обратишься к обществоведу, столь же обусловленному желанием правильно позиционироваться в этой самой треклятой матрице, с чем-то нетривиальным, то он тебе ответит тоже на автомате: «Я обществовед, а не конспиролог». И так далее.

Ты обращаешь внимание гуманитария на какие-нибудь странные и совершенно очевидные обстоятельства, такие как конфликты на оружейном рынке, конфликты между крупными средствами массовой информации в западных странах, где такие конфликты вовсе не поощряются, и предлагаешь это как-то осмыслить. Это предложение отвергается. И всегда непонятно, чего в этом отторжении больше – нежелания оказаться на политически опасной интеллектуальной территории или страха потери научной респектабельности.

В постсоветские десятилетия на это накладывается еще и постимперское интеллектуальное самоуменьшение. Те, кто осуществляет это самоуменьшение, прямо говорят, что по одежке надо протягивать ножки, что создание новых дисциплин и предметов – удел лидирующей страны. Что серьезные занятия западной элитой и ее неафишируемыми экзотическими проектами породят проблемы неприятия занимающегося этой самой западной элитой. Что его в этом случае перестанут приглашать на Запад, перестанут публиковать в западных респектабельных изданиях. И что после этого его начнет уценивать отечественная власть, которая полностью ориентируется на Запад.

Разве нет у представителей нашего научного сообщества основания для подобных беспокойств? Разве не существовало до последнего времени так называемого индекса цитирования? И разве миру не была явлена, причем с предельной внятностью, тирания западной научной респектабельности? Разве не проявлением этой тирании было всё, что творилось вокруг ковида и вакцинации, когда даже нобелевские лауреаты маргинализировались только потому, что их позиция отличалась от тоталитарной научной директивы, генезис которой был не всегда ясен, но существование которой было вполне очевидно?

Сознавая всё это, мы сознаем и другое. Мы сознаем, что современная бытийственность не может быть описана классическими гу-

манитарными методами в той же степени, в какой микромир не мог быть описан с помощью классической физики. И что отсутствие гуманитарных коррекций, сравнимых по масштабу с коррекциями классической физики, осуществленными в рамках квантовой механики и иных дисциплин, породит полную неспособность так называемых классических исследователей осмысливать существенно постклассический мир.

А поскольку прежде всего этой неспособностью окажутся инфицированы представители ведомых стран, поскольку Россия очень долго была таковой и до сих пор в существенной степени держится за свою прошлую ведомость, то именно наши интеллектуалы окажутся в наименьшей степени способны осмысливать неклассическую реальность, явленную им в числе прочего на судьбоносной для России Украине.

Ничем хорошим это для России не кончится. А раз так, то мы считаем своим гражданским долгом хоть в малой степени содействовать преодолению инертности существующих гуманитарных исследований.

И, руководствуясь только этим, предлагаем читателю рассмотреть и некий новый предмет – социокультурное конструирование, и метод, позволяющий осваивать эту новую предметную сферу. Мы называем этот метод «конструктологией».

Хочу заверить читателя, что никакого желания изобретать новые слова у нас нет и в помине. Мы все тесно связаны с гуманитарной классикой. Уважаем ее, ценим. Понимаем необходимость определенной научной консервативности. Но что поделать, если и впрямь всяческий опыт, в том числе и опыт гуманитарного осмысления, перестает сегодня быть условием адаптации, то есть не порождает адекватных ответов на совсем новые вызовы. Отвечать-то ведь на них всё равно придется. А ну как неверные ответы обернутся большой бедой. Нельзя же цепляться за консервативную научную респектабельность, зная, что она окажется в этом случае погруженной в пучину непонимания природы новой зловещей новизны. И что это непонимание обернется неадекватностью действий.

Только в силу этого мы и говорим о том, что нам приходится заниматься изучением того, что возникло совсем недавно. Того, что мы называем конструктами (или социокультурными моделями). А изучая конструкты как новую реальность, мы просто обязаны предъявлять совокупность новых методов изучения, то есть конструктологию.

Конструктология – это изучение конструктов. Ничего заумного, никакой игры в новояз в слове «конструктология» нет. Такое наиме-

нование предмета нашего интереса ничем не отличается от наименования других предметов интереса. «Логия» – это изучение чего-то. Чего именно – указано в первой части наименования той или иной науки.

Зоология: предметом изучения являются животные.

Антропология: предметом изучения является человек (антропос).

Конфликтология: предметом изучения является конфликт.

Конструктология: предметом изучения является конструкт.

А теперь о том, что такое конструкт. Это, конечно, не конструкция машины, а нечто другое. Но что же именно? Отвечаю.

История народов и человечества вываривается в котле межличностных, межгрупповых и межгосударственных взаимодействий: диалогов, конфликтов, союзов, обособлений и так далее. Вне зависимости от того, кто на самом деле творит историю: классы, как считал Маркс, плотные сообщества, вдохновленные религиозными идеями, как считал Вебер, особо чувствительные группы людей, обладающие своими нарративами (идеями), как считал Тойнби, высший дух, как считал Гегель, или кто-то еще, – нормальный исторический процесс содержит в себе огромное количество слагаемых, факторов, элементов.

И в этом он подобен термодинамическим процессам, порождаемым случайными столкновениями огромного количества молекул. Так же как и термодинамический процесс, нормальная история требует статистического подхода, позволяет определить лишь некие усредненные характеристики. Эти усредненные характеристики невозможно извлечь из колоссальной системы уравнений, неизвестными в которой являются все элементы, все слагаемые, все факторы.

Котел истории булькает, в нем что-то вываривается. И невозможно вывести это «что-то» из отдельных судеб и биографий. Слишком много этих судеб и биографий, слишком сложны связи между ними. Слишком сложна среда, в которую всё это погружено.

Иногда человеческая история просто булькает в некоем котле, нагреваемом достаточно загадочным огнем. И тогда мы говорим об устойчивых периодах исторического процесса.

А иногда огонь вдруг вспыхивает с огромной силой, в котле происходят процессы, напоминающие фазовые переходы. И тогда мы говорим о революциях.

Но и устойчивые фазы (они же – нормальное историческое развитие), и революции (они же – фазовые исторические переходы) представляют собой реакцию, возникающую в результате взаимодействия

невероятного количества факторов и элементов. Между этими факторами, элементами и историческим результатом можно построить только усредненные корреляции, основанные на статистике, законе больших чисел, приоритете судеб макросоциальных групп над отдельными рядовыми судьбами.

Помимо нормального (ламинарного) и революционного (турбулентного) исторического процесса есть еще особые исторические выбросы или импульсы, они же – исторические проекты. Крупные религиозные учителя, пророки, гости из трансцендентного мира (Зороастр, Моисей, Христос, Будда, Магомет и другие) стягивают вокруг своих учений огромную историческую энергию, и в течение какого-то времени исторический процесс начинает подчиняться проектной воле, содержащейся в этих учениях.

Так, по крайней мере, считал Вебер. И у нас нет оснований опровергать его подход, который слишком убедительно подтверждается огромным историческим материалом.

Революции и осуществленные на деле исторические проекты – это не одно и то же. Революции могут быть частью исторического процесса, подчиняющегося закону больших чисел так же, как нормальная неревolutionционная историческая динамика. Осуществленные на деле исторические проекты закону больших чисел не подчиняются. Каким-то странным образом очень многое при осуществлении этих проектов идет, что называется, как по писаному. То есть в полном или почти полном соответствии с тем, что написано проектантами в их сочинениях.

Меняли ли Зороастр, Моисей, Христос, Будда или Магомет те исторические формации (первобытную, рабовладельческую, феодальную, капиталистическую), о решающем значении которых говорил Маркс, настаивая на революционном переходе от одной формации к другой? На этот вопрос ответить достаточно трудно. Как именно общество переходило от феодализма к капитализму, мы знаем. Понятно, что феодальную формацию и впрямь сотрясали полноценные революции, что она рушилась под воздействием некоего буржуазного могильщика, сформированного ею самой, и что этот могильщик создавал новую формацию на обломках старой.

А как человечество переходило от рабовладения к феодализму? Можно ли тут говорить о сотрясающих общество революционных процессах? Или же имело место нечто другое?

В любом случае настоящая история – а таковой можно называть только историю, творимую огромными множествами людей (историю

ламинарную, турбулентную или взрывную, то есть проектную), – делается Ее Величеством Жизнью, а не какими-то «умниками». «Умники» могут помогать истории, собирать вокруг своих идей накаленные массы. Но они в итоге оказываются всё равно влекомыми бурным потоком или взрывной волной. Это касается даже величайших людей, чей вклад в историю огромен.

Существуют конспирологи, утверждающие, что историю делают тайные общества, которые просчитывают в своих замках и подземельях всё до мелочей.

Не буду спорить с ними. Скажу только, что исследователи, создавшие тот труд, предисловие к которому вы сейчас читаете, не только не исповедуют ту или иную конспирологию, она же – теория мирового заговора; эти исследователи настроены антиконспирологически. Не важно, почему. По крайней мере, не в предисловии это всё оговаривать. В предисловии можно оговорить только одно: эти исследователи настроены именно антиконспирологически. Причем настрой их достаточно категоричен.

Да, есть история элитных игр, она же – специстория. И никто не сказал, что в принципе на историю не влияют заговоры. Самое несомненное в истории – это заговоры. Есть ли классы или особые группы людей, творящие историю, мы не знаем, а то, что Павла I убили в результате заговора таких-то лиц, повлиявших тем самым на историю, – это мы знаем точно. Создавшие данный труд исследователи в принципе достаточно много занимаются специсторией, противопоставляя ее конспирологии.

Ибо специстория занимается не заговорами вообще, а конкретными заговорщиками. И не рассуждает о всесиилии евреев или масонов, а работает с достоверными закрытыми данными. Или же с открытыми данными, которые могут за счет определенной интерпретации, именуемой спецгерменевтикой, сообщить что-то о закрытых процессах.

Но данное исследование – и это очень важно оговорить! – не является специсторическим. Оно посвящено не плавному, устойчивому историческому процессу, не революционным турбулентностям, не взрывным историко-проектным трансформациям и не подковерным элитным играм. Оно посвящено очень специальному и редко обсуждаемому предмету, называемому «конструкт».

Конструкт – это не история как таковая, а ее суррогат. Реальная украинская история пусть обсуждается историками. Пусть они спорят о том, существовала ли она в качестве чего-то оформленного или ее существо-

вание проблематично. Мы в эти споры не вмешиваемся. Мы обсуждаем не Украину, а украинство. Украинство же – это не история с ее ламинарностями и турбулентностями. Украинство – это конструкт.

Мы уверены в необходимости исследования этого конструкта. И мы исследуем именно его и только его. Украинство как конструкт – вот наш предмет. Создание этого конструкта, его характеристики, его последовательная трансформация, его внедрение в жизнь, его перспективы, наконец, – вот что находится в зоне нашего исследования, радикально отличающегося в силу этого от нормального исторического или социологического исследования.

Мы не проблематизируем тем самым существование реальной Украины и реального украинского народа, как это делают некоторые. И мы даже не хотим участвовать в дискуссии о том, насколько весомы аргументы в пользу того, что вся эта реальность существует.

Пусть другие дискутируют по данному поводу или изучают эту реальность разными методами. Мы занимаемся только конструктом – потому, что он сейчас важен как никогда. А также потому, что, в отличие от истории Украины, конструктом под названием «украинство» всерьез занимаются очень немногие.

Сначала этот конструкт замалчивался для того, чтобы не портить отношения между братскими народами – русским и украинским. Потом, когда реализация конструкта испортила эти отношения, начался обмен колкостями, имеющий чересчур публицистический характер.

Дело не в том, что такой обмен колкостями контрпродуктивен. Увы, он сегодня необходим. Но необходим не значит достаточен. От публицистической яростной полемики сегодня отказываться нельзя. Однако свести всё к ней – значит попасть в ловушку некоей публицистики, вышедшей за свои границы и потому превращающейся из необходимого слагаемого дискуссии в препятствие к пониманию настоящего содержания происходящего.

Конструкт под названием «украинство», как и любой другой конструкт, например радикальный исламизм (просим не путать с настоящим большим исламским историческим проектом и с исламом вообще), нельзя исследовать привычными методами. Конструкт смеется над историческим или социологическим исследованием. Он ускользает от классического исследовательского инструментария.

Именно поэтому для исследования конструкта (или конструктов) необходимо создание новой дисциплины, которую условно можно назвать «конструктология». Эта дисциплина была важна всегда. Но она особо

важна в нынешней, существенно постмодернистской, реальности, когда конструкты и быстро множатся, и обладают большей заразительностью, большей реализуемостью, чем когда бы то ни было.

Украинство, которое мы рассматриваем, имеет все черты конструкта: надуманность, наплевательское отношение к реальной истории, упрощенчество, агрессивность. Подробнее это будет обсуждено в материалах нашего исследования.

Украинство – это долгоиграющий конструкт. Это конструкт предельно опасный, деструктивный и мощный. Констатация всего этого не имеет ничего общего с демонизацией украинской истории или украинского народа. Повторяю еще раз: мы заняты исследованием не реальной истории Украины, не судьбы реального украинского народа. Мы заняты исследованием только конструкта под названием «украинство».

Такое исследование не может не быть трансдисциплинарным, не может не отличаться по используемым средствам от другого типа исследований, не может не иметь своих методологических оснований. И, наконец, не может не опираться на определенную школу и определенные группы исследователей, вращающиеся в орбите определенных школ.

Созданный тридцать лет назад Экспериментальный творческий центр (ЭТЦ) сформировал и школу, и исследовательский коллектив, владеющий конструктологическим методом. Этот метод был отработан при изучении других конструктов. Теперь он применяется к исследованию опаснейшего конструкта под названием «украинство». На нынешнем этапе существования ЭТЦ его исследователи смогли построить школу, которая называется Школой высших смыслов (ШВС), и передать свой метод тем, кто обучается в этой школе. Теперь можно говорить о совместной работе исследователей из ЭТЦ и обучаемой этими исследователями молодежи из ШВС.

Предлагаемое исследование осуществлено частью этой молодежи, создавшей Александровскую коммуну. Никакого отношения к сектантству или эскапизму александровские коммунары не имеют. Они твердо нацелены на то, чтобы вобрать опыт самых блестящих мыслителей, наращивать настоящую широкую культурную и научную компетенцию, сочетать широту и глубину, что категорически необходимо при проведении трансдисциплинарных исследований, которые не могут не лежать в основе конструктологии.

Трансдисциплинарные исследования ведутся по всему миру. Им обучают в разных учебных заведениях. Я лично подробно обсуждал судьбу этих исследований с весьма уважаемым мною профессором

Уриэлем Райхманом, главой Междисциплинарного центра в Герцлии (Израиль). Обсуждалось это и с исследователями из других стран – с китайцами, индийцами, европейцами.

Александровские коммунары твердо настроены на то, чтобы придать своей коммуне интеллектуальный характер. Этим они отличаются даже от израильских кибуцников, которые в большей степени, чем александровцы, сфокусированы на производстве, а не на гуманитарных науках.

Безусловно, судьба трансдисциплинарных исследований в будущем, в условиях нарастающего колоссального профицита информации связана с очень плотными коллективами, сочетающими в себе компетентность и единство метода. В противном случае на вызов информационного профицита адекватного ответа не будет.

Впрочем, будущее покажет, на что способны Александровская коммуна и ШВС в целом. Пока что я представляю обществу второе издание первой исследовательской работы александровского коллектива, входящего в ШВС и опекаемого моими соратниками из ЭТЦ. Читатель по прочтении данного исследования убедится в том, что это, во-первых, единая коллективная монография, а не сборник статей. И, во-вторых, в том, что эта монография демонстрирует единство неклассического трансдисциплинарного метода и неклассического предмета – конструкта под названием «украинство».

Соответственно, неклассическим является и данное предисловие. Было бы оно классическим, я бы на предыдущей фразе его завершил. Но сейчас, когда русских всё чаще обвиняют в том, что они бросают некий вызов, причем такой вызов, который угрожает чуть ли не всему человечеству, мне представляется важным показать, что русская интеллектуальная молодежь, да и русские в целом, никакого вызова никому не бросают. Что они отвечают на некий вызов. Конкретно – на предъявленный им в виде конкретного зловещего деяния конструкт под названием «украинство». А также на нечто более общее и зловещее – на провозглашенный конец истории, то есть на провозглашенный конец творческого развития человечества. На провозглашенный конец проекта «Человек». На провозглашенный конец проекта «Гуманизм», наконец.

Русские отстаивают гуманизм, отстаивают дальнейшее восхождение человека как творца настоящей истории, отстаивают эту историю. И тем самым отвечают не только на вызов, который им бросили, предъявив зловещий и кровавый конструкт под названием «украинство», но и на вызов, который им же и всему человечеству бросили, предъявив всё сразу: конец человека, конец истории, очень мрачный политический

постмодернизм, наконец. На всё это русские отвечают как на вызов. Я считаю, что именно в этом сегодня позитивная общечеловеческая роль русских. Кто может взять на себя ее, кроме русских? И русские берут на себя ее не в первый раз, спасая человечество от контристорических сил, антигуманистических сил, от которых они спасли мир, водрузив знамя над рейхстагом.

Хочу подробно обсудить еще один русский ответ на некий масштабный вызов, тесно связанный с тем вызовом, который брошен русским и человечеству реализацией конструкта под названием «украинство». Я имею в виду ответ на вызов под названием «вы проиграли холодную войну». Для того чтобы стала ясна связь между этим вызовом и вызовом, который связан с реализацией проекта «украинство», мне придется в этом неклассическом предисловии вступить в полемику с весьма авторитетным интеллектуальным центром, создавшим доклад под названием «Русский вызов».

Это предисловие названо «"Русский вызов" или "русский ответ"?» именно потому, что полемика с таким интеллектуальным центром, как Chatham House (Четем-хаус)* – британским Королевским институтом международных отношений**, – и его докладом «Русский вызов», опубликованным в 2015 году, мне представляется крайне необходимой.

В этой полемике я буду решительно избегать скандальности, перебранки и даже публицистической хлесткости. Хотя бы потому, что один из наиболее уважаемых мною историков XX века Арнольд Тойнби входил в число создателей и ключевых сотрудников Королевского института международных отношений**. Меня восхищает и человеческая глубина Тойнби, и глубина психологическая и экзистенциальная, и его отношение к своей судьбе, своему долгу перед погибшими в войнах сверстниками, и его особое, страстное и глубокое отношение к античности, и сочетание в одном человеке преклонения перед античностью, чаще всего порождающего аполитичность, с высочайшей степенью волевого политического прагматизма.

К тому же теория групп, создающих исторические нарративы, предложенная Тойнби, всегда вызывала у меня особый интерес, поскольку в ней мне виделось некое дополнение, а не отрицание классового подхода. Маркс и Тойнби по-разному оценивают исторические движущие силы и вектор истории. Но в их отношении к истории есть нечто общее.

*Четем-хаус – организация, признанная нежелательной в РФ.

**Королевский институт международных отношений – организация, признанная нежелательной в РФ.

Представление доклада «Русский вызов» в Четем-хаусе*. 5 июня 2015

История как вызовы, требующие ответов, – вот что объединяет Маркса и Тойнби. Чьи это вызовы, и кто должен дать ответ – тут эти мыслители радикально расходятся. Но само видение истории как ответов на вызовы объединяет этих двух духовных и политических антиподов.

Пытаясь понять, что являет собой группа молодежи, откликнувшаяся на мой усложненный текст «Суть времени» и создавшая одноименное движение, группа, проявлявшая и продолжающая проявлять высокую духовность, бескорыстие, страстную любовь к Отечеству, группа, все члены которой взыскуют сложных ответов на «проклятые вопросы» постсоветского этапа исторического бытия России, я, как ни странно, чаще обращался к достаточно чужому для меня Тойнби, чем к более близкому мне Марксу. Это усугублялось тем, что современные лидирующие классы – креативный класс, когнитариат – были скомпрометированы «болотной» молодежью, почему-то именовавшей себя креативной.

Тойнби называл нарративом то, что Маркс называл идеями лидирующего класса (тут не должно быть путаницы с постмодернистским нарративом – в видении постмодернистов время больших нарративов вообще закончилось). Но Тойнби не обозначал социальные параметры, которыми обычно определяют класс. Он говорил о группе особо чутких к великим вызовам, тем вызовам, без ответа на которые гибнут народы, не сумевшие на вызов ответить. В своем труде «Изучение истории» Тойнби, явно отсылая к Марксу, назвал эту группу «внутрен-

ним пролетариатом». «Внутренний пролетариат» – это группа людей, подавляемая внутри западной цивилизации, но способная в ситуации кризиса цивилизации создать «вселенскую церковь», которая поможет человечеству пережить социальный упадок и сформировать следующую цивилизацию¹. Эта группа находится в ситуации, когда нельзя не проявить чуткости. И она ее проявляет, давая ответ на вызовы. Следом за нею идут другие.

«А ну как "Суть времени" имеет отношение к такой группе Тойнби?» – спрашивал я себя, рискуя сопрягать с Марксом не только Вебера, но и Тойнби.

Такое отношение к Тойнби очень многое определяет в моем отношении к организации под названием Chatham House*. Потому что Тойнби проработал в данной организации 33 года и посвятил описанию этой работы отдельную главу в своих воспоминаниях «Пережитое». Глава так и называется: «Тридцать три года в Четем-хаусе*».

Тойнби описывает, как в 1919 году в Париже, в отеле «Мажестик», под председательством Лайонела Кёртиса, обладавшего, как утверждает Тойнби, гением предвидения, собрались люди, которые организовали некое англо-американское общество для научного осмысления международных дел. Тойнби пишет: «Впоследствии первоначальное англо-американское общество разделилось на два – Совет по международным отношениям со штаб-квартирой в Нью-Йорке и Королевский институт международных отношений** (или Четем-хаус*) со штаб-квартирой в Лондоне. Это изменение не было вызвано каким бы то ни было различием во мнениях среди американских и британских членов нашего общества, оно диктовалось соображениями практического удобства: жизнь скоро показала, что трудно управлять как единым целым организацией, члены которой были обитателями разных континентов. Обе сестринские организации – совет и институт – всегда поддерживали между собой самые живые и сердечные отношения»².

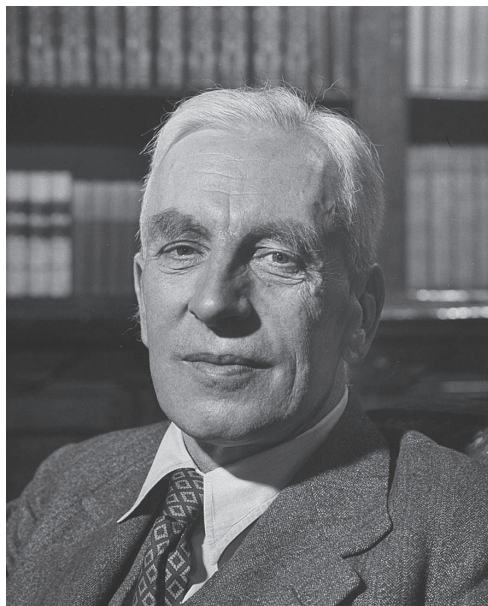
При создании Четем-хауса* важнее всего, по словам Тойнби, было обеспечить какое-то сочетание секретности и гласности, в принципе являющихся, как справедливо указывает Тойнби, антагонистами. Четем-хаус* сумел пройти по лезвию бритвы между секретностью

¹ Toynbee A. *A Study of History*. Vol. VII. Oxford, 1954. P. 70–76.

* Четем-хаус – организация, признанная нежелательной в РФ.

** Королевский институт международных отношений – организация, признанная нежелательной в РФ.

² Тойнби А. Дж. *Пережитое* // Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории*. М. – СПб., 1995. С. 239–240.

Арнольд Джозеф Тойнби

и гласностью, бесконечно раздражая этим, по рассказу Тойнби, Министерство иностранных дел Великобритании.

Тойнби пишет: «Через пять лет после основания Четем-хауса* я был зачислен в его штат. (Мне был поручен выпуск четем-хаусского обзора международных отношений – "Сервей оф интернэшнл афферс".) Я проработал в Четем-хаусе* тридцать три года, вплоть до пенсионного возраста»³.

Задаваясь вопросом, почему он не проработал так долго ни в Лондонском университете, ни в других престижных заведениях, предоставивших ему очень высокий статус, Тойнби делает акцент на унылости и абстрактности преподавательской деятельности – и сопричастности чему-то живому в такой организации, как Четем-хаус*.

Я мог бы продолжить цитирование развернутого описания работы Четем-хауса*, сделанного Тойнби, но это увело бы нас от существа дела. И потому я позволю себе лишь еще одну короткую цитату из Тойнби: «Мы решили начать с создания истории мирной конференции, в которой принимали участие основатели общества. За финансирование этого издания взялся мистер Томас Ламонт, который был партнером

³ Там же. С. 241–242.

Слева направо: Томас Уильям Ламонт, Джон Пирпонт Морган и Оуэн Юнг

нью-йоркской банковской фирмы "Дж. П.Морган и Ко". Благодаря царскому жесту Ламонта "История Парижской мирной конференции" вышла в свет под эгидой Четем-хауса* в шести томах⁴.

Читатель и без меня разберется, кто такой господин Ламонт, а также что означает внутреннее единство Совета по международным отношениям со штаб-квартирой в Нью-Йорке и Королевского института международных отношений** со штаб-квартирой в Лондоне. Он без меня может

⁴ Там же. С. 247.

*Четем-хаус – организация, признанная нежелательной в РФ.

** Королевский институт международных отношений – организация, признанная нежелательной в РФ.

оценить рассуждения Тойнби о противоречивом симбиозе Лайонела Кёртиса и другой очень важной для Четем-хауса* фигуры – Джеймса Хедлама-Морли. Впрочем, и Тойнби нечто разъясняет, сообщая нам о том, что Хедлам-Морли был одним из его старших коллег. И что он работал тогда в отделе политической разведки Министерства иностранных дел.

Имея перед глазами текст Тойнби, в котором автор дает высочайшую оценку Королевскому институту международных отношений**, оценивая по достоинству те данные, которые сообщает Тойнби, я просто обязан уважительно относиться к продуктам, выпускаемым этим интеллектуальным центром. И понимать, что данные продукты имеют серьезное политическое значение.

Со смерти Тойнби прошло более сорока лет. За это время изменилось всё на свете – в том числе и тот Четем-хаус*, работу которого я обсуждаю. Я понимаю, что к выпуску доклада «Русский вызов», подготовленного сотрудниками Четем-хауса*, имели отношение и знакомые мне граждане России, и граждане Украины. Что не все работы Королевского института международных отношений** соответствуют уровню, заданному Тойнби, Кёртисом и Хедламом-Морли. И, наконец, я, разумеется, понимаю, что Королевский институт международных отношений** занимается интеллектуальным сопровождением деятельности спецслужб и элит, не испытывающих никакой симпатии к любимому мною Отечеству. Более того, я информирован о некоем особом отношении этого института к «Сути времени» вообще и ее Красному маршу в особенности.

Но ведь совершенно необязательно относиться уважительно только к тем, кто симпатизирует твоей стране и тебе лично. Главное для понимания происходящего – некая калибровка. То есть способность оценить значение тех или иных продуктов и высказываний, а также авторов этих продуктов и высказываний без конспирологического придыхания и одновременно без политического снобизма. Королевский институт международных отношений** реально влияет на очень многое. И если хочешь понимать стратегию тех, кто тебе противостоит, – знакомься с работами этого института.

В книге, предисловием к которой является данное размышление, достаточно подробно описан и Четем-хаус*, и его деятельность на Украине. Я же здесь хочу обсудить лишь один из докладов Че-

* Четем-хаус – организация, признанная нежелательной в РФ.

** Королевский институт международных отношений – организация, признанная нежелательной в РФ.

Черчилль произносит речь в Фултоне. 1946

тем-хауса* — доклад «Русский вызов». В этом докладе содержится на уровне рекомендации определенная прагматика и идеология, обосновывающая эту прагматику. Прагматикой является наращивание враждебности Западу к моей стране, идеологией — обоснование необходимости наращивания этой враждебности. В докладах подобного рода о прагматике никогда не говорят открыто. То, что публикуют под видом открытой прагматики, всегда и смягчено, и размыто до неузнаваемости. А вот об идеологии всегда говорят открыто. Потому что иначе нельзя вести идеологическую войну.

Мне представляется, что в докладе «Русский вызов» впервые сказано о новой идеологии новой холодной войны. И в этом смысле данный доклад представляет собой новый вариант пресловутой «длинной телеграммы» Кеннана⁵ или Фултонской речи Черчилля⁶. По сути, не так

⁵ «Длинная телеграмма» Кеннана — устоявшееся название телеграммы № 511 посольства США в Москве, отправленной Джорджем Ф. Кеннаном в Вашингтон 22 февраля 1946 года. В телеграмме речь шла о невозможности сотрудничества с СССР. В дальнейшем позиция Кеннана во многом определила отношения США с Советским Союзом. Кеннана называют «архитектором холодной войны».

⁶ Фултонская речь Черчилля — речь, произнесенная Уинстоном Черчиллем 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже в Фултоне (штат Миссури, США) в при-

важно, Кеннан или Черчилль объявили холодную войну. Важно, что она была их текстами идеологически обоснована.

Королевский институт международных отношений** отвергает сам термин «холодная война» и предлагает вместо этого другие термины, адресующие в том числе и к конфликту цивилизаций по Тойнби. Но так ли важно, «конфликт цивилизаций», «конфликт двух Европ», «конфликт ценностей» или «холодная война»? Важно, что в докладе «Русский вызов» и Путин, и поддерживавшее его российское большинство выступают в роли абсолютных врагов некоего благого начала, каковым для Четем-хауса*, безусловно, является западный мир.

У этого врага «благого начала», оказывается, существует своя идеология – «авторитарный национализм». Интересно, кем является для данного «благого начала» железный канцлер Бисмарк, явно исповедовавший авторитарный национализм, или Оливер Кромвель, или вполне авторитарные вожди Британской империи, боровшиеся не на жизнь, а на смерть с тем же Наполеоном и Французской революцией (Уильям Питт, например)? Кем являлся Чан Кайши?

Впрочем, вряд ли тут стоит ломать полемические перья. Абсолютный враг «благого начала» должен иметь идеологию, альтернативную идеологии «благого начала», быть носителем ценностей, альтернативных ценностям «благого начала». И сколько бы Путин и его сподвижники ни заявляли о своей приверженности западным ценностям, западному образу жизни, о своем внеидеологическом практицизме западного образца, – это уже ничего не изменит. То, что надо найти, – найдут. А найдя – используют.

Итак, Россия вновь должна предстать идеологическим, ценностным и иным абсолютным врагом Запада, источником «путинистского абсолютного зла». А главным плацдармом, на котором ее надлежит разгромить, должна быть Украина, чьи лидеры, официально поклоняющиеся Бандере, конечно же, «не имеют ничего общего» ни с ав-

существовании президента США Гарри Трумэна. На тот момент Черчилль уже не являлся премьер-министром Великобритании и находился в США как частное лицо. Упомянутое в речи Черчилля словосочетание «железный занавес» стало символом холодной войны.

* Четем-хаус – организация, признанная нежелательной в РФ.

** Королевский институт международных отношений – организация, признанная нежелательной в РФ.

торитаризмом, ни с национализмом, ни с другими вирусами некоего абсолютного зла.

Впрочем, не в циничности этого подхода главная новизна нынешней ситуации. Главная зловещая новизна – в другом. На наших глазах место органического макросоциума, обладающего названными выше характеристиками, занимает некий суперконструкт. От него нельзя отмахиваться. И его нельзя обсуждать только в стиле «блиц». Нужно системное, глубокое обсуждение не Украины как таковой, а этого суперконструкта.

(Окончание в следующем номере...)

Этот план был излюблен
и взлелеян в мечтах его.

Ф. М. Достоевский

Оказывается, в ней есть
склонность к авантюрам...

М. Горький

Вартан Эйриян

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ПРОЖЕКТЕРСТВО
НА СТЫКЕ ЭПОХ:
ИСТОРИЯ ДВУХ
НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ
ПРОЕКТОВ 1945 ГОДА**

РОССИЯ В МИРЕ

УДК

94(47).084.8

Статья посвящена исследованию двух политических проектов, обращенных к советской власти в 1945 г. Будучи примерами политического прожектерства и авантюризма, эти планы содержали мало конкретики и не сулили реальных выгод СССР. Однако сам факт их подачи в адрес Посольства СССР во Франции свидетельствует как об изменении внешнеполитического образа Советского Союза, так и о специфике 1945 г. как переходного периода, когда шло постепенное складывание Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Сделан вывод о разных моделях реагирования советской дипломатии на эти проекты, что связано с внешнеполитическими целями советского руководства в ранний послевоенный период.

The article examines two political proposals addressed to the Soviet authorities in 1945. As examples of political adventurism and utopian scheming, these plans lacked concrete details and offered no tangible benefits to the USSR. Nevertheless, the mere fact that they were submitted to the Embassy of the USSR to France reflects both the shifting foreign policy image of the Soviet Union and the unique nature of 1945 as a transitional period, marked by the gradual formation of the Yalta-Potsdam system of international relations. The study concludes that the Soviet diplomacy employed varying response models to these proposals, which were shaped by the Soviet leadership's foreign policy objectives in the early post-war era.

Ключевые слова: Мальтийский орден; Город наций; Международная дипломатическая академия; прожектерство; поздний сталинизм; Ялтинско-Потсдамская система.

Key words: Order of Malta; City of Nations; International Diplomatic Academy; Political Adventurism; Late Stalinism; Yalta-Potsdam System.

E-mail: vartan_admg@mail.ru

1945 год знаменовал не только завершение Великой Отечественной войны, но и частичную нормализацию общественной жизни. Граждане всех стран, затронутых мировым военным конфликтом, ожидали возвращения к реальности, в которой не будет места постоянной конфронтации. Впрочем, вместе с надеждами на спокойную жизнь в действительность середины XX в. пришли и специфические проекты, авторы которых стремились извлечь свою выгоду из трансформации мироустройства.

1945 год стал своеобразным «окном возможностей» для прожектеров в мировой политике. Неудивительно, что многие из подобных предложений, сулящих сомнительные преференции, были обращены к советской власти: укрепление имиджа СССР как державы-победительницы, сыгравшей ключевую роль в разгроме нацизма, вело к тому, что Москва стала магнитом, притягивающим самые амбициозные проекты.

Статья посвящена истории двух подобных затей – плану создания «Города наций» и инициативе сближения СССР и Мальтийского ордена. Эти проекты объединяет больше, чем может показаться на первый взгляд. Оба они остались неосуществленными, оба были обращены к советскому руководству, и, наконец, оба по-своему символизируют переходный характер 1945 года. Несмотря на их содержательную разницу, они указывают на то, как в международно-политическом плане в условиях складывания Ялтинско-Потсдамской системы выглядело прожектерство и как обосновывались обращения с подобными идеями к Советскому Союзу.

В отечественной историографии оба замысла не получили должного освещения. Так, в трудах, посвященных Мальтийскому ордену и его диалогу с Россией [2; 4; 5], практически всегда упор делается на рубеже XVIII–XIX вв. в связи с активным участием Павла I в жизни ордена. Реалии же XX в. очень редко попадают в фокус специалистов. К примеру, в одной из работ Э.А.Иванова прямо говорится, что «после революции 1917 г. отношения между СССР и Мальтийским орденом не поддерживались» [3, с.383]. Это утверждение абсолютно справедливо с формальной точки зрения, но не до конца соответствует истине, если брать в расчет то прожектерство со стороны ордена, о котором пойдет речь ниже. Нам не удалось обнаружить и материалов, посвященных проекту создания «Города наций» (что, впрочем, не исключает наличия таковых в узкоспециализированных изданиях).

Источниковой базой исследования послужили материалы Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), а именно фонда 0136 «Референтура по Франции» за 1945 г. Эти документы позволяют рассмотреть сущность упомянутых проектов, провести их сравнительный анализ, а также систематизировать факторы, актуализировавшие появление столь специфических планов.

**Город наций:
проект создания
«международной столицы»**

В 1945 г. в Посольство СССР во Франции поступил необычный запрос. Некая Международная дипломатическая академия¹, основным местом базирования которой являлся Париж, однако на время мирового конфликта вынужденная переехать в Женеву, обратилась к советским дипломатам со следующим предложением.

Члены организации, среди которых, согласно источнику, значились «27 глав правительств, 47 министров иностранных дел и 512 послов и посланников, представляющих 73 государства» [1, л. 18], вдохновились разработками Луи Лушера² и Альбера Тома³ и обратились к вопросу о расположении «международной организации, способной обеспечить установление мира» [1, л. 19].

Авторы проекта настаивали на «абсолютной экстерриториальности» [1, л. 18] места базирования преемницы Лиги Наций. Предполагаемый «Город наций» (как его называли архитекторы замысла) виделся им «наподобие города Ватикана» [1, л. 19], т.е., по сути, как территория с особым международно-правовым статусом.

Логика Международной дипломатической академии в данном случае ясна. Крупное государство будет стремиться диктовать свои условия международной организации, малое же «будет иногда склонно рассматривать деятельность сильных экстра-национальных организаций на его территории как посягательство на его независимость» [1, л. 20]. Иного выхода, кроме закрепления за новообразованной международной организацией права собственности на землю и предоставления этой струк-

¹ Авторами записки был указан адрес Международной дипломатической академии – г. Париж, avenue Hoche, 4, VIII округ. Здесь она располагалась с 1929 г.

² Луи Лушер (Louis Loucheur) – французский политик, занимавший в 1917–1918 гг. министерскую должность в правительственных кабинетах Поля Пенлеве и Жоржа Клемансо. Являлся главным экономическим советником Клемансо на Парижской конференции 1919 г.

³ Альбер Тома (Albert Thomas) – французский политик-социалист, в 1916–1917 гг. занимавший пост министра вооружений. Один из инициаторов создания Международной организации труда (МОТ).

Луи Лушер – французский политик, чьими идеями
«международной столицы» могли вдохновляться авторы плана создания «Города Наций»

туре международной правосубъектности, по мнению инициаторов затеи, попросту не было.

Все складывалось тем удачнее, что авторы проекта уже представляли, какая именно территория хорошо подходит для реализации задуманного. «Территория Ферни-Жес-Дивонн⁴, имеющая площадь около 300 гектаров, располагающая международным вокзалом, административными зданиями, посадочной площадкой, доступной для самых больших самолетов, радиостанцией и т. д., отвечает требованиям современного города...» [1, л. 20]. Авторы записки наглядно представили логистические плюсы выбранного ими места: здесь уже есть аэродром (впрочем, требующий расширения), имеется возможность провести электрическую дорогу Жекс-Париж⁵ (ее стоимость во франках рубежа 1920–1930-х гг. оценивалась в 820 млн, на Женевское озеро могут спускаться трансматериковые гидропланы... [1, л. 20]

⁴Вероятно, речь идет о территории на востоке Франции, граничащей со Швейцарией. Ферни (ныне Ферни-Вольтер) – коммуна на востоке Франции. Дивон (ныне Дивон-ле-Бен) – коммуна на востоке Франции, входящая в состав округа Жекс. Под «Жесом», вероятно, также понимается Жекс, расположенный в этом же регионе Франции.

⁵Жекс – округ Франции, находящийся на северо-востоке региона Овернь-Рона-Альпы на востоке страны. Граничит с Швейцарией. Административным центром округа является одноименный город.

Показательно, что презентация этого проекта советским дипломатическим представителям во Франции де-факто состояла из трех элементов – обоснования идеи, демонстрации преимуществ локации и рассказа о блестящих перспективах создания «Города наций». Понимая необходимость конкретизации своего предложения, сторонники основания экстерриториального центра мира в Западной Европе обещали приложить к документу «изложение технической стороны этого дела» [1, л. 20]. Однако обещанной детализации в материалах архивного фонда за 1945 г. обнаружить не удалось, вследствие чего возникают сомнения по поводу существования каких-либо уточняющих подробностей.

Судя по всему, авторы проекта пошли другим путем, сделав акцент на собственной значимости. В их «портфолио» входили: работа над составлением «Дипломатического словаря», предложения по вопросу защиты прав человека, а также апелляция к значимости постконфликтного урегулирования в 1945 г. [1, л. 19]. Они придавали символическое значение «международной столице», или «столице международных учреждений». Отмечалось, что вступление в новую эпоху (под которой, вероятно, стоит понимать постепенно оформлявшуюся Ялтинско-Потсдамскую систему) не должно было строиться на межвоенном базисе. По мысли творцов документа, восприятие Женевы было несправедливо омрачено воспоминаниями о тяжелых последствиях Первой мировой войны⁶. Новое же место «международной столицы» не рождало ассоциаций с «ужасами и неудачами прошлого» [1, л. 21], а город имел шансы стать «зародышем федеральной столицы мира». Вероятно, именно здесь стоило вести переговоры о «выработке будущего Статута мира» [1, л. 21]⁷.

Акцентировалось внимание на том, что осуществление согласительных процедур в «международной столице» позволит не допустить превращения конечного продукта переговоров в «плод, порожденный волей "Священного Союза" Великих демократических держав» [1, л. 21], и будет учтено мнение всех заинтересованных государств и наций. При этом в тексте документа не было ответа на закономерный вопрос о том, каким образом избранное место должно было послужить продвижению этой задумки.

⁶Предположим, что речь идет о том, что в период интербеллума именно в Женеве проходили переговоры по ряду значимых международно-политических и международно-правовых вопросов. Так, в 1925 г. в Женеве был принят Женевский протокол о запрете применения на войне удушающих, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств, а в 1932–1934 гг. в городе прошла Конференция по сокращению и ограничению вооружений, результатом которой стал в т.ч. и выход Германии из Лиги наций.

⁷Упомянутый в документе «Статут мира» синонимичен Уставу ООН, принятому на конференции в Сан-Франциско в 1945 г.

Ф.Д.Рузвельт – 32-й президент США в 1933–1945 гг.
Один из основателей Международной Дипломатической Академии

Архитекторы «международной столицы» не преминули сослаться на авторитет американского лидера Ф.Д.Рузвельта, «одного из основателей Дипломатической Академии» [1, л.21]. С учетом того, что президент США умер в апреле 1945 г., можно определить дату представления документа советскому посольству – не позднее конца марта. Правда, речи не идет ни о какой реальной поддержке проекта Ф.Д.Рузвельтом: его персона, судя по всему, была упомянута лишь для искусственного создания ажиотажа вокруг затеи. Неудивительно, что советские дипломаты не дали хода этому делу и ограничились направлением бумаги в архив.

**Мальтийский орден:
необычное предложение
о сотрудничестве**

Более интересной представляется история обращения Мальтийского ордена к советскому внешнеполитическому ведомству. В сентябре

1945 г. посол СССР во Франции А.Е.Богомолов передал в 1-й Европейский отдел Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) письмо графа де Пьердона [1, л.22]. В послании сообщалось, что «граф Мишель де Пьердон... заверяет Правительство СССР в желании иметь с ним тесные отношения в исполнении своих функций и он надеется, что

это Правительство не перестанет оказывать ему всю свою поддержку по причине первостепенной исторической роли, каковой была роль России в делах Мальтийского Ордена с XVIII века» [1, л.24].

К этим сведениям добавлялась справка о графе де Пьердоне: будучи чрезвычайным посланником и полномочным «министром Суверенного Мальтийского Ордена в Румынии» с 1933 г., он также приходился внуком Мишелю Паше⁸, «основателю Общества набережных Константинополя». Более того, де Пьердон являлся одним из главных членов Общества Ферм Чукур-Овы⁹ (вилайет Адана¹⁰): согласно советским данным, это общество было «весьма значительным предприятием по размеру уступленных территорий (60 000 гектар), эксплуатация или выкуп которого составляют с самого начала объект постоянной тяжбы с турецким правительством» [1, л.23].

Советская дипломатия выяснила, что семейство де Пьердон являлось одним из крупнейших акционеров Общества набережных Константинополя. Таким образом, посольство в Париже смогло предоставить информацию о французских стейкхолдерах, которые суммарно контролировали 15 000 акций. На долю фамилии де Пьердон приходилось 5 235 акций: они принадлежали графам Тьеру Мишелю де Пьердону и Юберу Мишелю де Пьердону [1, л.25].

Само по себе Общество представляло из себя концессию, дарованную предку представителя Мальтийского ордена султаном Абдулом-Гамидом II. В 1878 г. турецкий лидер предоставил Мишелю Паше де Пьердону право на строительство в столице Османской империи набережных, складов и доков, разделив все акции (40 675 штук) между ним и экспертом по строительству портов Дюпарши. В дальнейшем султан обеспечил и технических работников ценными бумагами, необходимыми для членства в Обществе. Уже в начале XX в. крупный пакет акций был выкуплен британцами, которые совместно с французами и основали консорциум, просуществовавший до 1931 г. В 1930-е гг. Турция, вероятно, пожелав минимизировать иностранное влияние на свою экономику, приняла решение о выкупе концессии. Впрочем, если в отношении британцев процедура выкупа была

⁸ Мишель Паша (Blaise-Jean-Marius Michel, Comte de Pierredon либо Michel Pacha) – французский архитектор, творивший в XIX – начале XX вв. Прославился обустройством маяков и набережных в Османской империи.

⁹ Чукур-Ова (современное написание – Чукурова) – низменная равнина на юго-востоке Турции. Также именуется Аданской низменностью.

¹⁰ Вилайет Адана – одна из административных единиц Османской империи, образованная в 1869 г. и располагавшаяся на юго-востоке малоазиатской части страны.

Александр Ефремович Богомолов – чрезвычайный и полномочный посол СССР во Франции в 1940–1950 гг.

проведена еще в 1944 г., то переговоры с французами продолжались и осенью 1945 г. [1, л.26–27].

Обращение де Пьердона к советскому правительству примечательно еще и в контексте территориальных претензий СССР к Турции. Напомним, что еще летом 1945 г. на Национально-церковном соборе Армянской Апостольской Церкви¹¹ по согласованию с советскими властями рассматривалась идея о передаче части т. н. «Западной Армении»¹² в со-

¹¹ Национально-церковный (Поместный) собор Армянской Апостольской Церкви, прошедший в июне 1945 г., позволил армянскому населению избрать католикоса всех армян, которым стал Геворг VI (Чорекчян). Присутствие именитых гостей (например, католикоса Киликии Гарегина I (Овсепяна) и иностранных представителей сделали церковное мероприятие не менее важным, нежели Поместный собор Русской Православной Церкви, который был проведен в январе–феврале 1945 г.

¹² «Западная Армения» – западная часть т. н. исторической Армении, которая с XVI в. находится под контролем Турции. Несмотря на передачу части «западноармянских» территорий Российской империи по результатам русско-турецкой войны 1877–1878 гг., на момент начала 1920-х гг. эти земли вновь контролировались турками. Московский и Карсский договоры 1921 г., заключенные между Турцией и РСФСР, а также республиками Южного Кавказа, утвердили суверенные права Турецкой Республики на обозначенные территории. В 1945 г. советское руководство было намерено пересмотреть сложившуюся ситуацию, что стало одной из главных причин эскалации напряженности в советско-турецких отношениях.

став Армянской ССР, что означало пересмотр договоренностей между Москвой и Анкарой, достигнутых еще в начале 1920-х гг.

Не имея однозначной возможности утверждать, что предложение о сотрудничестве, исходившее от де Пьердона, обусловлено именно вниманием Кремля к турецкому направлению, признаем, что сам факт обращения крупного акционера, заинтересованного в наличии инструмента давления на турецкое правительство, причем именно перед переговорами о цене выкупа акций у французов, весьма симптоматичен. Допускаем, что подобная потенциальная взаимосвязь была усмотрена и посольством, поскольку оно в своих бумагах для центра уточнило: «Стоит вопрос о попытке торгового атташе Франции в Анкаре г-на Бассаже в октябре–ноябре 1945 г. добиться для французских владельцев той же цены, что и для английских владельцев для того, чтобы, возможно, увеличить дивиденды, невыплаченные с 1940 г.» [1, л.27].

Впрочем, де-юре обращение де Пьердона все же касалось перспектив улучшения отношений между Мальтийским орденом и СССР, а не финансовых интересов графа. Трехстраничная справка, поданная советским представителям и обосновывавшая мнимую заинтересованность Москвы в диалоге с иоаннитами¹³, напоминала о значимости ордена. Так, авторы записки акцентировали внимание на том, что со времен завоевания рыцарями острова Родос в 1309 г. «признание этой суверенности никогда не прекращалось. Она проявляется еще некоторым количеством дипломатических миссий в Европе» [1, л.28]. Сторонники сближения с СССР недвусмысленно намекнули на свои надежды, заявляя, что «этот Орден прямо интересуется Россией, с которой он имел отношения со времен Петра Великого» [1, л.28]. Напомнив о роли Павла I в руководстве орденом на рубеже XVIII–XIX вв. и подчеркнув, что протекторат России над орденом так-де никогда и не отменялся, авторы записки делали оригинальный вывод. Раз Александр I, в целом, не отказывался от звания «Протектора Суверенного Мальтийского Ордена» [1, л.29], а протекторат этот формально якобы продолжает действовать и на момент 1945 г., значит, «полномочия» протектора теперь принадлежат Президиуму Верховного Совета СССР [1, л.30].

Даже если не обращаться к формально-юридической стороне вопроса (которая явно указала бы на необоснованность подобных претензий на протекторат), бросается в глаза демонстративность обращения графа

¹³ Иоанниты – Орден братьев иерусалимского госпиталя св. Иоанна Крестителя, т.е. Орден Святого Иоанна. Одно из наименований ордена госпитальеров. В XVI в. Орден приобрел современное название – Орден Мальтийских рыцарей или Суверенный Мальтийский орден.

Павел I в одежде магистра (гроссмейстера) Мальтийского ордена.
Портрет В.Л.Боровиковского

де Пьердона к СССР. Посредством множественного акцентирования роли России в истории Мальтийского ордена (причем с использованием ссылок исключительно на политические шаги Павла I) представитель ордена силился привлечь внимание Москвы к потенциальному партнеру.

Вероятно, спор о том, чем именно были мотивированы действия де Пьердона, бесплоден в условиях столь ограниченного источникового материала. Хотя и оговоримся, что совпадение таких фактов, как судебные тяжбы Общества Ферм Чукур-Овы, бенефициаром которого являлся граф, с турецким правительством, наличие у французских акционеров Общества Набережных Константинополя повода искать дополнительный инструмент влияния на Анкару, а также территориальные претензии Советского Союза к южному соседу, – все это выглядит неслучайным.

С исследовательской точки зрения имеет смысл поставить следующие два вопроса. Во-первых, почему вообще Мальтийский орден (в лице де Пьердона) решил тогда обратиться к СССР с предложением о сотрудничестве? Во-вторых, почему советское дипломатическое представительство

ство во Франции считало нужным донести эту информацию до центра, о чем свидетельствует факт отправки бумаги в 1-й Европейский отдел НКВД?

Ответ на первый вопрос, как видится, проистекает не только из кажущегося сиюминутного совпадения интересов де Пьердона и советской власти в отношении Турции. Скорее, речь идет о том, что в условиях победы над нацизмом и освобождения части европейских стран и народов от гитлеризма преобразился международный облик СССР. Советский Союз в раннее послевоенное время зачастую абсолютно справедливо воспринимался как страна-освободительница. При этом в 1945 г. как обыватели, так и прожектеры, подобные описанным выше, были склонны преувеличивать возможности Москвы в решении вопросов, связанных с международной конъюнктурой.

В области международно-политических отношений следует искать и разгадку готовности посольства СССР во Франции обратиться (даже со столь странной и расплывчатой просьбой) к Москве. С одной стороны, Мальтийский орден, как религиозная по своей природе инсти-туция, мог привлечь внимание советских представителей в условиях повышения значимости религиозного фактора. На фоне разворачивавшейся советской информационной кампании против Ватикана и подготовки Русской Православной Церкви к проведению Вселенского Собора (вместо которого в 1948 г. все же будет создано Всеправославное совещание) диалог с религиозной структурой, ассоциативной Западу, мог стать дополнительным инструментом влияния в борьбе на церковно-политическом поле.

С другой стороны, на фоне претенциозных геополитических планов советского руководства, которыми были отмечены середина и вторая половина 1940-х гг., заявления о мнимом протекторате Президиума Верховного Совета СССР над Мальтийским орденом могли бы, как это ни странно, все же иметь некий отклик. Отчасти тирады де Пьердона об особой роли России в истории ордена попадали и в тренд трансформации идеологии от интернационализма к советскому патриотизму. В этой связи дополнительное апеллирование к «славному прошлому» рубежа XVIII–XIX вв. должно было послужить еще одним фактором, привлекающим внимание советских представителей к замыслу графа.

Так или иначе, предложение графа де Пьердона после ознакомления с ним 1-го Европейского отдела НКВД было отправлено в архив. Подобная судьба постигла и документ, содержавший проект создания «Города наций».

Советская дипломатия на стыке эпох

Представленные нами два проекта свидетельствуют о том, что политические прожектерство и авантюризм, неизбежные в эпохи трансформации международной системы, оказались характерны и для 1945 г. Внешнеполитический образ советской сверхдержавы притягивал к ней разного рода просителей, считавших возможным обратиться к Москве в целях обеспечения собственных интересов.

Стоит отметить различные модели реагирования советской дипломатии на подобные планы. Если в отношении «Города наций» нами не было замечено обращений к центру (т.е. сама затея сразу была признана провальной), то письмо графа де Пьердона все же было отправлено в НКВД. Скорее всего, по мнению представителей советской внешнеполитической службы, первый проект не отвечал интересам Москвы и, в целом, противоречил уже согласованным на тот момент планам проведения конференции в Сан-Франциско (где в итоге и был принят Устав ООН). Второй же проект, несмотря на всю его специфичность, в теории мог позволить СССР установить отношения с Мальтийским орденом и найти точки соприкосновения интересов. Впрочем, отсутствие в предложении де Пьердона конкретики и апелляция автора записки исключительно к имперским временам не могли убедить советскую дипломатию в продуктивности развития диалога.

Таким образом, в условиях становления новой системы международных отношений советские дипломаты сохраняли рациональный подход и предпочитали не отвлекаться на планы, не сулящие СССР реальных выгод.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф.0136. (Референтура по Франции.) Оп.29. Д.4.
2. Агуреев С.А., Скотников Д.Е. Мальтийский проект Павла I – отражение российской внешней политики // Обозреватель. 2024. №2(403). С.90–101.
3. Иванов Э.А. Природа международной правосубъектности Мальтийского ордена // Правоведение. 2022. Т.66. №4. С.371–385.
4. Стегний П. Сердце на языке. Мальтийский орден в эпоху Павла I // Родина. 2012. №5. С.8–72.
5. Цацка И.П. Суверенитет Мальтийского ордена: реальность или возможное будущее // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. №9 (47). Ч.2. С.182–185.

Sunt lacrimae Rerum.
Есть слезы для бед.

Вергилий

Бог послал и привел нас для показания им света истины. Теперь, так сказать, дело за нами. Но будет ли что от нас? Позволят ли нам наши силы, а паче – наша леность, сделать что-нибудь? Ах, эта леность! Не будь ее – тогда все мы можем обещись силою апостолов.

Святитель Иннокентий

Валентин Печатнов
Владимир Печатнов

НЕОЖИДАННЫЙ ПОБЕДОНОСЦЕВ

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
94 (47) 08

В статье рассматривается необычная судьба российского миссионера в Америке крестьянского сына Василия Бурова, который стал протеже обер-прокурора Св. Синода К. П. Победоносцева. Сквозь призму взаимоотношений безвестного псаломщика и влиятельного сановника Российской империи показывается жизнь русского духовенства в Америке и роль Победоносцева в качестве опекуна Алеутской и Аляскинской епархии, принимавшего живое участие в ее работе. Обер-прокурор Св. Синода предстает с неожиданной стороны как заботливый наставник и благодетель российских священнослужителей в Америке, сыгравший ключевую роль в жизни Бурова.

The article traces an unusual life trajectory of Russian peasant Vassily Bourov who became a protégé of all-powerful Over-Procurator of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church Konstantin Pobedonostsev and came as an Orthodox missionary to America. This relationship between an obscure psalm reader and one of the pillars of the Russian Empire serves as a prism into the life of Russian clergy in America and Pobedonostsev's own role as a curator of the Aleutian and Alaskan diocese who played an active part in its activities. The Over-Procurator reveals his unexpected side of a caring benefactor of the Russian clergy in the United States.

Ключевые слова: Победоносцев; Буров; Святейший Правительствующий Синод; Аляскинская и Алеутская епархия; Русская духовная миссия в Америке.

Key words: Pobedonostsev; Bourov; the Holy Synod; Aleutian and Alaskan diocese; The Russian spiritual mission in America.

E-mail: vopechatnov@gmail.com; vpechatnov@yandex.ru

В российском массовом сознании обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода Константин Петрович Победоносцев остался символом и оплотом реакции, бездушным и безликим (как на известной картине И.Е.Репина «Торжественное заседание Государственного Совета») Великим инквизитором, бесстрастно вершившим судьбы страны и людей. Только в последние годы его образ государственного деятеля и мыслителя начинает приобретать более сложные и полновесные очертания¹. Однако Победоносцев-человек еще не полностью разгадан. Между тем архивные документы, прежде всего – огромное эпистолярное наследие Победоносцева – позволяют заглянуть вглубь этой богатой человеческой природы, представляя ее в новом свете.

Пожалуй, самая неожиданная сторона Победоносцева, открывающаяся в этих документах, – отзывчивость и участие в судьбах незнакомых ему людей. К нему стекался непрерывный поток ходочков, просителей и прошений, на которые он исправно отвечал. Добросовестность его была хорошо известна и только увеличивала этот поток. Зная его близость ко двору, к нему с просьбами о финансовой поддержке обращались самые разные люди – от знаменитого композитора П.И.Чайковского и путешественника Н.Н.Миклухо-Маклая до социалистов. Другие слали свои часто фантастические проекты нововведений и открытий. «Много я читал в последние годы безумных, бестолковых, безграмотных и бездарных проектов, но подобного еще не читывал», – сетовал он министру внутренних дел графу Д.А.Толстому в ответ на один из таких прожектов [8, 1, с.315]. Доверенным людям Победоносцев часто жаловался, что все эти просители отвле-

¹ К.П.Победоносцев в воспоминаниях современников, речах и письмах. Москва, 2016; Тесля А.А. Русский консерватор: о системе политических воззрений К.П.Победоносцева 1870–1890-х годов // Социологическое обозрение. Т.16 (2017). №1. С.151–172; Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. Москва: РОССПЭН, 2010. 374 с.; Он же. Протестантизм и католичество в оценках «русского Торквемады»: к вопросу о религиозных воззрениях К.П.Победоносцева // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2016. Вып.5 (67). 24–32; Нуреева С.В. К.П.Победоносцев о духовной основе государства и права // Актуальные проблемы российского права. 2012. №2. С.11–19; Сосенков Ф.С. Идеи государственного единства и противодействия сепаратизму в политико-правовых воззрениях К.П.Победоносцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №4 (359). Право. Вып.41. С.21–25; Павлов Н.В. К.П.Победоносцев о народном представительстве в России // Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2008. №2. С.12–17; Светлова Н.Е. К.П.Победоносцев и церковно-приходские школы России в начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2018. Вып.49. С.59–68; Тайный правитель России: К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки, 1886–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания. Москва, 2001.

кают его от служебных дел. Но, судя по всему, он находил в этой роли ходатая «большое удовольствие», отмечает его американский биограф Р.Бирнс [11, р.239]. Бирнс объясняет это тем, что для Победоносцева как деятеля кабинетного типа это был основной источник информации о положении дел во вверенных ему сферах. Но, думается, что дело было не только в этом. Похоже, ему доставляло искреннее удовольствие помогать интересующим его людям и делам. Сказывалась и природная дотошность – привычка, взявшись за вопрос, как следует разобраться в нем и сделать все возможное для его решения. Вот только один тому пример.

Обер-прокурор и псаломщик Буров

«У меня на руках находится некто Буров, коего историю изволите усмотреть из прилагаемой (особо под бандеролью) переписки моей

с о.Евгением, – писал Победоносцев главе Алеутской и Аляскинской епархии епископу Николаю (Зиорову) в сентябре 1894 г. – Как увидите, он знает языки, особливо английский, и смолodu упражняется в церковном пении и чтении. По характеру человек тихий и сосредоточенный... Потребности его ограничены, он вполне трезв» [1, оп.2, д. 247, л.52–53]. Простой крестьянский сын Василий Буров не случайно оказался «на руках» у всесильного обер-прокурора Св.Синода. История его поистине удивительна.

В своих письмах к обер-прокурору Буров рассказывал, что происходил из крестьянского сословия и провел детство в селе Большие Березники Карсунского уезда Симбирской губернии. Родители его «жили довольно сносно», но после нескольких пожаров лишились и своих кирпичных мастерских, и дома, скитаясь по чужим квартирам и дойдя «до крайней бедности». Сам Буров окончил местную школу, а затем продолжал учебу у частного учителя, одновременно служа певчим в Березниковском церковном хоре. В 1882 году он переехал в Ростов-на-Дону, где под руководством местного архитектора научился строительному и печному делу. Там же он засел за Библию, и самостоятельное изучение Священного Писания привело любознательного и самобытного юношу к тому, что он «увлекся сектантскими религиозными воззрениями, которые затем никакими средствами не был в состоянии изменить», писал он впоследствии в прошении на Высочайшее имя. С пылом новообращенного, которому открылась истина, он стал распространять свои новые убеждения среди окру-

жающих, в том числе – на публичных диспутах со священниками. «Тогда же начал я знакомить известных мне ростовцев с этими воззрениями, что и повело некоторых из них к оставлению православной церкви, – продолжал он в том же прошении. – За сие меня в 1884 году арестовали и после отвержения пастырских увещаний со стороны православных священников я в 1885 году был приговорен Таганрогским окружным судом к ссылке в Сибирь с лишением всех прав и состояния» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Уже здесь проявились устойчивые черты характера Бурова – тяга к поискам истины, упорство в своих принципах (взгляды менялись) и миссионерское стремление к обращению в свою новую веру окружающих. Его девизом могли бы стать известные слова А. Теннисона: «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Вместо того, чтобы внять увещаниям священнослужителей, он предпочел остаться при своих убеждениях, рискуя угодить на каторгу. Однако ему удалось не просто бежать из Таганрогской тюрьмы, но и каким-то чудом добраться до Англии. Там он «поступил в протестантский теологический институт, где окончил 4-летний курс и получил право быть протестантским пастором или миссионером», как писал он в том же прошении [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Из Лондона он умудрялся помогать родителям в России деньгами из своих скромных заработков. Увлечение протестантизмом привело его в лондонский кружок Пашкова.

Отпрыск старинного дворянского рода Василий Александрович Пашков – один из богатейших людей в России, в 1870-х годах увлекся протестантским евангелизмом под влиянием английского проповедника лорда Г.Редстока и вместе с бароном М.Корфом в 1876 г. основал «Общество поощрения духовно-нравственного чтения», вскоре вошедшее в конфликт с официальной православной церковью в России. Главным гонителем Пашкова и его последователей стал Победоносцев, который добился его выдворения из России в 1884 г. Пашков поселился в Лондоне, откуда продолжил свою религиозную пропаганду в России. Он хлопотал о возвращении своем и своих соратников в Россию, в том числе – через обер-прокурора, приводя тому оригинальные доводы в свою пользу. Главным из них было то, что пашковцы – верные слуги отечества, самодержавия и Его Императорского Величества в отличие от «безверия» и оппозиции правительству, распространявшихся по всей России. «Как же вы можете пренебрегать поддержкой людей, которые из послушания Богу никогда не будут противиться власти во всех делах, не касающихся веры их, то есть предметов, выходя-

щих из пределов ведения земной власти», – писал он Победоносцеву [1, оп.2, д. 63, л.47–48].

Но обер-прокурор оставался непримирим и был немало раздосадован, когда в 1887 г. Александр III без ведома Св.Синода разрешил Пашкову ненадолго вернуться в Россию для улаживания своих имущественных дел. Императору пришлось оправдываться перед своим бывшим наставником и распорядиться, чтобы Пашков «скорее уезжал вон» [8, 2, с.795].

Буров стал одним из доверенных лиц Пашкова, но вскоре начал посещать и посольскую православную церковь в Лондоне, настоятелем которой был авторитетный богослов и проповедник о.Евгений Смирнов. Общение с высокообразованным и многоопытным наставником постепенно заставило Бурова усомниться в своих протестантских увлечениях. «Жаль, что с подобным человеком я не встречался в России, – напишет он потом Победоносцеву. – Если бы это случилось в то время, когда я крайне нуждался в разъяснении трудных для меня вопросов, когда я еще обращался к священникам с ними, то, наверное, со мной ничего бы в смысле изменения религиозных воззрений не было. Отец Евгений прекрасно знаком со всеми религиозными сектами, знает, как объяснить сомнительные и трудные задачи, вызывающие душевное беспокойство. Одним словом, он, насколько я узнал, может успокоить бедную человеческую душу» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Под влиянием о.Смирнова Буров стал стремиться к возвращению в Россию. Видимо, по совету последнего Буров и обратился к Победоносцеву с письмом, в котором раскаивался в своих прошлых заблуждениях, просил о помиловании и разрешении вернуться в Россию. «Мне неоднократно предлагали отправиться в качестве пастора в Америку или другие страны, или миссионером в Китай или в Африку, – писал он обер-прокурору в феврале 1892 года. – Но так как, вместе с развитием, мои прежние убеждения изменились, то мне стало жаль тратить силы на пользу протестантской церкви и Англии. Вследствие сего, а равно и любви к родине и твердого желания вновь вернуться в православие», Буров просил разрешения возвратиться в Россию [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Победоносцев к тому времени уже знал о нем от своего доверенного корреспондента в Париже, который следил за деятельностью Пашкова за границей и еще весной 1888 г. доносил ему о Бурове как близком соратнике Пашкова. Это тот самый человек, писал он, ко-

торый «в Ростове на Д. развращал народ и в Таганроге в окружном суде был судим с присяжными заседателями, осужден был пожизненно в ссылку в Сибирь и удрал из острога в Таганроге, а теперь живет вместе с Пашковым в Лондоне» [8, 2, с.884]. Поэтому, получив первое покаянное письмо от Букова, обер-прокурор, надо полагать, испытал удовлетворение от того, что от Пашкова начинают отходить его помощники. Отсюда – его положительная реакция на это письмо, о которой известно из второго письма Букова. Оно начиналось с выражения благодарности: «...за готовность Вашу хлопотать обо мне в смысле первого моего письма» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Помилование требовало Высочайшего соизволения и обер-прокурор, тронутый, видимо, раскаянием грешника на фоне упорствования других пашковцев, не затруднился обратиться с этой просьбой к самому императору. «Позволяю себе представить на воззрение Вашего Императорского Величества переписку по любопытному случаю, показывающему, какими кривыми путями иногда простые русские люди отдаляются от церкви и потом возвращаются к ней, – писал он Александру III 6 марта 1892 г. – Несколько времени тому назад я получил письмо из Лондона от Букова с просьбой ходатайствовать за него о помиловании и возвращении в Россию; письмо это отослал почтенному нашему Лондонскому священнику для объяснения с Буковым, и получил от него обстоятельное изложение всего дела. Тогда Буков по совету моему, прислал из Лондона просьбу на имя Вашего Величества. Просьба эта, вероятно, вскоре будет доложена Вашему Величеству О. Б. Рихтером (фактический начальник канцелярии Императора, ведавший, среди прочего, прошениями на Высочайшее имя. – *Авт.*). Мне представляется, что было бы достойно милости – возвратить эту заблудшую овцу домой, где Буков мог бы принести пользу для миссионерского дела» [8; 2, с. 963].

Характерна дотошность обер-прокурора: не полагаясь на чистосердечность раскаяния самого Букова, он решил перепроверить его обращение через опытного настоятеля, который, видимо, подтвердил искренность Букова и в целом положительно характеризовал его. Победоносцев скажет потом в письме к тому же еп. Николаю: «Я извлек его из Лондона, положившись на свидетельство о. Смирнова...» [1, оп.2, д. 247, л. 78об.]. Идея возвращения заблудшей овцы понравилась и императору. «В высшей степени курьезно и отрадно, что он снова возвратился

к православию», – начертал он в ответ [8; 2, с. 963]. После этого колеса дворцовой бюрократии быстро закрутились. 30 марта О.Б.Рихтер почти-тельно сообщал Победоносцеву:

«Милостивый государь Константин Петрович,

По всеподданнейшему докладу моему прошения крестьянина Симбирской губернии Василия Букова о помиловании его с дозволением возвратиться в Россию, а также доставленных мне 19-го сего марта Вашим Высокопревосходительством всеподданнейшей записки Вашей с Высочайшею на оной отметкою и писем на Ваше имя протоиерея Смирнова и просителя Букова, Государь Император в 26 день сего марта Высочайше повелеть соизволил передать означенное всеподданнейшее прошение министру юстиции для рассмотрения и доклада Его Императорскому Величеству».

6 мая после доклада министра юстиции последовало Высочайшее соизволение «даровать лишенному всех прав состояния Василию Андрееву Букову помилование» [8; 2, с. 964].

Победоносцев не только добился возвращения Букова в Россию, но и оплатил ему из личных средств расходы на дорогу. 11 июня помилованный отправил обер-прокурору письмо с благодарностью: «...за то, что Вы соблаговолили послать на дорогу мне сто рублей... За эту доброту и великодушие я спешу принести Вашему Высокопревосходительству глубокую мою благодарность, а равно и за ходатайство обо мне, остаюсь навсегда с признательностью к Вашей любезности» [1, оп. 2, д. 217, л. 5–5 об.).

В июле Буков прибыл уже в Санкт-Петербург, прося аудиенции у своего благодетеля перед поездкой к родителям. Состоялась ли эта встреча, неизвестно, но уже через несколько дней Буков снова писал Победоносцеву – с выражением благодарности «за оказанную [ему], в материальном и душевном смысле, любовь в Петербурге» – 75 рублей на дорогу, полученных от заместителя обер-прокурора В.К. Саблера, и устроенную Победоносцевым встречу с Ректором столичной Духовной Академии епископом Антонием (Вадковским), одним из самых образованных церковных иерархов того времени. «Этот добрейший ученый мне весьма понравился, и я рад был бы остаться под его ректорством», – писал Буков обер-прокурору [3, Cont. D 346, Buov, Vasili, 1893–1899]. Он хотел поступить в Академию для продолжения своего богословского образования и по возвращении в столицу начал посещать занятия в ней. Однако на этом пути возникли неожиданные препятствия. «Академическое начальство косо смотрело

на него, так как он прибыл извне и не был официально прикреплен к Академии», – писал обер-прокурор епископу Алеутскому и Аляскинскому Николаю. Буров, продолжал Победоносцев, хотел «усовершенствовать свое богословское образование, но профессора затрудняются допустить его к экзаменам». «Так что положение его шаткое, что он и сам чувствует, да и я советую ему не добиваться совершения курса и получения степени», – писал обер-прокурор. Вместо этого он предложил бывшему сектанту заняться миссионерской деятельностью в Новом Свете, которую тогда усиленно поддерживал [5]. «Может быть, Вы такого человека употребите у себя, – продолжал он в том же письме, – Буров просит отправить его немедленно, но я хотел прежде списаться с Вами. Если согласны, то дайте знать по телеграфу мне или Саблеру и мы немедленно отправим его. Может статься, он может быть полезен именно в Америке, под Вашим руководством» [1, оп.2, д. 247, л. 53].

Владыка Николай остро нуждался в подготовленных кадрах и положился на рекомендацию обер-прокурора, предложив отправить Бурова псаломщиком в новый чикагский приход. Знал бы он, сколько хлопот обретет с новым миссионером! Впрочем, и у самого Победоносцева при более близком знакомстве со своим подопечным стали возникать некоторые сомнения в этом «тихом и сосредоточенном человеке». В конце октября 1894 г. Буров получил заграничный паспорт [2, оп.470, год 1894, д. 22, л. 38] и в ноябре обер-прокурор сообщил Преосвященному: «Буров уехал отсюда на днях – направляют в Чикаго. Посмотрите его, он несколько странный, но думаю, что может быть употреблен с пользою. Язык знает, читает много, упражнялся (в том числе за границей) в обращении атеистов и говорит, что с успехом» [1, оп.2, д. 247, л. 59]. Перед отъездом новоиспеченного миссионера напутствовали В.К. Саблер и Преосвященный Антоний (Вадковский), ставший к тому времени епископом Финляндским. По дороге в Чикаго был утерян весь багаж Бурова с книгами и личными вещами – потеря, которую он тщетно будет пытаться возместить с помощью епархиального начальства и Победоносцева.

Основанный в 1892 г. по инициативе еп. Николая чикагский приход был беден и находился под попечением настоятеля Амвросия Вретты – священника с греческими корнями. Образованный и способный миссионер, он, однако, был небрежен в финансах и делопроизводстве, чем вызывал неудовольствие владыки и самого обер-прокурора, с подозрением относившегося к иноземным священнослужителям. Оба они надеялись,

что новый псаломщик сумеет поправить дело и вдохнуть в приход новую жизнь.

Поначалу все шло хорошо. «Отец Амвросий весьма великодушно принял меня, а равно и псаломщик г-н А. П. Цветков. Кроме того, здесь я встретился с отцом Иннокентием и со всеми братски познакомился. Все они живы и благодушествуют», – писал он по прибытии в Чикаго еп. Николаю в январе 1895 г. [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Однако благодушие продолжалось недолго. Своенравный Буров не поладил с о. Амвросием, стал совмещать службу с учебой на социологическом факультете Чикагского университета и восстановил против себя церковное начальство непочтительным отношением к Духовному Правлению. Например, вопреки всем правилам церковного дело-

Портрет Букова из газеты «Чикаго трибюн»

производства он не покорнейше просил, а требовал от Правления немедленной уплаты ренты за церковный дом, иначе «нас без церемоний выкинут из квартиры, в которой помещается церковь». Псаломщик начинал рапорт с обращения «Gentlemen!» и подписывал его как Bouroff. Вл. Николай с раздражением отмечал эти вольности знаками и комментариями типа sic! [3, Cont. D 442–445, Illinois, Chicago correspondence (1892–1915)]. Что еще хуже – Буров нередко отказывался исповедоваться, заявляя, что «в настоящее время не чувствует душевной потребности в исповеди и что совесть его пока чиста перед Судом Всевышнего» (как доносил вл. Николаю благочинный Нью-Йоркского округа о. Евтихий Баланович) [3, Cont. D 450–452, New York, Balanovitch, Evtikhii (1895–1896)]. Он также самовольно устроил выступление своего знакомого католика в цер-

ковном доме на тему о различиях между римско-католической и православной церквями, что вызвало гнев руководства епархии.

Неудивительно, что вл. Николай вскоре невзлюбил своенравного миссионера и решил отправить его назад в Россию, о чем сообщил Победоносцеву. К тому времени он сменил весь причт чикагской церкви, выписав из России новых священнослужителей. В августе 1895 г. Буров получил расчет и прогонные на возвращение в Россию, хотя они полагались только по истечении полного срока службы. Чикагские газеты писали о скором отъезде колоритного православного священнослужителя – «отца Базилия».

Псаломщик, однако, не спешил с отъездом, объясняя задержку тем, что «с нетерпением» ждет ответа на свое письмо обер-прокурору. В нем он, в частности, просил возместить ему потерю своего имущества по дороге в Америку. Победоносцев не спешил с ответом, что выводило из равновесия Бурова, лишившегося последнего источника существования.

В конце апреля 1896 г. он подробно описал свое положение в письме еп. Николаю. Он сетовал на молчание обер-прокурора и просил Владыку напомнить ему о своей просьбе занятому государственному человеку: «Я не думаю и не допускаю, чтобы он оставил всякое участие в моем настоящем критическом положении, ибо он хорошо знает, что я поехал сюда исключительно в силу его личного желания и его искренних советов, в которых я не смею предполагать никаких задних целей с его стороны». Буров повторял, что остается в Чикаго только для продолжения своего образования, тем более что университет идет ему навстречу как отличнику, освобождая его на время от платы за обучение. «Я от нее освобожден потому, что оказался выше всех социологов своего курса по знаниям» благодаря «удачно написанным семестровым сочинениям», – писал он. Но жизнь в кампусе все равно требовала средств на общежитие, питание и одежду, которых не было «...имену лишь праздничный костюм для лета, – сетовал Буров, – ежедневный же растрепался; стыдно ходить в аудитории, где массы прекрасного пола». «Но я решил бороться с судьбой до смерти, – заключал бывший псаломщик, – и не отступлю ни на шаг, доколе не узнаю, в чем заключается истина жизни, и доколе не сделаюсь действительно полезным человечеству, старающемуся освободиться от заблуждений и неправды» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Высоко метил Буров – ни больше, ни меньше как найти истину жизни и принести пользу всему человечеству! На меньшее он был не согласен.

Победоносцев не отвечал на его просьбу, поскольку не понимал, «почему он ожидает от [него] вознаграждения за свои погибшие вещи», как писал он вл. Николаю [1, оп.2, д. 247, л. 77об.]. Обер-прокурор склонялся к тому, чтобы оставить Бузова в Америке для продолжения учебы. Он не хотел брать на себя ответственность за устройство своего протеже в России и считал к тому же, что и тому будет лучше за океаном. «Что касается до Бузова, – писал он еп. Николаю в январе 1896 г., – есть в нем нечто ненормальное, и я с беспокойством думаю о возможном возвращении его в Россию... Но, может быть, лучше оставить его в Америке пристроиться к университету и урокам русского языка» [1, оп.2, д. 247, л. 73.].

К лету того же года обер-прокурор окончательно утвердился в этой мысли, повторяя ее епископу на разные лады. Судя по всему, он сожалел о своей рекомендации и теперь искал выхода из создавшейся ситуации. «Что касается Бузова, то пусть остается в Америке и живет, как знает, – писал он владыке в июне 1896 г. – Он человек может быть и добрых намерений, но странный психически и здесь в России дела ему не найдется... Это человек, не разумеющий никакой дисциплины» [1, оп.2, д. 247, л. 78об.]. Бузов писал обер-прокурору и о других сюжетах, жалуясь на руководство епархии и свое бывшее непосредственное начальство. Победоносцев исправно читал его письма, изредка отвечая на них и ставя в известность об этой переписке вл. Николая. «Посылаю бандеролью давно залежавшееся у меня пространное письмо Бузова, – сообщал он ему весной 1896 г. – Если верно хотя наполовину то, что он пишет о Вретте, то это человек негодный. Сам Бузов весьма странной природы и странного настроения – пусть бы оставался в Америке, где найдется ему дело, а в России едва ли будет годен к делу. Насколько пригоден он быть может к церковному служению, трудно решить на основании первого опыта, если дело было так как, он описывает» [1, оп.2, д. 247, л. 77об.].

Оставшись без работы и жалования с одним заочным благословением обер-прокурора и перебиваясь случайными заработками, Бузов продолжал свои занятия на социологическом факультете, где ему дали возможность заняться свободным творчеством. Во время летних каникул он написал основу большого сочинения под названием «Высший разум во Вселенной» или «Господь в его делах», получившего одобрение его профессора, который нашел сочинение «весьма выдающимся по мысли и вполне годным для печати с большой оплатой за труд». Сообщая об этом еп. Николаю, Бузов просил

у него 100 долларов под залог будущего гонорара. Вдохновленный перспективой осчастливить человечество, прославиться и заработать («оконченный труд может составить новую эпоху в моей экономической жизни»), Буров ручался головой за возврат долга и выражал нескромную надежду, что со временем и еп. Николай будет благодарен «за появление в мире [этого] труда» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. В постскриптуме к письму он добавлял: «Написал кн. Ухтомскому социологическую статью, а он вместо денег ежедневно присылает мне газету "Санкт-Петербургские ведомости". Что толку от князей!»

Вместо выражения благодарности вл. Николай пожаловался Победоносцеву на дерзкое поведение его протеже, поскольку через несколько месяцев Буров писал епископу о «выговоре от Константина Петровича» за его «грубые письма» к вл. Николаю. Буров хотел было ответить своему благодетелю словами сердечной благодарности, но не стал этого делать, хотя в общении с ним «мог свободно высказывать даже самые сокровенные мысли души». В том же письме Преосв. Николаю он описывал свои университетские долги и то бедственное материальное положение («самое тяжелое в [его] жизни»), которое «могло быть еще хуже среди другого общества».

«Но американцы ждут и глубоко сочувствуют этому положению, — писал Буров. — Что-то будет на днях, если еще не буду в состоянии разделаться с кредиторами. А конец вероятного времени наступает...

Жаль, конечно, расстаться с этим обществом, всегда готовым содействовать благу своего ближнего, т.е. американца. Многие европейцы, принявшие американское подданство Соед.Штатов и теперь находящиеся в университете, говорят, что изменение их подданства сделалось благословением в их жизни, потому, что им всеми мерами содействуют не только в этой alma mater, но и вне ее, где только знают, что они свои, т.е. the Citizens of the U.States. И если бы я также сумел побороть свою преданность старому отечеству, то почти при готовом и одобренном сочинении высшего порядка, имел бы несравненно лучшую перспективу, чем эти господа американского благословения. И если бы я мог также нагло отвергнуть свое отечество, как сделали они, то я стоял бы здесь несравненно выше их во всем. Но такое насилие светлейшего и глубочайшего чувства души всегда оказывается несносным для меня, и при всех симпатиях к этому обществу оно является свыше сил ума моего; рассудок не может побороть этого чувства» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Вл. Николай оставался глух к мольбам Бурова, и тот в отчаянии обратился к своему петербургскому благодетелю с неожиданным для того предложением. «На днях получил письмо от Бурова, – сообщал Победоносцев вл. Николаю в ноябре 1896 г. – Он написал какое-то сочинение и просит прислать ему 200 долларов на поездку в Россию для его напечатания. Я написал ему, что не дам денег и не ездил бы он сюда, ибо здесь он не подойдет под дисциплину и трудно найти ему занятие. А оставался бы в Америке, куда склад его больше подходит. Станный человек – ненормального склада» [1, оп.2, д. 247, л. 87–87об].

Между тем продолжение учебы Бурова в университете натолкнулось на новое препятствие: администрация потребовала оплаты за обучение или принятия им американского гражданства для продолжения бесплатной учебы. При всей тяге к знаниям выбор для крестьянского сына был ясен. «Им, очевидно, хотелось заловить хоть одного русского интеллигентного, а потому все их содействия и обещания сводились к тому, что я непременно готовился принять подданство... а в конце концов поняли, что я не намерен быть американцем», – писал он вл. Николаю в марте 1897 г., сообщая о своем отчислении из университета. Не поддался Буров и на предложение знакомого американского добродыши подыскать ему место мелкого чиновника в Вашингтоне, «желая дать [ему] случай объамериканиться вполне». «Зная, что и там все сопряжено с принятием подданства, для чего [он] вовсе не ехал в Америку», Буров обратился к российскому консулу в Чикаго барону А. Шлиппенбаху с просьбой отправить его в Россию за казенный счет и ссудить 100 долларов для покрытия университетских долгов. «Я, конечно, с покорностью просил бы места у Вашего Высокопреосвященства, прежде чем обращаться к консулу, – хитро ввернул Буров в письме Преосвященному, – но, зная, что мое место занято, я решил сделать самое неприятное для себя». «В случае отказа со стороны консула, – заключал он, – я сделаю обращение к более верному источнику и все-таки не отдам свою жизнь в пользу чужого народа... Я остался здесь учиться, а не служить в Вашингтоне» [3, Cont. D 442–445, Illinois, Chicago correspondence (1892–1915)]. Преосв. Николай ограничился тем, что передал письмо «для сведения» в Духовное Правление.

Судя по всему, консул Шлиппенбах, как и следовало ожидать, отказался помочь бедному студенту, поскольку в апреле Буров опять обратился к главе епархии, узнав о вакансии на место псаломщика в чикаг-

ском храме, с которого он начинал свою службу в Америке. Попутно для укрепления собственной репутации он подробно рассказал о митинге солидарности с борьбой греков против Османской империи, устроенном им в Чикагском университете с присутствием профессоров и журналистов. Сам Буров выступил на нем с большой речью, имевшей, по его словам, шумный успех: «Аплодировали так это ужас; барышни и студенты отбили свои руки, кажется» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Обо всем этом на следующий день писали чикагские газеты. Но и эта просьба осталась втуне.

В начале мая Буров снова обратился к Владыке, узнав о вакансии второго учителя духовной школы в далекой Ситке. Будучи убежден, что «русский... где бы он ни был, должен быть русским подданным и верным сыном своего отечества», он просил назначить его на это место [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. На сей раз Преосвященный с учетом мнения обер-прокурора решил все-таки дать его непутому протеже еще один шанс, но вменил ему кроме учительских еще и обязанности эконома, а также переводчика с английского языка при миссии с окладом 720 рублей золотом в год. Буров стал собираться в дальний путь. До отъезда, писал он Владыке, необходимо рассчитаться с долгами по университету перед столовой (где за него поручился декан факультета) и «товарищами студентами», тем более что «некоторые кредиторы сами из бедных». Буров просил Владыку «выручить [его] из всей этой беды, прежде чем [он] заслуж[ит] все эти издержки». Он также заверил Преосвященного, что скандалы, подобные тем, что имели место в чикагском приходе с о. Вреттой, больше не повторяются [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Назначение Букова в далекую Ситку немало расстроило его главного американского покровителя – декана социологического факультета А. Смолла, который принял в нем большое участие и хлопотал об определении его в министерство финансов в Вашингтоне с зарплатой в 1500 долларов (глава ведомства был личным другом декана). Смолл предложил Букову не ехать в Ситку, а дожидаться ответа из Вашингтона, добавив, что «так делают американцы при выборе мест». Тот отказался, поскольку уже дал слово, а честность для него «дороже денег». Описав этот разговор в письме Владыке, Буров заключил: «Благодаря великодушию Вашего Преосвященства я, кажется, успел избежать подобного насилия моей нравственной природы» (то есть принятия американского подданства) [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Вскоре Буров получил неожиданное приглашение от командированных в Америку сотрудников российского министерства земледелия и государственных имуществ, посланных в Чикаго министром Ермоловым для изучения американского опыта в сельском хозяйстве, сопровождать их в поездке по стране в качестве переводчика. За это ему обещали стол и проезд до Сан-Франциско, откуда лежал путь в Ситку [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Владыка отпустил его в эту поездку до начала учебного года.

К октябрю Буров обустроился в Ситке, обзаведясь за казенный счет минимальной обстановкой и хозяйственной утварью. Ситкинская духовная школа предназначалась для детей местных жителей (в основном – креолов) с целью их последующей подготовки к младшему церковному служению. Лучшие ее выпускники доучивались затем в местной более продвинутой Иннокентьевской школе. Работы у Бурова было много, так что когда Преосвященный предложил ему преподавать английский язык еще и в Иннокентьевской школе, Буров категорически отказался. Помимо обязанностей учителя и эконома, отвечал он, ему приходится служить переводчиком в сношениях церкви и приюта при ней с американцами, а также, кроме участия в богослужении, «проповедывать народу и еще как председателю общества следить за делами Св. Николаевского Ситкинского братства». «И при такой нагрузке, – заключал он, не говоря уже о влиянии безобразнейшего климата и других условий жизни...едва ли возможно хранить целостность своего здоровья хотя бы на один год» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Отказался Буров и от предложенного Духовным Правлением учительского места с повышением оклада на острове Уналашка вдали от насиженной Ситки. Свой отказ он объяснил нежеланием жить «на еще более удаленном от мира острове», хотя признавал, что тамошний оклад помог бы ему рассчитаться с ситкинскими и другими долгами [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

К бедности и утомительной работе вскоре добавились и другие проблемы. Основным учителем в Ситкинской школе был некто А.Протопопов – как и Буров, из недоучившихся семинаристов, и тоже обладавший непростым нравом. Между двумя горячими молодыми людьми скоро возник постоянно разгоравшийся конфликт. Порой дело доходило до нешуточных сцен, с юмором описанных назначенным в Ситку смотрителем школы иеромонахом Антонием (Дашкевичем) в рапорте вл. Николаю. «Ось всех недоразумений – терроризм малого телом, но великого духом человека, который с револьвером в руках бегал и нешуточно

грозил тем же огнедышащим инструментом Б., устроивши последнему убедительное кулакоприкладство, касательное многими точками его физиономии. Были ненужные свидетели этого рукопашного раздорного конфликта. Вообще эти два шалуна ко времени моего приезда много разлили в Ситке молока...» [3, Cont. B 5–6. Dashkevich, Antonii F. (igumen, bishop) (1897–1906)].

Но, видимо, последней каплей, исчерпавшей терпение Преосвященного, был рапорт Бурова о финансовой отчетности по приюту, которую он должен был представить как эконо́м. В нем он, желая показать свою ученость, расписывал разные виды отчетов, принятых «во всем цивилизованном мире», и просил Владыку «сообщить [ему] определенные цели, которые нужно достигнуть и показать ведением отчетов». «Удивительно, – начертал на его рапорте еп. Николай, – вместо того, чтобы предоставить отчет, яйца курицу учат!». В итоге он дал следующее указание Духовному Правлению: «Ввиду всякого рода нестроений, происходящих в Ситкинской школе между служащими, считаю нужным принять следующие меры: В.Бурова, как совершенно не признающего никакой субординации и дисциплины, уволить от службы в Ситке и Алеутской епархии с выдачей ему на проезд в Чикаго, откуда он был взят в Ситку, 75 долларов и льготного билета на проезд как учителю школы». Указание заканчивалось строгим внушением пресмникам Бурова в Ситке: «Все порядки, заведенные изначала, должны быть строго исполняемы. Праздности в школе и приюте не должно быть. Должен быть всегда разнообразный и разумный труд, причем воспитатели должны во всем подавать пример своим питомцам. В отношении высшей власти должны быть почтительны и ни под каким видом не позволять себе писать такие дерзкие и нелепые бумаги, как это было особенно в последнее время» [3, Cont. D 475–476. Ziorov Nikolai (Bishop) from: To Sitka clergy (1892–1898)].

Извещение об увольнении из епархии дошло до Бурова только в ноябре, после чего он обратился к еп. Николаю с жалостливым и одновременно дерзким письмом. Начиналось оно с лирического вступления: «В чужой стране, где с января 1895 года мне приходилось испытывать только лишения и неудачи, а за последние 15 месяцев служения православной церкви в Ситке приходилось переносить немало горя и разных треволнений помимо труда и разных забот». Затем следовало описание мытарств возвращения в Сан-Франциско, где после уплаты ситкинских долгов и дорожных расходов он оказался с 4 долларами в кармане. «Подобное финансовое состояние

нужно назвать прямо несчастным, судя по времени и силам, потраченным в Ситке. Да и вообще в Америке меня постигло то, чего я никак не ожидал и о чем никогда не думал...» После этого следовала просьба не только помочь ему добраться до Чикаго, но и оплатить дальнейшее обучение в Чикагском университете хотя бы на один год (360 долларов). «Стипендией, Ваше Преосвященство, вы бы доставили мне счастье на всю жизнь... Осчастливьте же несчастного, потерявшего в Америке столько времени с людьми, Вам уже известными» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

Преосв. Николай к тому времени уже собирался назад в Россию и передал прошение Бурова о стипендии «на благоусмотрение» своего преемника епископа Тихона (Беллавина). Со своей стороны он не только оплатил проезд Бурова в Чикаго, но и снабдил его провизией на дорогу, за что тот был премного благодарен.

По возвращении в Чикаго Буров вновь стал писать Победоносцеву о своих проблемах, прося помощи и совета. Как ни удивительно, суровый обер-прокурор продолжал принимать участие в этом «не совсем нормальном» крестьянском сыне, хотя и называл его в переписке с вл. Николаем «человеком, не крепким головою» [1, оп.2, д. 247, л. 113 об]. В конце года Буров получил письмо от Духовного Правления. «Милостивый государь, Василий Андреевич!» – необычно тепло начиналось оно. «Преосвященный Николай, – говорилось в письме, – очень рад, что Вы устроились в университете и учитесь успешно. Он также получил письмо от Конст. Петровича Победоносцева, в котором тот выражает свое одобрение относительно принятого Вами намерения – окончить курс университета... Преосвященный высказывал Вам свою уверенность в том, что Константин Петрович, как питающий к Вам расположение, может оказать Вам свое содействие к устройению Вашей судьбы в России». Преосвященный даже выразил готовность выдать Бурову его отложенные прогонные (100 долларов) «ввиду [его] намерения остаться в Чикаго до окончания курса, а с другой стороны, ввиду сочувствия к этому [его] предприятию Константина Петровича», правда – на возмездной основе. В заключение Владыка передал Бурову свое прощальное архипастырское благословение и пожелание «хороших успехов, мира душевного и радости» [3, Cont.D 475–476. Ziorov Nikolai (Bishop) from: To Sitka clergy (1892–1898)].

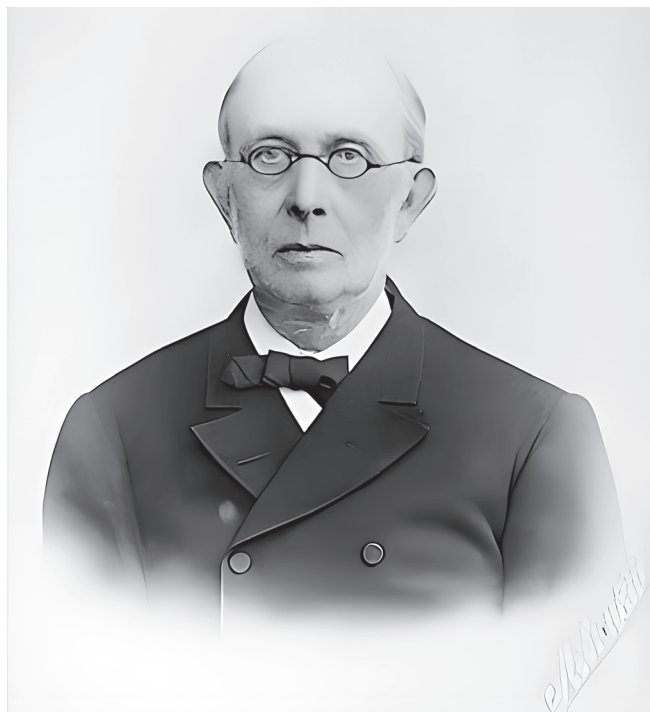
По совету Победоносцева Буров обратился со своей просьбой к новому главе епархии. Изложив тому всю историю своей американской эпопеи, бывший псаломщик и учитель со ссылкой на совет своего

«благодетеля Константина Петровича» просил дать ему место псаломщика в чикагском храме [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899]. Ответом была сухая резолюция Преосв. Тихона: «Сообщить Бурову, что псаломщик в Чикаго уже назначен и что он, Буров, уволен Преосв. Николаем совсем от службы в епархии» [3, Cont. D 346, Burov, Vasili, 1893–1899].

На этом американская эпопея Бурова не завершилась. Он не только успешно закончил Чикагский университет, но и стал одним из участников прогрессистского движения в США, написав довольно известную книгу на английском языке под названием «Надвигающийся кризис: последствия концентрации богатства в США» с критикой американской олигархии [10]. Это было серьезное исследование, основанное на большом статистическом материале, автор которого не только раскрывал процесс сосредоточения огромных богатств в руках узкой кучки миллионеров, но и предупреждал о его серьезных политических последствиях для американской демократии.

Так Буров все-таки написал свою книгу – пусть не о Высшем разуме, но проникнутую тем же порывом открыть людям глаза на истинное положение вещей за фасадом повседневности. Этот пафос ощущается уже на первой странице введения с описанием автором сверхзадачи своего произведения: «Книга дает описание самых главных и фундаментальных особенностей состояния нации. Она раскрывает, почему ваши города стремительно превращаются в собственность узкого круга людей; почему американские фермеры теряют свои земли, а городское население – свои свободы, и почему все они попадают в полную зависимость от кучки мультимиллионеров. Она обнажает последствия того, как вся нация превращается в скопление арендаторов, платящих ренту, и как, несмотря на рост богатства, подавляющее большинство населения погружается в отчаянную борьбу не за удовольствие, а за простое существование» [10, p. V]. Видно, что эти строки написаны человеком, на своей шкуре испытавшим все тяготы такой борьбы.

Редкий случай: книга, написанная безвестным «магистрантом Чикагского университета» (как значилось на ее обложке), получила положительные рецензии в ведущих профессиональных журналах США. Рецензенты с удивлением отмечали, что книга написана «иностранным студентом на основании всего шести лет проживания в США» [12]. Мало того, в последние годы она обрела вторую жизнь на новом витке дебатов о растущем социальном неравенстве и экономической справед-

К.П.Победоносцев 1890 (1896) гг.

ливости в США: была переиздана в 2010 году и имеет сотни просмотров в Интернете.

Но тогда она не принесла автору заметного дохода и неудивительно, что несмотря на академические успехи, Буров страдал от неустroенности своей американской жизни и не оставлял мысли о возвращении в Россию. Встретившись с ним в Чикаго осенью 1902 года, Преосв. Тихон писал Победоносцеву, что «помог ему немного, но он очень нуждается» и «лучше бы ему возвратиться в Россию». Преосвященный просил обер-прокурора подыскать Бурову место на родине, например – в Министерстве финансов [5, с. 114]. Реакции Победоносцева на это обращение не сохранилось. Далее следы бывшего псаломщика теряются, да и благодетеля своего он вскоре лишится, так что некому будет о нем позаботиться.

Странная судьба странного человека и его сановного покровителя! Казалось бы – что ему, столичному вельможе, безвестный псаломщик

К.П.Победоносцев с приемной дочерью Марфой

и крестьянский сын? Богоискательство Бурова было чуждо Победоносцеву, предпочитавшему умникам простых сельских священников, повинующихся голосу сердца, а не рассудка. Что же это было: чувство ответственности за «заблудшую овцу», извлеченную им из Лондона и заброшенную в далекую Америку? Или неспособность, взявшись за какое-то дело, бросить его на полпути? А, может быть, этот вроде бы черствый «человек в футляре» был просто не лишен сердоболия? Неслучайно при отсутствии собственных детей они с женой взяли на воспитание приемную дочь «подкидыша» Марфу, а также племянника Победоносцева – сына брата Николая после смерти последнего. «В своей личной жизни этот человек, приобретший репутацию великого инквизитора, был мягким, он трогательно любил детей, боялся своей жены, совсем не был свиреп в отношении к "ближнему" – пишет о Победоносцеве Н.А.Бердяев. – Он не любил "дальнего", человечества, гуманность, прогресс, свободу, равенство и пр.» [4]. Обер-прокурор

много жертвовал на благотворительность, «всегда был предельно личностен, эмоционален в своих симпатиях и антипатиях, глубоко переживал, пропускал через себя все проблемы, с которыми ему приходилось сталкиваться», – отмечает его современный биограф А. Ю. Полунов [9]. Заслуживает внимания и отзыв Антония Храповицкого (тогда – епископа, а впоследствии одного из самых авторитетных иерархов РПЦ, основателя Русской зарубежной Церкви, имевшего серьезные разногласия с обер-прокурором) из его прощального письма Победоносцеву в ноябре 1905 года после отставки последнего: «Вы не только служили, Вы подвизались добрым подвигом. Вы не были, однако, сухим фанатиком государственной или церковной идеи: Вы были человеком сердца, доброго и снисходящего» [6].

Но, наверное, самое главное: Константин Петрович был глубоко верующим православным христианином. А ко всем православным христианам, хотя бы в малой степени, но относятся слова апостола Павла: «Любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам» (*Рим. 5:5*). Любовь Божия должна осознаться христианами, как дарованная им и влитая в их сердца. И они не только призваны, но и должны делиться этой любовью с другими людьми, даже если эти другие иных с ними взглядов и убеждений или даже являются их врагами.

Девизом К. П. Победоносцева могут служить его собственные слова из письма Е. Ф. Тютчевой – близкой ему по духу дочери знаменитого поэта: «Дело в самой простой его форме – алчущего накормить, жаждущего напоить, нагого одеть» [9]. В истории с Буровым обер-прокурор проявил себя не только как опытный государственный деятель, но и как настоящий христианин. А проявления подлинного христианства в этом мире всегда будут неожиданными.

Библиографический список

1. РГИА. Ф. 1574.
2. АВПРИ. Ф. 133.
3. ARCA (Архив Русской Церкви на Аляске, Библиотека Конгресса, США).
4. Н. А. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. URL: <https://web.archive.org/web/20160809141243/http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn015.htm> (дата обращения 01.04.2026).
5. Печатнов В. В. Жизнь российского духовенства в Америке конца XIX в. (по материалам переписки обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. П. Победоносцева) // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. №4 (20). С. 41–61.

6. Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль (Н.И.): Свято-Троиц. монастырь, 1988. 280 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Antonij_Hrapovickij/pisma/#0_4 (дата обращения 06.08.2026).
7. Письма святителя Тихона. Американский период жизни и деятельности святителя Тихона Московского. Сост. А.В.Попов. Санкт-Петербург: Сатис, 2010. 271 с.
8. К.П.Победоносцев и его корреспонденты: письма и записки. С предисл. М.Н.Покровского. Государственное издательство, 1923. Москва–Петроград. Т. 1, полутом 1. 439 с. Т. 1, полутом 2. 1147 с.
9. Полунов А.Ю. К.П.Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. РОССПЭН, Москва, 2010. 374 с. // https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/kp-pobedonostsev-v-obshhestvenno-politicheskoi-i-duhovnoj-zhizni-rossii/ (дата обращения 25.05.2026).
10. Basil A. Bouroff. The Impending Crisis. Conditions resulting from the concentration of wealth in the United States. Midway Press Committee, Chicago, 1900. 196 p. URL: <https://dn790008.ca.archive.org/0/items/cu31924002741357/cu31924002741357.pdf> (дата обращения 10.04.26).
11. Byrnes R. Pobedonostsev. His Life and Thought. University of Indiana Press, Bloomington – London, 1968. 626 p. 12. Journal of Political Economy, Vol.9. №1 (December 1901). P. 159–160.

Правительственные
учреждения – как они
могут быть проводниками
права, сами будучи
бесправными?

В. О. Ключевский

Кто меньше полагался
на милость судьбы,
тот дольше удерживался
у власти.

Н. Макиавелли

Розыскные чиновники, пытаясь продолжать наблюдение за преступниками в пределах Великого княжества, оказываются в исключительно неблагоприятной обстановке, не только не получая поддержки от местной власти, но встречая от некоторых ее представителей, а затем и от населения, явно враждебное отношение, доходившее уже во многих случаях до открытого преследования.

П. А. Столыпин

Власть принадлежит
спокойным.

М. Робеспьер

Анна Лавренова

«ИХ БЕСПРАВНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ... РОНЯЕТ РУССКУЮ ВЛАСТЬ»: *

ПОЛОЖЕНИЕ
ЖАНДАРМСКИХ ЧИНОВ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ
ФИНЛЯНДСКОМ
В НАЧАЛЕ XX в.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК
94(480)

В статье рассматривается незавидная участь чинов Отдельного корпуса жандармов в Великом княжестве Финляндском. Малочисленные и не имеющие никакой административной опоры в крае, чины Финляндского жандармского управления сделались жупелом финской интеллигенции и народа; подвергаясь нападениям, не имели возможности отстоять свои интересы в суде. Более того, зачастую они не находили поддержки даже среди чинов русской администрации и военных чинов. Все это не просто чрезвычайно затрудняло несение службы, результаты которой были весьма противоречивы, но и служило демонстрацией слабости русской власти.

The article examines the unenviable fate of the ranks of the Separate Corps of Gendarmes in the Grand Duchy of Finland. Few in number and without any administrative support in the region, the ranks of the Finnish Gendarme Administration became the bogeyman of the Finnish intelligentsia and people; subjected to attacks, they had no opportunity to defend their interests in court. Moreover, they often did not find support even among the ranks of the Russian administration and military officials. All this not only made it extremely difficult to carry out service, the results of which were very contradictory, but also served as a demonstration of the weakness of the Russian government.

Ключевые слова: Российская империя; Великое княжество Финляндское; Отдельный корпус жандармов; Финляндское жандармское управление; Н.И.Бобриков.

Key words: Russian Empire; Grand Duchy of Finland; Separate Corps of Gendarmes; Finnish Gendarme Directorate; N.I.Bobrikov.

E-mail: Lavryonova@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Великое княжество Финляндское в правительственной политике Российской империи. 1894–1914 гг.: государственные интересы и практика принятия политических решений» (№24-28-01780).

Истории революционного движения в Финляндии и борьбе с ним посвящен ряд отечественных исследований [18; 26; 27; 28; 31]. Революционные сюжеты в Великом княжестве Финляндском (далее – ВКФ) в начале XX в. затрагивает и ряд зарубежных авторов, однако говорить о всестороннем освещении этой темы не приходится [23; 24; 9; 33; 34; 35]. Литературу же, посвященную исключительно перипетиям службы «синих мундиров» на финляндской земле, и вовсе нельзя назвать обширной. Основные этапы развития органов жандармского надзора до начала 80-х гг. XIX в. рассмотрены в работах М.Г.Загоры [19; 20]. Освещались и отдельные аспекты деятельности чинов Финляндского жандармского управления (далее – ФЖУ) в Финляндии, такие, как борьба за увеличение штата на рубеже веков, обстоятельства принятия Высочайшей инструкции ФЖУ 1903 г. [32] и организации агентурной работы [25]. Опыт деятельности жандармского полицейского управления Финляндских железных дорог в годы Первой мировой войны анализируется в работе П. А. Колпакова и Р. А. Арсланова [22], а роль ФЖУ в борьбе против немецкого шпионажа в ВКФ затрагивается в статье В. О. Зверева [21].

Ключевая проблема жандармов в Финляндии

Жандармский надзор в Великом княжестве Финляндском, существовавший с появления там в 1817 г. первых жандармских команд, никогда не представлял собой значительной силы ввиду ограниченности полномочий при малочисленности штата. Тем не менее на чины Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ) возлагались задачи, соответствующие духу и назначению ведомства. С 1867 г. основным игроком на этом поле становится ФЖУ, созданное в ходе реформы органов жандармского надзора. Инструкциями 1827 и 1867 гг. полномочия «синих мундиров» в Финляндии ограничены не были, но закон 19 мая 1871 г., согласно которому производство всех дознаний по государственным преступлениям возлагалось на жандармов, входил в противоречие с законами Финляндии и на ее территории не действовал. Похожие ограничения были наложены и на учрежденное в 1870 г. Жандармско-полицейское управление Финляндских железных дорог (ЖПУ ФЖД) [9, л. 21]. Чины этого управления не пользовались правами, присвоенными прочим железнодорожным жандармам, ввиду того, что Общий Устав российских железных дорог (предоставлявший «синим мундирам» свободный доступ к объектам

дороги без ведома администрации) на Финляндию также не распространялся [10, л. 39–39 об.].

Масло в огонь

В последней четверти XIX в. основные организационные усилия жандармского начальства были направлены на увеличение штатов

и финансирования. Настоящие проблемы начались с принятием Манифеста 1899 г., позволявшего императору издавать общие для России и ВКФ законы в обход Сейма. Именно тогда усилилась неприязнь к жандармам, а символом их деятельности в сознании финнов стал грубый сапог русской монархии, попирающий национальную свободу.

Это не могло не осложнять несения службы. В своем донесении в Департамент полиции от 28 марта 1902 г. начальник ФЖУ генерал-майор Ю. Э. Фрейберг сетовал на участившиеся случаи проявления враждебности со стороны финских обывателей. Так, по его словам, при каждой попытке местных жандармских чинов, отлично известных местной администрации и пароходной команде, подняться на борт судна, их выпроваживали самым необходимым образом. Так, например, 16 февраля 1902 г., когда помощник начальника ФЖУ ротмистр В. С. Лявданский попытался взойти на пароход «Артурус», к нему немедленно подбежали два штурмана и агенты эмигрантской конторы «К.Бурстрема» и грубо потребовали немедленно «убраться вон», а служители конторы кричали из капитанской рубки «гони вон русских» [3, л. 15].

Помощник начальника ФЖУ в Гельсингфорсе ротмистр В. Э. Тунцельман фон Адлерфлуг жаловался на члена призывного по воинской повинности присутствия В. В. Теслева, который демонстративно не подавал ротмистру руки и всем своим видом демонстрировал крайнюю неприязнь. «Такое поведение корнета Теслева я не мог отнести собственнно к моей личности, а именно к носимому мной мундиру..., в настоящее время столь нелюбимому многими финляндцами», – писал Тунцельман [15, л. 2]. По свидетельствам очевидцев, Теслев «бранил все русское и даже военную форму, демонстративно сторонился русских, водил дружбу с агитаторами-шведоманами» [15, л. 15]. На вопрос товарищей, не стыдно ли ему носить русскую форму, якобы сказал, что в случае войны не только все офицеры-шведы перейдут на сторону неприятеля, но они надеются уговорить и часть русских последовать их примеру (или хотя бы бросить оружие) [15, л. 8].

С глубокой неприязнью жандармы могли столкнуться и в бытовых ситуациях. 7 (20) декабря 1902 г. два унтер-офицера жандармского пункта в селе Иматра Макарий Степанов и Дмитрий Митрофанов отправились на рынок к заводу Тайниокоски, чтобы купить провизии, однако директор завода Регуэль Вольф оказался этому не рад и сперва при помощи полиции, а затем ругани и даже угроз облить водой, пытался избавиться от визитеров. Когда это не подействовало, он набросился с кулаками на одного из жандармов, приговаривая: «Я вас здесь видеть не могу, вы можете служить в России сколько угодно, а здесь в Финляндии вас не нужно» [16, л. 7]. К потасовке присоединились рабочие и выдавили жандармов с рынка. На прощание, в насмешку сняв шапку, Вольф крикнул: «Прошу Вас больше никогда не приходить: как вам, так и мне неприятны подобные сцены; я не хочу против этого случая ничего возбуждать и желаю, чтобы вы не бывали здесь; против русских ничего не имею, но вам воспрещая ходить сюда, потому что вы находитесь на такой службе, которую ненавижу» [16, л. 7].

Попытки упрочить положение «синих мундиров»

Впрочем, отдельные выпады финских уроженцев мало заботили царское правительство, тогда как концентрация в ВКФ русских революционеров всех мастей не могла не вызывать тревогу. С подачи генерал-губернатора Н.И.Бобрикова штат ФЖУ был значительно расширен [3, л. 17–17об.]. В видах усиления политического сыска 5 марта 1903 г. даже было создано Выборгское охранное отделение, которое оказалось малоэффективным, и было закрыто уже 27 ноября 1904 г. [25, с. 47]. Кроме того, 28 октября (10 ноября) 1903 г. была утверждена инструкция чинам ОКЖ в Финляндии. Согласно документу, на чины ФЖУ – по предложению генерал-губернатора, прокурора императорского финляндского сената или местного губернатора – могло быть возложено производство дознаний по политическим преступлениям. Сверх того они получили право производить осмотр паспортов в портах и на границе и, по необходимости, прибегать к обыскам [32]. Однако вопрос производства дознаний по государственным преступлениям ставился в зависимость от личного усмотрения указанных чиновников, а потому свободы действий в этой области жандармы не приобрели, зато получили усиление недовольства местного населения, инструментов защиты от которого у них не было и впоследствии так и не появилось.

Несмотря на наличие соответствующего пункта инструкции, разрешающего жандармам осуществлять досмотр в портах, на практике это продолжало иногда встречать противодействие. 28 мая 1905 г. директор отделения Вазаского банка Нюман и его сын нанесли оскорбление («убирайся к черту, а то я тебе дам в морду!») унтер-офицеру Степану Малышеву, который пытался воспрепятствовать доступу посторонних лиц на борт только что прибывшего парохода «Корпеникус» с грузом сахара из Германии, который еще не прошел официального досмотра [16, л. 30–30 об.]. 12 июля 1905 г. корабельный смотритель Оккерблум позволил себе оскорбительные выражения и пренебрежительное отношение в адрес унтер-офицера Шторха и его коллег [16, л. 58–59].

Накануне 1905 г. Фрейберг констатировал, что, хотя никаких перемен к лучшему в отношении интеллигентного класса к чинам ФЖУ не замечалось, престиж чинов управления все-таки «несколько возрос». Так, позитивные изменения в Выборгской, Нюландской, Тавастгусской и отчасти Санкт-Михельской губерниях объяснялись позицией их руководителей – Н. А. Мясоедова, А. А. Папкина, генерал-майоров М. Н. Кайгородова и А. А. Ватаца, которые были расположены к жандармам, демонстрировали им доверие и проявляли любовь на публике. Все это, по словам Фрейберга, «не ускользало от внимания весьма наблюдательных финляндцев и немедленно отражалось на их отношениях к чинам управления, создавая, хотя, может быть, и неискренние, но, по внешности, весьма корректные отношения» [2, л. 4]. А вот в Вазаской губернии, во главе которой находился статский советник Т. М. Книпович, Фрейберг подобных перемен не замечал. Виной тому, по мнению начальника ФЖУ, являлась личная антипатия Книповича к характеру деятельности чинов ОКЖ [2, л. 4 об.]. Откровенно враждебно к жандармам был настроен Куопиоский губернатор М. Берг, а потому его отношения с помощником начальника ФЖУ по г. Куопио подполковником Е. Г. Белинским не задались с самого начала [11]. Губернатор не раз отказывал жандарму в содействии, подчеркивая разницу с ним во взглядах («не забывают, что мы с Вами различных лагерей») и ссылаясь на то, что полиции некогда заниматься подобной «грязью». Несмотря на то, что Берг получил указание генерал-губернатора И. М. Оболенского о неуместности подобных выражений, факт этот оставался неизвестным обывателям, тогда как слухи о его стычках с жандармским офицером были достоянием широкой общественности. Фрейберг отмечал, что

городские жители, видя неблагоприятное отношение представителя администрации к жандармским чинам, «стараясь в этом отношении не отставать, и разного рода оскорбительные выходки с их стороны, конечно, являются заурядным явлением» [2, л. 5–5 об.]. Удивительно, но даже в столь недружественной атмосфере жандармские чины, принадлежащие к разным учреждениям, оказались неспособны к корпоративной солидарности. Как и во всей России, вопрос о принадлежности к политическому сыску (пусть и в таком усеченном виде, как в Финляндии), делался яблоком раздора среди «синих мундиров». Вот, например, каково было мнение одного из унтер-офицеров Гельсингфорсского отделения ЖПУ ФЖД о службе жандармов дополнительного штата: «Не хочу нести такую грязную службу, какую несет дополнительный штат, у вас и вся переписка – одна грязь, а мы этой грязи не желаем делать, наши дела чистые, а ваши грязные» [16, л. 15–16]. Таким образом, вполне предсказуемое неприятие жандармов радеющими о национальной неприкосновенности финнами было отнюдь не самым неприятным открытием для русских властей.

От недовольства к ненависти

Глухое недовольство финского населения, подогреваемое разгоравшимися по всей стране революционными настроениями, вылилось

в волну покушений на имперских чиновников (выборгского губернатора Н. А. Мясоедова, помощника генерал-губернатора В. О. Дейтриха, твастгусского губернатора А. А. Папкова, прокурора Сената Э. Ионсона). Резонансным стало убийство генерал-губернатора Н. И. Бобрикова, павшего 3 июня 1904 г. от пули финского чиновника Э. Шаумана.

После гибели Бобрикова недовольство местных жителей чинами ОКЖ перешло в новую фазу: от бытовых стычек – к политическим требованиям. В связи со вступлением в должность нового генерал-губернатора и объявлением о созыве сейма была составлена инструкция сеймовым депутатам, в которой авторы документа (активисты из числа интеллигенции) настаивали на удалении жандармов из Финляндии [1, л. 3]. Тот же вопрос стал обсуждаться в печати, на сейме и вызвал особую петицию земских чинов, где деятельность жандармов характеризовалась как «шпионская», отмечалось также ее развращающее влияние на население.

Революционный 1905-й год собрал кровавую жатву в Финляндии и среди «синих мундиров». Раздражение против представите-

Открытка времен Первой русской революции
«Арест финляндского генерал-губернатора».
Финский часовой охраняет генерал-губернатора И.М.Оболенского,
а сенатор Лео Мехелин сидит и читает газету.
ГА РФ. Ф.1742. Оп.4. Д.1432. Л.1

лей правительственных сил, в качестве авангарда которых воспринимались жандармы, вылилось в череду оскорбительных выходов и актов насилия.

28 февраля на улице г. Таммерфорс в результате погони и драки с жандармским вахмистром Николаем Петровым был задержан рабочий Вильгельм Фридберг. В участке Фридберг заявил, что «как

скоро он освободится, немедленно убьет жандарма, хотя бы самому пришлось вечно сидеть в тюрьме». Интересно, что на вахмистра Петрова было заведено дело по факту обнажения оружия: преступник получил пару ударов шашкой по руке и голове, впрочем, для жизни неопасных [17, л. 2–3].

20 марта стрелок 3-го гвардейского финского батальона совершил нападение на писаря ФЖУ Авсеенко [16, л. 12]. 8 июля начальник Выборгской крепостной жандармской команды подполковник В. Крамаренко, проходя по Эспланадной улице г. Выборга, был ранен двумя выстрелами в спину и ногу и, несмотря на оптимистичные прогнозы, к вечеру от полученных ран скончался [4,6].

30 июля на одной из площадей Выборга состоялось собрание Общества трезвости. За мероприятием было поручено наблюдать унтер-офицеру Ивану Сопетову. Вначале все шло по плану: два оратора говорили о вреде пьянства. Однако затем появился третий, призвавший бороться не с «зеленым змием», а с русской властью в Финляндии. Распаленная публика (около 800 человек) повалила к тому месту, где стоял Сопетов, олицетворявший ненавистную власть. Унтер-офицера сбили с ног, а когда он попытался подняться, его стали избивать палками и бросать в него камни. С рассеченной головой и раненый в правую руку, жандарм отбилсЯ от наседавшей толпы и укрылся в полицейском участке [17, л. 24].

3 августа пьяные обыватели забросали бутылками и камнями часового Выборгской крепостной жандармской команды [17, л. 29]. Вечером 9 сентября неизвестные стали швырять камни в окна квартиры подполковника Н. А. Гибер-фон-Грейфенфельса. Один из камней оказался на обеденном столе, за которым сидели жена и дети подполковника [17, л. 41].

Чтобы стать объектом охоты политизированных воинствующих молодчиков, не нужно было обладать выдающейся служебной биографией. Начальник унтер-офицера Марка Денисюка писал, что тот «...не участвовал ни в каких арестах и обысках, отличается спокойным, ровным и выдержанным характером, благодаря чему не мог вызывать лично к себе чьей-либо вражды, а потому покушение на него произведено исключительно из-за ненависти к жандармскому мундиру». Покушение было совершено террористической группой «Кровавые псы» [30, с. 580]. Инцидент произошел 20 августа в 12-м часу ночи, когда унтер-офицер шел после дежурства с вокзала г. Гельсингфорс к себе на квартиру. На Эрикской улице жандарма настиг не-

ИЗМѢРИТЕЛЬНЫЯ СВѣДѢНІЯ.									
Ростъ 1 м	о. Голова.	Длина	{	Ступни	{	№ клас.	Лѣта	Лѣва. глаза.	Род.
Дл. р. рукъ 1 м		Шир.		Ср. пал.		Бѣл.	въ		
Ростъ сидѣц		Отъ уха до перенос.		на лѣвыяхъ. Мизинца		Зрч.	звѣзда Возрастъ } по нар. виду }		
Преступникъ, розыскиваемый полиціей.									
Фотографія въ 1/7 натур. величины.									Волосы
									Борода
									Усы
									Ос. прим.
Убийца прокурора Императорскаго Финляндскаго Сената Ионсона Карлъ Леннартъ Хогенталь, скрывшійся изъ Гель- сингфорской тюрьмы при содѣйствіи тюремной администраціи.									
Снята въ Управленіи								19..... г.	
Большой		Указат.		Большой		Указат.		Средн.	
пальцы лѣв. руки.				пальцы прав. руки.				Безъим.	

Хогенталь Карл-Ленарт, убийца прокурора
Императорскаго Финляндскаго Сената Ионсона,
на регистрационной карточке Московской сыскной полиции.
ГА РФ. Ф.1742. Оп.8. Д.1422. Л.1

известный и дважды выстрелил ему в спину. Одна пуля, войдя под правой лопаткой, вышла с левой стороны груди, ниже сердца. Вторая пуля пробила кишечник. Истекающий кровью Денисюк погнался за преступником, выхватил револьвер и выстрелил в него на бегу, но промахнулся. Сбежавшаяся толпа не дала ему продолжать погоню: Денисюка окружили, схватили и попытались отнять револьвер. Подоспевшим констеблям очевидцы произошедшего заявили, будто Денисюк ранил себя сам [17, л. 37–37 об., 40]. 9 августа ночью толпа напала

на двух жандармских унтер-офицеров, возвращавшихся со службы на пограничном пункте в г. Або Мартина Червякова и Симона Хулко. Один из толпы ударил Хулко по затылку, а когда тот упал, толкнул его ногой в спину, говоря: «Этот жандарм – финн». Другой толкнул Червякова, повредил ему руку и оторвал погон. Червяков обнажил шашку, нанес ею пару ударов, отчего толпа бросилась наутек. Он пытался задержать одного из нападавших, но того отбили поделъники [17, л. 30–31].

Разоружение жандармских чинов

В разгар революционных событий Высочайшим манифестом от 22 октября 1905 г. инструкция чинам корпуса жандармов в Финляндии от 28 октября (10 ноября) 1903 г. была отменена, так что они не могли более находиться на пограничных пунктах. Начальник ФЖУ Фрейберг распорядился о сосредоточении чинов управления в городах, имеющих гарнизоны, однако ввиду забастовки эти распоряжения в ряде случаев не могли быть приведены в исполнение. Жандармы, по большей части, были разоружены восставшими. Помощник начальника ФЖУ по Куопиоскому району подполковник А. Н. Тихобразов отмечал, что отобрали оружие у унтер-офицеров пунктов Иознсу, Нейшлот, Хейнола и С.-Михель произошло «не по озлоблению забастовщиков против жандармов, а в силу особого распоряжения руководителей забастовки из г. Гельсингфорса» [16, л. 68–69]. В Кристинестеде разоружением жандармских унтер-офицеров занимался местный полицейский чин (коронный ленсман Хассельстрем), в г. Каскэ – интеллигенция во главе с фискалом города. В Котке высылать жандармов явилась рота самопровозглашенной национальной гвардии [12, л. 15–15 об.]. Двоих унтер-офицеров из г. Брагестеда разоружили, обыскали и отпустили, вручив билеты до Гельсингфорса. В Бьерк-э (Койвисто) толпа под угрозой подрыва здания потребовала у жандармов удалиться, а когда те отказались, визитеры ограничились вручением бумаги, в которой было сказано, что народ освобождает их от службы [12, л. 15–15 об.].

Тем не менее определенные эксцессы имели место, а сценарии разоружения были самые разные. Порой жандармам удавалось опередить своих противников. Так, в Улеборге ромистр П. А. Зякин с шестью унтер-офицерами, прихватив секретную переписку, успел вовремя укрыться в казармах 2-го батальона 4-го Финляндского стрелково-

го полка до того, как восставшие нанесли ему визит. Не обнаружив ни искомого жильца, ни интересующих документов, они отправили к Зякину депутацию с требованием сдачи оружия и канцелярии, на что получили отказ, ротмистр же тем временем заручился у вр.и.д. губернатора гарантией неприкосновенности [12, л. 11 об.]. Избежал общения с восставшими и ротмистр А.Е. Казак, также успевший вместе с унтер-офицерами укрыться за спасительными стенами казармы [12, л. 14].

В г. Таммерфорс ротмистру В.В. Малову удалось спрятать секретную переписку, уйти от погони и добраться с семьей в Тавастгус, где он нашел приют у командира 2-го Финляндского стрелкового полка. Однако оставшиеся в Таммерфорсе его унтер-офицеры были арестованы, обысканы и допрошены, а после пяти дней отсидки под замком на острове Викен-Саари отправлены под конвоем в Тавастгус вслед за своим начальником [12, л. 13]. Унтер-офицеры Тавастгусского пункта при попытке их разоружения были забросаны камнями, но сумели отбиться от наседавшей толпы и также укрылись в казармах.

Содействию командира 55-го драгунского финляндского полка были обязаны своим спасением унтер-офицеры г. Вильманстранда Выборгской губернии Михаил Стец и Михаил Зернов: он не только позволил им выехать из города, но и дал подводу с солдатом в качестве кучера. Правда, в этом случае вся секретная переписка осталась в руках бунтовщиков и была вскоре опубликована в местных газетах [12, л. 15 об.].

В селении Иматра 23 октября попытка разоружения жандармов была сорвана вследствие ультиматума Выборгского губернатора, заявившего, что в случае насилия над «синими мундирами» пришлет туда на постой войсковую часть.

А вот из Сердоболя восставшие изгнали как жандармов, так и военных: воинского начальника подполковника Е.В. Ильтонова с его подчиненными и двух жандармских унтер-офицеров. По дороге в Выборг на эту процессию было совершено несколько нападений, в результате которых была убита лошадь Ильтонова [12, л. 15 об. – 16].

В рапорте начальнику Штаба ОКЖ от 26 октября 1905 г. начальник ФЖУ Фрейберг констатировал: «События, случившиеся в Финляндии в течение последней недели, показали, что чины Финляндского жандармского управления, расположенные в пунктах, где не имеются русские войсковые гарнизоны, подверглись со стороны враждебно настроенного населения самым унижительным оскорблениям и из-

девательствам» [17, л.24]. Однако содействие военных не являлось панацеей: хотя чины местных войсковых частей во многих случаях и давали приют чинам ФЖУ, но на продолжительный срок они разместить жандармов не могли. При этом среди местных жителей не находилось желающих сдавать квартиры жандармам.

Иной раз офицерам не удавалось найти укрытие даже в казармах. Так, по необходимости расквартированный в помещении 6-го Финляндского стрелкового полка в старой крепости Кюмень-города (Котка) помощник начальника ФЖУ по Коткинскому району подполковник Д.И.Жилин в революционную пору был выселен в Фридрихсгам по настоянию воинского начальства, опасавшегося, что присутствие жандарма может вызвать нападение финляндцев [14, л. 1–4]. Вскоре после этого в читальне полкового собрания у него вышел конфликт с капитаном Рудаковым, дерзко отказавшимся приветствовать его отданием чести. (Как впоследствии выяснилось, невежа-капитан посещал сходки военной организации эсеров, за что и был уволен) [14, л. 10].

Более динамично события разворачивались в тех случаях, когда жандармы решались противодействовать намерениям восставших. В Куопиоской губернии унтер-офицер Юган Беляев скрылся от застигшей его ночью в с.Керимяки толпы, выпрыгнув в окно босым и полураздетым, с шашкой и револьвером, однако проскитавшись в лесу девять часов, физически и нравственно разбитый, он был вынужден вернуться в Керимяки. По возвращении его изловили, сшибли с ног, отняли шашку и револьвер. Операция по разоружению происходила в присутствии коронного ленсмана [12, л. 16]. В Ловизе унтер-офицера Ануфриева, раздетого, вытащили на улицу и, предварительно оплевав, вывезли в лес и там бросили, запретив возвращаться домой. В г. Або ротмистр Д.Д.Провольский был препровожден восставшими в полицейское управление, а вскоре и вовсе был освобожден по требованию командира 3-го Финляндского стрелкового полка. А вот его подчиненному унтер-офицеру Вильбергу повезло меньше: он был застигнут толпой у себя на квартире, обезоружен, выброшен на улицу и избит. Подвергся избиению и унтер-офицер Власов, пойманный восставшими в Териоках [12, л. 14, 16].

В г. Якобстаде подполковник В.Э.Зейдлиц был посажен под домашний арест, а его подчиненные (вахмистр Кавин и унтер-офицер Пантелейн), возвращавшиеся из служебной командировки по делу «Джона Графтона», были обстреляны в лесу, а затем пойманы на ули-

це и обезоружены. Еще двух командированных восставшие захватили врасплох, когда те расположились на ночлег, и под конвоем отправили на квартиру к их начальнику. Интересно, что командир 4-го Финляндского стрелкового полка отказал Зейдлицу в просьбе взять под охрану жандармскую канцелярию, вследствие чего подполковнику пришлось уничтожить все дела [12, л. 12 об.].

На Аландских островах штабс-ротмистр М. В. Смирнов с подчиненными три дня держал осаду в Мариенгамне, пока восставшие не предложили в его распоряжение два парохода таможенного ведомства, чтоб ненавистные жандармы могли, наконец, убраться восвояси. Те поспешили воспользоваться столь щедрым предложением, попутно захватив своих коллег по несчастью из пунктов Экере и Дегербю. Однако по прибытии в Або, они были встречены полицмейстером, который велел капитанам пароходов везти их обратно в Мариенгамн. По возвращении все пассажиры были посажены в Тюремный замок Кастельгольм, допрошены коронным ленсманом на предмет выявления секретных сотрудников, а затем отправлены через Або в Гельсингфорс [12, л. 14 об.].

В г. Бьернеборге ротмистр А. Г. Кривошей был вынужден сменить мундир на штатское платье и пешком с семьей в течение недели скитаться по окрестным деревням под проливным дождем в поисках убежища, пока, наконец, по милости полицмейстера, ему не позволено было вернуться в город, где он спешно упаковал свои вещи и убыл в Гельсингфорс.

15 ноября 1905 г. Фрейберг прибыл в Николайстадт, чтобы ознакомиться с положением сосредоточенных там 31 унтер-офицера из упраздненных пограничных пунктов. Когда он попытался уехать с вокзала, из толпы послышалось шипение, свист и крики «Долой русских!» «Долой жандармов!». Со всех сторон к экипажам стали подходить люди, в особенности пожилые женщины, которые с поднятыми кулаками произносили с пеной у рта: «Черти русские!». Жандармы были лишены возможности покидать казармы, и даже женам унтер-офицеров на местном базаре отказывались продавать продукты. К квартирам подполковника Зейдлица и ротмистра В. А. Андреева, в которых помещались 31 унтер с 24 женами и 40 детьми, ежедневно, с вечера до утра, финны выставляли посты самозванной полиции с белыми повязками на рукаве [16, л. 70–71]. Даже после того, как острота момента значительно спала, публика продолжала встречать жандармов свистом и бранью [16, л. 84].

**Дело об убийстве
унтер-офицера Карла Сарда**

Вместе с тем видно, что финны при разоружении жандармов старались обойтись без кровопролития. Однако им это не удалось.

На пограничном пункте Торнео находился штабс-ротмистр граф А.А.Каменский с семьей унтер-офицерами. 19 октября тысячная толпа окружила дом Каменского, требуя разоружения и немедленного удаления унтер-офицеров из города. Каменскому ничего не оставалось, как подчиниться: он сдал оружие и передал своих подчиненных в ведение военного коменданта, который отправил их под конвоем в распоряжение командира 2-го батальона 4-го Финляндского стрелкового полка. 21 октября на станции Поости к ним присоединились еще двое разоруженных унтер-офицеров пограничного пункта Кеми. 22 октября 1905 г. девять пленников были доставлены по железной дороге на дрезине со станции «Олхова» на станцию «Хаукипудас». Там они были встречены группой революционеров (50 человек) под предводительством лесопромышленника Франца Андерсона, отведены на постоянный двор при почтовой станции, где их допросили, раздели, обыскали и заперли в избе. Во время обыска вахмистр Яковлев среди прочего расслышал фразы «хорошо, на дачу» и «старых костей не найдут», а затем заметил жест, обозначавший то ли перерезание горла, то ли повешение. Униженные и физически измотанные нижние чины улеглись спать на полу в избе, а состоявшая при них стража из десяти человек (приказчики улеборгских лавок) около двух часов ночи по неясным причинам открыла огонь поверх голов. И хотя конвоиры, по-видимому, не собирались учинять расстрел пленников, унтер-офицер Карл Сард был смертельно ранен и к пяти часам утра скончался. Прибывшему на звуки выстрелов ленсману конвоиры заявили, будто граф Каменский ночью приезжал на выручку унтер-офицерам и, стреляя в окна избы, попал в Сарда, однако ни один из жандармов этого не подтвердил. После пережитой ночи унтер-офицеры Иван Радайкин и Роман Филиппов от нервного потрясения лишились рассудка [17, л. 47–50].

23 октября восемь остальных унтер-офицеров под усиленным конвоем отправили на пристань и заперли в трюме парохода. От недостатка воздуха многие пленники падали в обморок. 26 октября их высадили около города Гамла-Карлебю и поместили в отдельную избу, откуда отвезли на вокзал и отправили в Николайстад, причем за их же счет [12, л. 11].

Жена покойного, местная уроженка Мария-Кайса, за то, что вышла замуж за жандарма и оказывала ему помощь в выяснении деталей нелегального ввоза и распространения оружия, была подвергнута бойкоту со стороны местных жителей, и, вероятно, осталась бы без средств к существованию, если бы не назначенные ей пособие и пенсия [7, л.8–8об., 18].

Когда горячая пора миновала, жандармское руководство вознамерилось искать справедливости в суде, однако наказать убийц Сарда оказалось невероятно трудной задачей. Герадский¹ суд Кемиского судебного округа не нашел вины в действиях самопровозглашенных караульных, а в тексте официального заключения фигурировали «несколько презираемых и ненавистных народу русских жандармов». Как на следствии, так и на суде были допрошены только лица, арестовавшие жандармов, тогда как сами унтер-офицеры не только не были допрошены, но и вопрос о правомерности их ареста не обсуждался [13, л.41–43]. Благодаря вмешательству премьер-министра П.А.Столыпина, дело было перенесено в Вазаский гофгерихт², но и тот освободил убийц от ответственности [13, л.48–48об.]. Тогда дело было заслушано Судебным департаментом Сената, который постановил возратить его в герадский суд для нового рассмотрения. Кайкипудасский герадский суд заседал с января по 16 апреля 1910 г., но и на сей раз обвиняемые финны фактически ушли от ответственности: они были признаны виновными только в противозаконном аресте жандармских чинов и приговорены к незначительному денежному взысканию в 150 марок каждый (около 60 рублей) и 25-дневному заключению в тюрьме [13, л.65–66, 67–68].

Процедура с обжалованием приговора повторилась еще несколько раз [13, л.65–66, 67–68], пока, наконец, 7 ноября 1912 г. решением Финляндского Сената основные обвиняемые были приговорены «за незаконное взятие под стражу» и «тяжкую драку» к тюремному заключению сроком на один год и девять месяцев [13, л.107об. – 108].

Формально, согласно местным законам, финны, подвергавшие оскорблениям чинов ОКЖ, могли быть привлечены к уголовной ответственности, однако в реальности рассмотрение дел в финских судах редко сулило благоприятный для жандармов исход. Фрейберг даже возбудил ходатайство о командировании особого лица с юридическим образованием в качестве представителя интересов пострадавших жандармских чинов, но это ни к чему не привело [12, л.6–6об.].

¹ Низший суд в уезде.

² Окружная апелляционная инстанция для судов нескольких губерний.

**«Готов взять любое место,
лишь бы выехать
из Финляндии»**

По случаю сокращения штата управления руководству стали поступать многочисленные прошения офицеров о скорейшем переводе

из Финляндии. Вот как мотивировал свою просьбу помощник начальника ФЖУ в Гельсингфорсе ротмистр А. Л. Комендантов: «Последние события..., показавшие исключительную враждебность населения к чинам Отдельного корпуса жандармов, выразившуюся в тяжких насилиях и издевательствах над моими сослуживцами, настолько озлобили меня, что мне трудно быть беспристрастным по отношению к финляндцам, почему и оставаться на службе в крае считаю невозможным» [8, л. 14].

Помощник начальника ФЖУ на пограничном пункте в г. Николайштаде, ротмистр В. А. Андреев, также признавал продолжение службы в Финляндии «немыслимым», сетуя, что жандармские чины «далее расположения казарм не могут показываться, причем губернатор и начальник гарнизона находят это как бы нормальным» [8, л. 15].

Помощник начальника ФЖУ по Вазаскому району подполковник Зейдлиц, переживший в октябре 1905 г. в г. Якобштаде нападение толпы, разгром канцелярии, содержание под арестом, непрекращающуюся травлю в г. Николайштаде со стороны общества, печати, суда и революционного комитета, был вынужден незамедлительно отправить всю свою семью в Петербург и так же, как и сослуживцы, просить о скорейшем переводе: «Готов взять любое место, лишь бы выехать из Финляндии» [8, л. 18].

Некоторые начальники не стали вдаваться в подробности пережитого и обнажать свои обиды на местных уроженцев, а просто рапортовали о необходимости перевода «по болезни». Из-за подозрительно своевременного скандала с арендодателем-дачевладельцем был удален из Финляндии помощник начальника ФЖУ по Абоскому району ротмистр Казак [8, л. 5].

Дрогнул даже помощник начальника ФЖУ Тунцельман фон Адлерфлуг, сын бывшего начальника ФЖУ, находившийся на службе в Финляндии с 1898 г. В своем рапорте он писал: «...несмотря на крайне тяжелую обстановку, я не считал возможным затруднять свое начальство просьбами о переводе, полагая, что, изучив шведский язык, не имею права делать этот шаг, пока считаюсь своим начальством полезным на занимаемом посту» [8, л. 12]. Однако и его чаша терпения переполнилась. За полтора года, предшествовавшие революции, Тунцельман

принимал деятельное участие в наиболее крупных политических делах в княжестве и розыске нелегального оружия, что сделало одного из руководителей жандармов в крае мишенью газетчиков. Его имя стало нарицательным и то и дело упоминалось в весьма нелестном контексте, как лицо «бобриковского режима». Как сообщал в своем рапорте полковник Фрейберг, непосредственный начальник Тунцельмана, служебная деятельность последнего получила в местной прессе «совершенно ложное освещение» и тем самым вызвала «ряд самых оскорбительных инсинуаций, вроде того, что он сам развозил на крейсере оружие и затем его находил, желая доказать несуществующий, якобы, факт подготовки населения к вооруженному восстанию» [8, л. 13].

Тунцельман, как и его начальник, признавал свое бессилие – невозможность как-либо повлиять на ситуацию. Он просил о переводе в столицу: «При настоящем положении вещей, когда все деятели времен губернатора Бобрикова подвергаются систематической травле, дальнейшее оставление меня на службе в крае может вызвать ряд оскорблений меня в печати и отдельными лицами, оградить от которых меня наше правительство, ввиду самостоятельности и явной пристрастности местных судов, будет не в силе. Зная это из долговременного служебного опыта, я вынужден буду в подобных случаях прибегать к последнему средству защиты чести носимого мной мундира – к оружию. Последний же исход, как крайний, конечно, нежелателен, в особенности для жандармского офицера» [8, л. 12 об. – 13 об.]. Откровенность и служебный такт ротмистра были по достоинству оценены в Штабе ОКЖ, а его ходатайство о перемещении было поставлено в пример болезненным и оскорбленным коллегам Тунцельмана [8, л. 11].

Единственным из офицеров, кто ходатайствовал об оставлении в Финляндии, был ротмистр Лявданский, женатый на дочери незадолго до того умершего генерал-лейтенанта в отставке М.К. Хейкеля и находившийся в процессе раздела имущества покойного тестя [8, л. 46].

Эпилог

Еще в 1898 г. начальник ФЖУ генерал-майор Ф.А. Фридрихс, говоря о своих подчиненных жандармах, с горечью отмечал, что их «бесправное положение вызывает лишь глумление и роняет русскую власть» [3, л. 15–16], но все предпринятые в дальнейшем попытки расширить полномочия «синих мундиров» большого успеха не имели

и были сведены на нет последовавшей революцией. 22 декабря 1905 г. в письме к министру внутренних дел П.Н.Дурново председатель Совета министров С.Ю.Витте констатировал, что «жандармская полиция (по крайней мере, форменная) не может принести пользу – а, скорее, вред» и видел единственный выход в создании в Финляндии агентурной сети по примеру заграничной агентуры Департамента полиции («как было устроено в Париже Рачковским») [5, л. 2–2об.]. Как показали последующие события, и в этом чины ФЖУ не преуспели. Можно предположить, что если сама идея распространения жандармского надзора на территорию Финляндии была сомнительной, то воплощение ее – и вовсе скверным и не принесло никакой пользы ни имперской власти, ни репутации ОКЖ.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 102. Д-2. 1905 г. Оп. 62. Д. 72.
2. ГА РФ. Ф. 102. Д-2. 1905 г. Оп. 62. Д. 91.
3. ГА РФ. Ф. 102. Д-3. 1898 г. Оп. 96. Д. 254, ч. 6.
4. ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 (II отд.) Оп. 233а. Д. 1066.
5. ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1906 г. Оп. 316. Д. 2, ч. 1.
6. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10569.
7. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10690.
8. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 10713.
9. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 1174.
10. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2492.
11. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1160.
12. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1298.
13. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1307.
14. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1321.
15. ГА РФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 923.
16. ГА РФ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 61.
17. ГА РФ. Ф. 494. Оп. 1. Д. 62.
18. Бахтурина А. Ю. Великое княжество Финляндское в годы Первой русской революции // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 39–53.
19. Загора М. Г. Жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском в XIX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 3 (53). С. 40–43.

20. Загора М.Г. На службе империи: начальник Финляндского жандармского управления Август Тобизен (1810–1885) // Человеческий капитал. 2020. №9 (141). С. 11–24.
21. Зверев В.О. Немецкий шпионаж и борьба с ним в Великом княжестве Финляндском (по документам военной контрразведки) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, №2. С. 30–38.
22. Колпаков П.А., Арсланов Р.А. Деятельность жандармской полиции Российской империи на железных дорогах Великого княжества Финляндского в годы Первой мировой войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. №3. С. 510–524.
23. Куяла А. Финляндия и русская революция 1905 г. // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века. Материалы междунар. конф. / [редкол.: Волобуев П.В. (отв.ред.) и др.]. М.: [б. и.], 1996. С. 211–224.
24. Куяла А. Японский Генеральный штаб и вопрос о согласованных антиправительственных действиях в Российской империи, 1904–1905 / Пер. Н. Эдельмана // Русский сборник. Т.Х. М.: РЕГНУМ, 2011. С. 113–130.
25. Лавренова А.М. «На основании получаемых от шайки негодяев-шантажистов сведений ведется имперская политика в Финляндии»: об агентуре Финляндского жандармского управления в начале XX века // Новый исторический вестник. 2024. №4. С. 45–65.
26. Майзель М. Страницы революционной истории финляндского пролетариата. Л.: Гос. изд., 1928. 164 с.
27. Мусаев В.И. Великое княжество финляндское и русские революционеры (начало XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: Материалы Пятой ежегодной научной конференции (23–25 апреля 2003 г.). СПб: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 2004. С. 282–289.
28. Овчинникова Л.Я. Революционная Россия и Финляндия. 1905–1907 гг. Таллин: «Ээсти рамат», 1988. 327 с.
29. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И.Бобриков – генерал-губернатор Финляндии, 1898–1904 гг. СПб.: Европейский дом, 1997. 319 с.
30. Постников Н.Д. Политические партии Великого княжества Финляндского (60–70-е годы XIX века – 1914 год). М.: Научно-политическая книга, 2024. 719 с.
31. Смирнов В. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л.: Лоиз, 1933. 230 с.
32. Федоров М.А. К вопросу об инструкции Финляндскому Жандармскому Управлению 1903 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т.11. Вып.6 (92). Электронный ресурс: URL: <https://history.jes.su/s207987840010309-8-1/> DOI: 10.18254/S207987840010309-8 (дата обращения 01.09.2025).

33. Jussila O. Nationalismi ja vallankumous venäläis-suomalaisissa suhteissa 1899–1914. Helsinki: Suomen historiallinen seura, 1979. 325 p.
34. Luntinen P. FA. Seyn, 1862–1918: A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1985. 343 p.
35. Luntinen P. The Imperial Russian Army and Navy in Finland. Helsinki: Suomen Historiallinen Seura, 1997. 486 p.

Артём Фаизов

**СТРУКТУРА
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СЕНАТА В ПЕРИОД
ИЕРАРХИЧЕСКОГО
ДОМИНИРОВАНИЯ
КАБИНЕТА
МИНИСТРОВ
(ЗА 1737 И 1740–1741 гг.)**

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

УДК

94(47).063/064

В статье на основе систематического анализа журналов высшего органа установлены количественные данные по таким признакам как тематические категории сенатских дел, госорганы – источники сенатской повестки и госорганы – адресаты его исходящих документов за определенные хронологические срезы (1737 г. и декабрь 1740 – ноябрь 1741 гг.), что позволило прояснить его подлинную роль в управлении. В итоге получены заключения о том, что структура функционирования Сената в указанные интервалы была сопоставима с системой его деятельности в один из последних годов петровского царствования (1723 г.), причем в регентство Анны Леопольдовны по некоторым важным моментам «Правительствующий» орган даже превосходил показатели того времени.

The author of the article carried out the systematic analysis of the journals of this institution the highest authority for certain chronological periods (1737 and December 1740 – November 1741) in order to establish quantitative data on the following attributes: thematic categories of Senate case files, state bodies-sources of the Senate agenda and state bodies-addressees of its outgoing documents. The values for these parameters allow us to clarify the true role of this higher institution in the governance of the empire. As a result of the study, the conclusions were reached that the structure of the Senate's functioning during the indicated intervals was similar to the system of its activities, which was characteristic of one of the last years of Peter the Great's reign (1723), and in some important respects at the period of the regency of Anna Leopoldovna, the "Governing" body even surpassed the indicators of that time.

Ключевые слова: Сенат; сенатское делопроизводство; сенатские журналы; структура сенатской деятельности; тематика сенатской повестки; источники сенатских дел; адресаты сенатских распоряжений; имперский Кабинет министров; императрица Анна Ивановна; правительница Анна Леопольдовна; 1737 г.; декабрь 1740 – ноябрь 1741 гг.

Key words: Senate; Senate administrative records; Senate journals; structure of Senate activities; topics of Senate agenda; sources of Senate casefiles; addressees of Senate orders; Imperial Cabinet of Ministers; Empress Anna Ivanovna; Regent Anna Leopoldovna; 1737; December 1740 – November 1741.

E-mail: historian2005ad@yandex.ru

Постановка проблемы

Вопросы компетенции Сената и характер его взаимодействия с вышестоящими и подчиненными учреждениями в XVIII в. с разной

степенью полноты многократно рассмотрены в специальных трудах по истории Сената и других государственных органов [6; 10; 24; 14; 36; 34; 22; 15; 28; 4; 32; 12; 16 и др.], а также в общих работах по истории внутренней политики или биографических исследованиях. Тем не менее, изучение проявлений деятельности Сената на структурном уровне (действительные и по возможности точные соотношения разных тематических групп в круге сенатского ведения и удельный вес отдельных учреждений в архитектуре его взаимодействия со всеми частями государственного аппарата), установленные на основе сплошной обработки делопроизводственного материала находится на начальной стадии. Подобная информация могла бы обогатить наши представления конкретными данными о том, что фактически представлял собой Сенат как высший орган власти в его повседневной деятельности. Но такого рода исследование было предпринято лишь однажды, в одной из работ Е.В. Анисимова, в которой за отдельные годы, относящиеся к разным этапам петровских реформ (1711–1713 гг. и за 1723 г.) на основе делопроизводственной документации были представлены такие пункты как структура тематики сенатских дел, состав источников этих дел, а также – адресатов сенатских постановлений и запросов. Данные по первому периоду [3, с. 40] относятся к специфической управленческой системе и не могут быть напрямую сопоставлены с работой Сената в послепетровское время, так как преобразования государственного управления были далеки от завершения, Сенат не вполне сформировался как высший орган власти, была недавно проведена первая губернская реформа 1708–1710 гг., которая усилила власть губернаторов, а коллегии еще не были созданы. Более важными для нас являются его заключения по второму периоду, выявленные по сенатским журналам 1723 г., которые дают следующую картину по источникам сенатских дел: на центральные учреждения пришлось 35,6 % (чаще других в него обращались Военная и Камер-коллегии), на сенатские подразделения – 16,5 %, на указы императора и письма кабинет-секретаря Макарова – 14,6 %, челобитные – 13,7 %, на отдельных должностных лиц и порученцев – 12,1 %, на губернские и провинциальные власти – 7,5 % [3, с. 253–254]. «Адресаты постановлений и запросов Сената за 1723 г.» в это время бы-

ли таковы: центральные учреждения – 56,1 % (чаще всего это были Камер-, Штатс-контор- и Военная коллегии), канцелярия и конторы Сената – 28,9 %, император – 7,6 %, местные учреждения – 7,4 % [3, с. 254]. Распределяя тематику сенатских дел по отраслям управления, исследователь получил следующие результаты: кадровые вопросы – 26,4 %, финансы – 20 %, «армейские дела» – 12,8 %, «торговля и промышленность» – 12 %, «разные дела (церковь, полиция, просвещение, почта и т. д.)» – 9,4 %, «вотчинные и поместные дела» – 9,2 %, строительство – 6,9 %, «внешняя политика» – 3,3 %. По словам историка, «Судебные функции Сената не нашли отражения в его журнале, хотя в системе правосудия Сенат занимал весьма важное место» [3, с. 254–255]. Значения этого периода считаем возможным сравнивать с послепетровской эпохой, т. к. к 1723 г. Сенат сложился как государственный орган, оформилась сеть влиятельных коллегий, хотя система местных органов власти отличалась от той, что будет действовать после смерти Петра I (в 1727–1775 гг.).

Цель данной статьи – выявить структурные аспекты деятельности Сената (тематические категории сенатских дел, госорганы – источники сенатской повестки и госорганы – адресаты его исходящих документов) за указанные ниже хронологические срезы на основе обработки «генеральных» журналов Сената, вошедших в состав собраний, опубликованных в дореволюционный период [13; 30]. Обширность источника, охваченного сплошной обработкой, при развернутой системе рубрикации в процессе фиксации данных, вынуждает нас прибегнуть к избирательному его изучению: 1) ограничиваем хронологические рамки исследования двумя временными срезами, которые относятся к царствованиям разных монархов, но к общему периоду иерархического подчинения Сената Кабинету министров: 1737 г. (один из типичных годов второй половины правления императрицы Анны Ивановны) и декабрь 1740 – ноябрь 1741 гг. (относительно полный годовой этап регентства Анны Леопольдовны при императоре Иване VI); 2) в рамках этих годичных отрезков будет применена механическая (систематическая) выборка [18, с. 225–226, 249–250; 35, с. 63–75], согласно принципам которой в поле исследования вошли журналы за 4 месяца по обоим временным интервалам (каждый третий месяц, начиная с января 1737 г. и каждый третий месяц, начиная с декабря 1740 г.), в пределах отобранных групп источников они изучены в полном объеме.

Общий механизм работы сената и структура его делопроизводственной документации в 1737–1741 гг.

Рассмотрим по состоянию на январь 1737 г. – ноябрь 1741 гг. общий механизм работы данного учреждения и структуру его делопроизводства, которые сложи-

лись в своей основе в петровское царствование, но претерпели ряд изменений при его преемниках, в том числе отметим закрепившиеся к этому времени значения терминов, обозначавших некоторые виды документации.

Делопроизводственный цикл сенатского документооборота начинался с поступления входящих документов следующих видов: именные указы, сообщения Кабинета, ведения Синода и Сенатской канторы, доношения центральных и местных госорганов и челобитные частных лиц, которые распределялись по экспедициям его канцелярии или профильным канторам. Особыми сенатскими распоряжениями были установлены дни недели, в которые должны были обращаться к нему с докладами представители разных коллегий, канцелярий, кантор и комиссий (приговор 2 мая 1737 г., указ 28 августа 1740 г.) [13, ч.1, с.264; 27, т. 11, №8219]. Определенные дни были назначены и для приема челобитных в Сенате (сенатский указ 23 августа 1737 г. [27, т. 10, №7356]). В направляемых в высший орган донесениях по делам, которые центральные учреждения не могли решить самостоятельно в связи с отсутствием указов на этот счет, они должны были изложить следующие аспекты: описать обстоятельства дела, привести ссылки на законодательство или выдержки из него, добавить необходимые справки и представить мнение членов с предложением решения по делу. После поступления новых документов в канцелярию Сената, они регистрировались в одной из специальных книг, им присваивались входящие регистрационные номера, на них ставились пометки о дате поступления, а когда они направлялись на слушание, на них отмечалась дата рассмотрения.

Далее секретари (по своим «экспедициям») или обер-секретари (о наиболее важных вопросах) по реестру и в хронологии поступления зачитывали все поступившие дела собранию, которое их обсуждало. Слушание докладов отражалось в «журналах», которые в послепетровское время означали по существу протокольную запись происходившего на заседании (т.е. «журнал» был тем же, что сегодня мы именуем «протоколом»). Журналы Сената, которые составлялись секретарями, должны были фиксировать присутствовавших/отсутствовавших членов, поступавшие из разных учреждений дела, фамилии докладчиков (сенатские секре-

тари, члены или секретарские работники других госорганов), решения собрания по каждому доложенному делу, особые мнения членов (при наличии), а также отметки о подписании журналов, протоколов и отправления указов. Решение формально могло приниматься большинством голосов (петровским указом от апреля 1714 г. было отменено изначальное единогласие [27, т. 5, №2791]), однако на практике результаты голосования по делу (за или против) никогда не фиксировались и сенаторы стремились находить «согласное» решение, недовольные могли продиктовать особое мнение, но такое бывало нечасто.

В результате слушания и обсуждения и, при необходимости, опроса причастных лиц, формулировалось решение сенаторов по делу (приговор или определение), которое записывалось в журнале фиксировалось также в особых книгах. Приговоры имели следующую структуру: по такому-то именному указу / резолюции Кабинета / доношению коллегии / «челобитью» Сенат «приказал» то-то.

По делам, направленным на доработку в канцелярию, секретари Сената организовывали работу по доведению их до стандартного комплекта: поручали канцеляристам и подканцеляристам сделать «экстракты» из исходных документов, уточнить и привести ссылки на относящееся к делу законодательство, дополнить сведениями из иных сенатских дел и прежних приговоров, а при необходимости запросить из других госорганов справки, ведомости или копии. По некоторым судебным делам канцелярия проводила допросы участников или содержащихся при Сенате «колодников» по «вопросным пунктам», утвержденным присутствием. Готовые выписки проверяли секретари и обер-секретари (в 1740–1741 гг. – также генерал- и обер-прокуроры). После завершения всех подготовительных процедур дело направлялось на новое рассмотрение собрания.

Далее по решенным делам составлялись протоколы, что было первым шагом к реализации резолюции Сената или поступивших в него для исполнения именных указов и сообщений Кабинета министров. Подчеркнем, что значение понятия «протокол» в XVIII в. отличалось от нашего, современного. В петровское время имела место противоречивость в употреблении терминов «журнал» и «протокол» [33, с. 1–4], но вскоре после кончины первого императора общепринятым стало следующее понимание «протокола» – особым образом оформленное решение коллегияльного органа¹ (впрочем, в «протоколах» могло также отражаться полное рассмотрение сложных дел).

¹Разграничение понятий «журнал» и «протокол», установившееся после Петра I, в соответствии с которым термин «протокол» разительно отличался от его понимания в XIX

Завершалось заседание заслушиванием, правкой и закреплением журнала заседания и протоколов по ранее решенным делам (их подписывали все сенаторы, один из обер-секретарей и один из секретарей). Протоколы по именным указам и сообщениям Кабинета подписывались раньше других протоколов, сразу после закрепления журнала, «а о нужных делах и прежде подписания журнала», что было установлено специальным приговором Сената 1 июля 1737 г. [13, ч.2, с.3]. Структура протоколов была представлена в следующих трех вариантах: 1) краткое изложение именного указа или сообщения Кабинета, приказы Сената во исполнение (приговор), дата и подписи; 2) краткое содержание доношения / челобитной, приказы Сената по делу (приговор), дата и подписи; 3) краткое изложение вопроса (напр., именной указ с предписанием рассмотреть дело), отметки об обсуждении его сенаторами, приказы Сената (приговор), дата и подписи. Готовые сенатские протоколы регистрировались в особых книгах.

В заседаниях, кроме сенаторов, по высочайшему повелению или по усмотрению Сената, могли участвовать представители других учреждений, иногда – в полном составе. Они «обще» с членами присутствия обсуждали дела и закрепляли протоколы. Однако чаще отдельные члены центральных органов «впускались в собрание» не для рассмотрения дел, а для личных докладов и объяснений.

На основе принятых решений и подписанных сенаторами протоколов, которые являлись ключевыми документами коллежского делопроизводства, канцелярией составлялись различные формы исходящей документации Сената в зависимости от иерархического уровня адресатов: всеподданнейшие доклады императору, сообщения в Кабинет, ведения в Синод и Сенатскую канцелярию, указы подчиненным органам центрального и местного управления. Сенатские «указы», отправляемые от имени монарха, или ведения в Синод и Сенатскую канцелярию могли содержать разного рода информацию: приказы, запросы или уведомления. Большинство исходящих документов (указы и ведения) закрепляли только обер-секретарь и секретарь, что означало их соответствие подписанным сенаторами протоколам. Сообщения в Кабинет подписывали все сенаторы, обер-секретарь и секретарь. Отправляемые из Сената документы («отпущенные») регистрировались, на них проставлялись исходящие

и последующих веках, было четко обозначено уже в дореволюционной науке [напр., 11, с. III–VI]. Но, к сожалению, даже в новейших публикациях можно встретить крайне туманное толкование «протокола» в послепетровскую эпоху, когда от автора ускользает то, что это историческое понятие было непохоже на наше, современное [напр., 8, с. 85–87; 9, с. 104–108].

регистрационные номера. Затем подлинные документы пересылались адресату, а в сенатской канцелярии сохранялись «отпуски» (их копии или черновики). Среди многочисленных других регистрационных книг можно отметить книги учета и контроля «вершенных» (рассмотренных) и «невершенных» (нерассмотренных) дел, реестры различных документов и др.

Протоколы, закрепленные в отсутствии некоторых сенаторов, служащие канцелярии подносили им на подпись на дворах или позднее, иногда – по напоминанию Сената (см. напр.: журнал от 7 апреля 1741 г. [30, т.3, с.179]); но случалось, что по запросу канцелярии или по собственной инициативе (см. напр.: журналы от 10 февраля и 11 мая 1737 г. [13, ч.1, с.88, 286]) члены присутствия приказывали секретарям отправлять указы по протоколам до или без подписания всеми сенаторами (вследствие болезни последних, отъезда или нежелания их утверждать решения по конкретным делам). В 1737 и 1740 г. такие случаи были единичными, а в 1741 г. стали нормой (см. сенатские журналы от 4 марта и 10 августа 1737 г., 2 декабря 1740 г., 20 января, 23 февраля, 16 марта, 20 апреля, 2 мая, 1 июня, 9 июня, 15 июня, 9 июля, 3 сентября, 2 октября, 23 октября 1741 г. [13, ч.1, с.138, ч.2, с.101; 30, т.2, с.222, 432, 589, т.3, с.86, 243, 340, т.4, с.3, 46, 71, 158, 361, т.5, с.1, 92]). 24 апреля 1741 г. сенаторы сформулировали общее правило для ситуаций, когда их коллеги отказывались утверждать протоколы вследствие особого мнения: «ежели протокол или журнал кто из г.г. сенаторов не подпишет один за каким-либо сомнением, то указы отправлять и без подписания его; однакож какое сомнение иметь будет, о том объявлять за рукою своею письменно» [30, т.3, с.283].

Подчиненные Сенату центральные учреждения в ответ на его указы присылали доношения и репорты о получении предписаний, а позже – об их «действительном исполнении». Сенат, кроме собственных указов, рассылал и публиковал именные указы, а также указы «о непорицании»; по высочайшим повелениям выдавал лицам, награжденным именными, «указы для владения», «данные» и «жалованные грамоты». «Патенты» на новые чины Сенат отправлял для утверждения в Кабинет. Законченные дела канцелярия передавала в сенатский архив, где по ним составлялась «генеральная опись».

Ниже изложены данные по структурным параметрам деятельности Сената, установленные по журналам за указанные хронологические срезы, а также заключения, основанные на анализе средних значений указанных показателей.

**Тематические категории сенатских
дел по отраслям управления
за 1737 г. и 1740–1741 гг.**

Таблица 1. Тематика сенатских дел за 1737 г. и 1740–1741 гг.

Сфера управления	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Финансы	20 %	22,2 %	23,9 %	24,3 %	32,7 %	34,9 %	31,1 %	30,8 %
Суды и следствия	15,4 %	19,3 %	17,9 %	20,4 %	17,2 %	11,9 %	10,6 %	8,8 %
Кадровые вопросы	18,8 %	14,6 %	15,3 %	16,9 %	20,3 %	16,6 %	11,1 %	14,1 %
Армия и без- опасность	6,7 %	10,2 %	9 %	9,2 %	2,4 %	4 %	7,6 %	10,6 %
Флот	10,2 %	5,6 %	2 %	4,4 %	0,8 %	0,7 %	1,2 %	0,8 %
Полиция	2,3 %	1,2 %	10,4 %	5,6 %	4,2 %	1,9 %	2,3 %	2,5 %
Строительство	1,9 %	3,8 %	4,8 %	3,3 %	2,1 %	3,7 %	6,5 %	3,8 %
Государствен- ные и дворянские имения и дворы	3,8 %	3,8 %	2,4 %	2,4 %	4,2 %	10,3 %	10,1 %	7,6 %
Торговля	2,9 %	3,5 %	2,8 %	2,1 %	1,8 %	4 %	4,1 %	3,8 %
Центральное управ- ление (устройство и делопроизвод- ство госорганов)	3,8 %	1,5 %	2,8 %	0,9 %	2,1 %	0,5 %	0,9 %	0,8 %
Промышленность	2,1 %	2,6 %	1,4 %	2,7 %	2,1 %	3,3 %	1,6 %	3,5 %
Церковь	2,3 %	0,9 %	1,2 %	2,1 %	1,3 %	3 %	1,4 %	0,8 %
Организация и делопроизвод- ство Сената	2,7 %	0,9 %	1 %	1,2 %	2,6 %	0,5 %	2,1 %	0,5 %
Местное управле- ние (устройство и делопроизвод- ство госорганов)	2,7 %	1,2 %	0,8 %	1,2 %	1,1 %	0,9 %	0,9 %	1 %
Просвещение	0,6 %	1,5 %	1,2 %	1,8 %	0,3 %	0,5 %	0,9 %	0,8 %
Социальное призрение	1,5 %	0 %	1,8 %	0,9 %	0,5 %	0 %	0,9 %	0,3 %
Иностранные дела	0,2 %	2,9 %	0,6 %	0,6 %	2,6 %	2,1 %	5,8 %	7,8 %
Медицина	0,4 %	1,2 %	0,6 %	0 %	0 %	0,2 %	0,2 %	0,5 %
Прочее*	1 %	0,9 %	0,2 %	0 %	1,6 %	0,7 %	0 %	0 %
Кодификация	0,4 %	0,9 %	0 %	0,3 %	0 %	0 %	0 %	0 %

Сфера управления	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Император- ский двор	0,4 %	0,9 %	0 %	0 %	0 %	0,2 %	0,7 %	0,5 %
Почта	0 %	0,6 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0,8 %

^{*} К графе «Прочее» относим вопросы повестки, которые либо зафиксированы в журналах слишком кратко, либо имеют смежный или особенный характер, и поэтому не могут быть определено квалифицированы; например, дела такого рода: по челобитью поручика Бера, о котором отмечено только, что оно «разсматривано будет» позже; об открытии неким «жидом Абраамом» земли в Америке; о солдатских детях, которых предписано не допускать на поселение вместе с их отцами; об организации похорон императрицы Анны Ивановны; о запрете на ношение дорогих платьев и др. [13, ч.1, с.13, 22, ч.2, с.4; 30, т.2, с.70, 286–287].

Источник: [13, ч.1, с.5–68, 211–257, ч.2, с.1–74, 193–235; 30, т.2, с.214–349, т.3, с.1–158, т.4, с.1–124, 342–473].

В полученной статистике по соотношению сфер управления в общем массиве сенатских дел (как и по другим рассмотренным ниже показателям) за четыре месяца по 1737 г. и четыре месяца периода декабрь 1740 – ноябрь 1741 г. (таблица 1) отразились не только конъюнктурные факторы и конкретные административные обстоятельства, но вместе с тем изменения в приоритетах политического курса и принципах практической политики, а также особенности деятельности высшего органа в обозначенных периодах. В тематическом плане приоритетный вес в делах Сената в течение исследуемых временных интервалов неизменно имели такие отрасли управления как финансы (в среднем более 20 % – в 1737 г., в среднем более 30 % – в декабре 1740 – ноябре 1741 г.), кадры (16,4 % и 15,5 % соответственно) и суды и следствия (18,3 % против 12,1 %). Совокупно эти три сферы в обоих исследуемых периодах составляли около 60 % сенатских дел. Традиционно существенное место в делопроизводстве Сената занимали вопросы, связанные с армией и безопасностью: в 1737 г. (когда была в разгаре масштабная русско-турецкая война) – в среднем почти 9 %, по декабрю 1740 г. – ноябрю 1741 г. – более 6 %. Причем в течение второго этапа доля дел, относящихся к военной сфере, последовательно увеличивалась (декабрь 1740 г. – 2,4 %, март 1741 г. – 4 %, июнь 1741 г. – 7,6 %, сентябрь 1741 г. – 10,6 %), что было связано с приближением русско-шведской войны (начавшейся в конце июля 1741 г.), а затем обслуживанием нужд армии в ходе военных действий. Одновременно снижался объем работы Сената по судебным (или челобитчиковым) делам, которые, видимо, сознательно в подобных усло-

виях отодвигались на второй план (декабрь 1740 г. – 17,2%, март 1741 г. – 11,9%, июнь 1741 г. – 10,6%, сентябрь 1741 г. – 8,8%). Тема флота была важной для правительства Анны Ивановны [17, с.226–227; 25, с.213–298], поэтому в 1737 г. она занимала весомое место в работе Сената (достигая в среднем 5,6%). Высший орган в это время, в частности, активно занимался обеспечением строительства Днепровской флотилии в Брянске (например, только за январь 1737 г. дела по Брянской флотилии отразились в журналах от следующих чисел: 3, 11, 14, 17, 18, 21, 24, 27 [13, ч.1, с.8, 9, 25, 32–33, 39, 42–44, 46, 49–50, 61]). Между тем при правительнице осознанная необходимость восстановления флота, обескровленного русско-турецкой войной, не стала для правительства приоритетной задачей, и высший орган уделял таким делам мало внимания (менее 1%). Заметная доля в делах Сената в целом приходилась на полицейские вопросы (в 1737 г. – в среднем 4,9%; при Анне Леопольдовне – 2,7%): роль высшего органа в управлении городским хозяйством Петербурга и Москвы, и в частности борьбой с пожарами, всегда была одной из важнейших. Именно в 1737 г., в конце мая в Москве произошел «лютейший» для XVIII в. так называемый Троицкий пожар; а в июле 1737 г. крупный пожар случился в Петербурге [31, кн.10, с.499; 2, с.226–227].

Сфера «Государственные и дворянские имения и дворы»² в аннинский 1737 г., относящийся ко второй половине царствования, была не столь важной, как при правительнице, для которой это было начало правления с обилием земельных пожалований (в 1737 г. – в среднем 3,1%, при Анне Леопольдовне – 8,1%).

Дела об управлении строительством (включая вопросы дорожного строительства, обслуживания шлюзов и каналов, чистку порогов и рек и т. п.) занимали существенный процент и в один из годов правления Анны Ивановны (3,5%), и при ее племяннице (4%). Ни 1737 г., ни 1740–1741 гг. не относились к реформаторским эпохам, тем не менее, в минимальном объеме вопросы реорганизации Сената, а также центрального и местного аппарата привлекали внимание членов присутствия. В первом интервале по Сенату на них приходилось 1,5%, во втором – 1,4%. 1737 г. несколько выделялся и по отношению к устройству и делопроизводству учреждений разного уровня: по центральным госорганам эти показатели были 2,3% против 1,1%, по местному управлению – 1,5% против 1% соответственно.

² Уточним, что любые споры помещиков по поводу имений, крепостных и т. п. относим к судебной сфере.

Согласно понятиям эпохи сфера торговли закономерно была представлена в делах Сената в большей мере, чем управление промышленностью (в 1737 г. вопросы о торговле – 2,8 %, дела о промышленности – 2,2 %; в декабре 1740 – ноябре 1741 г. первые – 3,4 %, вторые – 2,6 % соответственно). Внешнеполитические проблемы находились в компетенции Кабинета и Коллегии иностранных дел, а Сенат как орган внутривластный касался таких дел по ограниченному кругу вопросов (в 1737 г. – 1,1 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 4,6 %), среди которых в 1736–1741 гг. были «разобрания» в специальных комиссиях «порубежных ссор» между русскими и польскими помещиками, возвращение бежавших или насильно вывезенных за польскую границу русских крестьян, а также укрепление форпостов для защиты от польских грабежей (подобные случаи можно отнести к следственным и оборонным делам соответственно) [13, ч.1, с. 189, 230–231, 235, 258–259, ч.2, с. 28, 71, 81–82; 30, т.2, с. 204, 258, т.3, с. 376, т.4, с. 289, 431; т.5, с. 31, 125]. Кроме того, в 1737 г. он занимался финансированием (что может относиться к финансовой сфере) и отправлением на Немировский конгресс российских послов, а затем налаживанием связи между ними и Петербургом [13, ч.1, с. 182, 191, 240, 388, ч.2, с. 105, 158, 164, 254].

При Анне Леопольдовне доля этих дел существенно возросла, так как высшему органу пришлось обеспечивать проезд и размещение персидского [30, т.2, с. 215, 293, т.3, с. 39, 132, т.4, с. 22–23, 29, 51, 75–76, 107, 122, 344–345, 347, 361, 380, 396–398, 408, 417, 433–434, 441–442, 450, 456–458, 462, 467–468] и турецкого [30, т.2, с. 293, т.3, с. 33–34, 37, 49, 111, 134, 138, т.4, с. 1, 22–23, 27–28, 51–52, 59–60, 67, 71, 76, 80–81, 89, 106–107, 118, 120–121, 344, 347, 352–353, 370, 389–390, 394–396, 403, 415, 456–457, 466–467] послов, а также заботиться о многочисленных шведских военнопленных [30, т.4, с. 400–401, 421–424, 438, 458, т.5, с. 5, 10, 25, 59, 92, 143–144]. Сенат как светский институт церковные вопросы разбирал только в связи с общегосударственными интересами, но в православном государстве доля их была достаточной стабильной (1,6 % в обоих исследуемых периодах). Хотя XVIII-е столетие получило наименование «Века Просвещения» вопросы, касающиеся организации системы образования, занимали в делах Сената при императрице Анне в 1737 г. в среднем 1,3 %, а при правительнице Анне – и вовсе 0,6 % (впрочем, вопросы финансирования АН, жалования для ее служащих и т.п. отнесены к сфере «финансы»). Медицинские задачи представлены в делах Сената в еще меньшем объеме (по первому годовому интервалу – в среднем 0,6 %, по второму – 0,2 %

от общей массы). Большой объем таких дел по 1737 г., видимо, был связан с возникавшими тогда вспышками эпидемий: например, «головная болезнь» в Пскове и «горячка с пятнами» в Москве [31, кн.10, с. 500–501]. Не случайно в мае 1737 г. Сенат утвердил предложение лейб-медика и архитектора И. Фишера: «в городах, лежащих поблизости от Санкт-Петербурга и Москвы... по усмотрению Медицинской канцелярии, для пользования обывателей в их болезнях держать лекарей» [20, с. 296].

Важно отметить, что Сенат на практике мало касался сферы жизни императорского двора (в 1737 г. эти дела составили в среднем 0,3 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 0,4 %). Другой малозаметной сферой в круге сенатских занятий было социальное призрение (в 1737 г. – 1,1 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 0,4 %). К подобным делам можно причислить только редкие заботы Сената об устройстве в монастыри на пропитание не имевших своих средств отставников или вдов. Вопросы составления нового свода законов в течение всего XVIII в. нередко обозначались в именных указах как важнейшие, а при Сенате действовала «Комиссия сочинения Уложения» [27, т. 8. № 5654; 5, с. 200, 203, 209; 7, с. 205–206], но, согласно журналам заседаний, в фактических делах Сената в обеих рассматриваемых выборках они почти не отразились (0,4 % и 0 % соответственно). На столь сложное мероприятие высшему административному и судебному органу не хватало времени, а возможности Комиссии с участием одного из сенаторов и нерегулярным привлечением других чиновников были недостаточны. Немногим более нуля и при императрице (в 1737 г.), и при правительнице составили вопросы организации работы почтовой связи (точнее эти дела привлекали внимание сенаторов только в один из четырех месяцев каждой из выборок: в апреле 1737 г. – 0,6 %, в сентябре 1741 г. – 0,8 %, в остальные месяцы – не рассматривались вовсе).

Источники сенатских дел в 1737 г. и 1740–1741 гг.

Изложенные ниже результаты исследования сенатских журналов на предмет выявления соотношений разных госорганов – источников сенатских дел и госорганов – адресатов сенатских исходящих документов представляют архитектуру взаимодействия высшего учреждения и остальных многочисленных институтов управления; а также показывают структуру основных документальных потоков и места отдельных сегментов документации в этом круговороте, замыкавшемся на Сенат.

Таблица 2. Источники сенатских дел в 1737 г. и 1740–1741 гг.

Государственные органы и др. источники	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Сенатские подразделения, включая сенаторов (вместе)	27,9 %	16,9 %	23 %	13,5 %	20,5 %	9,5 %	14,6 %	11,2 %
Сенатская канцелярия	11,4 %	7,8 %	10,2 %	6,3 %	12,5 %	4 %	6,6 %	3,9 %
Сенатское присутствие	11,2 %	3,6 %	3,3 %	2,3 %	2,5 %	1 %	1,3 %	0,8 %
Герольдмейстер*	3,4 %	3,2 %	4,1 %	2,6 %	0,6 %	0 %	0 %	0 %
Доимочная комиссия при Сенате (1738 г. – декабрь 1741 г.)	–	–	–	–	1,4 %	0,7 %	0,3 %	0,8 %
Сенатская контора	0,7 %	1 %	2 %	2,3 %	2,5 %	3,3 %	2,3 %	2,9 %
Генерал-прокурор (с апреля 1740 г.) и его контора	–	–	–	–	1,1 %	0 %	2,3 %	2,6 %
Рекетмейстерская контора	0,2 %	0 %	2,8 %	0 %	–	–	–	–
Генерал-рекетмейстер (с апреля 1738 г.)	–	–	–	–	0 %	0,2 %	0,8 %	0,3 %
Сенаторы отдельные	0,9 %	1,3 %	0,7 %	0 %	0 %	0,2 %	0,8 %	0 %
Печатная контора	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0,3 %	0 %
Раскольничья контора	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Высшие органы (вместе)	13,7 %	19,2 %	16,5 %	15,8 %	25,2 %	25,2 %	18,9 %	20,1 %
Кабинет министров	7,5 %	15,3 %	14,3 %	10,9 %	8,9 %	9,8 %	9,7 %	10,2 %
Именные указы (императрицы / правительницы или Кабинета)	3 %	2,3 %	0,7 %	1,6 %	4,4 %	2,1 %	1,8 %	1,3 %
Императрица Анна Ивановна	1,8 %	1 %	1,5 %	2,6 %	–	–	–	–
Синод	1,4 %	0,6 %	0 %	0,7 %	1,1 %	3,3 %	2 %	0,3 %
Император Иван Антонович	–	–	–	–	0 %	0 %	0 %	1,8 %

Государственные органы и др. источники	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Правительница Анна Леопольдовна	—	—	—	—	10 %	6,9 %	3,8 %	3,9 %
Генералиссимус Антон Ульрих	—	—	—	—	0 %	2,6 %	1,5 %	2,6 %
«Первый министр» Б.Х. Миних (ноябрь 1740 – март 1741)	—	—	—	—	0,8 %	0,5 %	0 %	0 %
Центральные учреждения (вместе)	33,1 %	30,2 %	35,4 %	31,9 %	23,3 %	28,8 %	29,9 %	33,3 %
Военная коллегия и ее контора	10 %	10,4 %	8 %	7,9 %	6,4 %	7,9 %	6,6 %	7,8 %
Коммерц-коллегия	2,1 %	5,5 %	6,7 %	3,3 %	1,7 %	2,1 %	3,3 %	5,2 %
Адмиралтейская коллегия и ее контора	5 %	2,6 %	3,3 %	4,3 %	0,6 %	1,9 %	0,8 %	0,8 %
Камер-коллегия и ее контора	3,4 %	1,3 %	1,5 %	3 %	0,8 %	3,3 %	4,6 %	3,4 %
Коллегия иностранных дел	0,5 %	1,3 %	3,5 %	3,3 %	1,7 %	0,7 %	0,5 %	1,3 %
Временные комиссии	1,6 %	1,9 %	2,4 %	1 %	3,9 %	2,9 %	3,1 %	1 %
Штатс-контора	2,1 %	0,6 %	3 %	0,3 %	0,8 %	1 %	2,3 %	1 %
Главная полицмейстерская канцелярия	1,6 %	1 %	1,1 %	2 %	0,6 %	2,1 %	2,3 %	2,1 %
Канцелярия конфискации	1,1 %	1 %	0,7 %	1 %	0,6 %	0,2 %	0 %	0 %
Академия наук	0,7 %	1,3 %	0,7 %	1,3 %	0,3 %	0,7 %	0,3 %	0,5 %
Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел (до 1739 г.)	0,5 %	0,3 %	0,9 %	0,7 %	—	—	—	—
Коллегия лифляндских и эстляндских дел (1739 г. – декабрь 1741 гг.)	—	—	—	—	0 %	0,7 %	0,3 %	0,8 %
Юстиц-коллегия	0,7 %	1 %	0 %	0,3 %	0,6 %	0,2 %	0,5 %	0 %

Государственные органы и др. источники	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Дворцовые учреждения (Дворцовая канцелярия, Придворная, Интендантских дел и Конюшенная конторы)	0,2%	0,6%	0,7%	0,3%	0,6%	0,2%	0%	0,3%
Ревизион-коллегия	0,2%	0%	0%	1,3%	0,3%	0,2%	0,5%	1,8%
Тайная канцелярия	0,5%	0,3%	0,4%	0,3%	0,8%	0,5%	0,3%	0,3%
Ямская канцелярия	0,9%	0%	0,2%	0,3%	0,3%	0,5%	0,3%	0,5%
Канцелярия монетного правления	0,9%	0%	0%	0,3%	0,3%	0%	0,8%	0,3%
Канцелярия от строений	0%	0,6%	0,7%	0%	0,6%	0,5%	1,8%	1%
Вотчинная коллегия	0,2%	0%	0%	0,7%	0%	0,2%	0,3%	0,8%
Камер-контора лифляндских и эстляндских дел (до 1739 г.)	0%	0%	0,7%	0%	—	—	—	—
Комиссия о Санкт-Петербургском строении	0,2%	0%	0,2%	0,3%	1,7%	0,5%	0,8%	0,3%
Сибирский приказ	0,2%	0%	0,7%	0%	0,8%	1,4%	0%	0,8%
Генерал-берг-директориум	0,2%	0%	0%	0%	0,3%	0%	0,3%	2,6%
Коллегия экономии	0,2%	0%	0%	0%	0%	0,5%	0%	0,5%
Медицинская канцелярия	0%	0,3%	0,2%	0%	0%	0,2%	0,3%	0,3%
Оружейная канцелярия	0%	0%	0%	0%	0%	0,2%	0,3%	0%
Судный приказ	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%
Сыскальной приказ	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%
Соляная контора	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	0%
Местные органы (вместе)	3,9%	6,5%	7,6%	7,9%	5%	9,5%	8,4%	10,4%
Губернские власти	2,1%	4,5%	4,6%	5,3%	3,6%	6%	5,9%	8,1%

Государственные органы и др. источники	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Провинциальные учреждения	1,1 %	1,3 %	3 %	2,3 %	0,3 %	2,1 %	0,8 %	0,8 %
Уездный уровень	0,2 %	0,3 %	0 %	0,3 %	0 %	0,5 %	0,5 %	0 %
Местные руководители ниже уездного уровня**	0,5 %	0,3 %	0 %	0 %	1,1 %	1 %	1,3 %	1,6 %
Высшие должностные лица*** (вместе)	6,6 %	11,4 %	4,1 %	5,9 %	6,4 %	4,8 %	9,5 %	9,1 %
Воинские начальники	2,7 %	6,5 %	2,4 %	4,3 %	1,1 %	2,4 %	8,4 %	7,3 %
Флотские начальники	2,3 %	3,6 %	1,3 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Штатские сановники	1,4 %	0,6 %	0,2 %	1,3 %	5,3 %	2,4 %	1 %	1,8 %
Придворные сановники	0,2 %	0,6 %	0,2 %	0,3 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Другие учреждения и институты (вместе)	0,7 %	1,9 %	2,6 %	0,7 %	2,8 %	1,9 %	1 %	3,9 %
Эмиссары и нарочные	0,2 %	1,6 %	2,4 %	0,7 %	1,4 %	1,4 %	0,8 %	3,1 %
Гвардейские полки (командующие и канцелярии)	0,5 %	0 %	0 %	0 %	1,1 %	0,2 %	0,3 %	0,8 %
Кадетский корпус	0 %	0,3 %	0,2 %	0 %	0,3 %	0,2 %	0 %	0 %
Челобитчики разного социального статуса	14,2 %	14 %	10,8 %	24,3 %	16,9 %	20,3 %	17,7 %	12 %

* Обращения герольдмейстера и рекетмейстера в регентство Анны Леопольдовны стали фиксироваться не в «генеральных», а в «особых» журналах Сената.

** К этой категории отнесены магистраты и ратуши, коменданты крепостей, начальники портов, командиры пристаней, гарнизонные канцелярии, канцелярии ландмилицких полков и т.п.

*** Высокопоставленные порученцы, лично ответственные за особые задачи, вне рамок системы постоянных государственных органов.

Источник: [13, ч.1, с.5–68, 211–257, ч.2, с.1–74, 193–235; 30, т.2, с.214–349, т.3, с.1–158, т.4, с.1–124, 342–473]

Приступая к характеристике частей, которые приходились на отдельные государственные органы и их группы среди общей массы ини-

циаторов сенатских дел (таблица 2), необходимо подчеркнуть, что при огромном объеме документации, поступавшей на рассмотрение высшего учреждения даже 1–2 % следует оценивать как значительные величины. Кроме того, следует иметь в виду, что заметную часть времени Сената отнимало взаимодействие с собственной канцелярией, что было обусловлено спецификой его коллегиальной организации (в частности, сенатский документооборот существенно замедлялся в тех случаях, когда он снова и снова рассматривал и корректировал протоколы по ранее отслушанным делам, которые по каким-то причинам не были утверждены). При Анне Ивановне, в 1737 г. среди госорганов – источников дел Сената на сенатские подразделения приходилось в среднем 20,3 % от общего объема, в том числе: сенатская канцелярия – почти 9 %, члены присутствия – в среднем 5,1 % (особенно деятельными они были в январе 1737 г., когда работа высшего органа вызвала неудовольствие императрицы [27, т. 10, № 7143], – 11,2 %; в остальные месяцы – 2,3–3,6 %), герольдмейстер – в среднем 3,3 %, московская Сенатская контора – 1,5 %, рекетмейстерская контора – 0,8 %, отдельные сенаторы – 0,7 %. При Анне Леопольдовне доля, приходившаяся на структуры самого Сената, была заметно меньше: вместе они составили – 14 % (при этом на сенатскую канцелярию приходилось около 7 %, на московскую контору – около 3 %, на присутствие – 1,4 %, на отдельных сенаторов – 0,3 %). Снижение в декабре 1740 – ноябре 1741 г. доли, приходившейся на канцелярию, можно оценить позитивно, т.к. это означало, что Сенат отчасти продвинулся по пути освобождения от излишнего бумаготворчества и бюрократизма. Впрочем, в это время снизилась и инициативность самих сенаторов: они реже ставили новые вопросы перед коллегами или докладчиками, в основном следуя в русле повестки, сформированной секретарями по входящей документации. Близкие к нулевым показатели по герольдмейстеру (ответственный за важнейшие в феодальном государстве вопросы о дворянской службе) и рекетмейстеру (занимался приемом и первоначальной обработкой различных жалоб на работу государственных органов) как источникам сенатских дел в регентство Анны Леопольдовны связаны с тем, что их доклады в это время зачастую стали отражаться в так называемых особых журналах, поэтому эти данные не вошли в сферу настоящего исследования. В действительности в декабре 1740 – ноябре 1741 гг., как и в 1737 г., через них на обсуждение Сената поступал весомый объем документации.

В 1737 г. должность генерал-прокурора оставалась вакантной, а замещена она была в апреле 1740 г., поэтому по периоду декабрь 1740 –

ноябрь 1741 г. этот чиновник предстает существенным источником сенатских дел (в среднем 1,5%, причем его роль постепенно усиливалась). Новым учреждением, по сравнению с 1737 г., стала также Доимочная комиссия при Сенате (действовавшая с 16 октября 1738 г. по 1741 г. «для скорейшего взыскания запущенных в доимку положенных на Адмиралтейство и подлежащих до Статс-канторы и Артиллерийской канцелярии доходов» [27, т. 10, №7676, 7848], она занимала долю в 0,8%. Важная как исполнитель Печатная кантора в обоих периодах новых вопросов перед Сенатом не ставила. Нулевыми оказались также значения по Раскольниковой канторе.

Доля высших органов власти в 1737 г. была меньше, чем в регентство правительницы (16,3% против 22,4%). Хотя уменьшились части, приходившиеся на Кабинет (с 12% до 9,7%), на царствующего монарха (с 1,7% до 0,5%), среди высших по отношению к Сенату институций добавились новые акторы: правительница (в среднем 6,2%; при закономерном снижении ее активности в течение года с 10% в декабре 1740 г. примерно до 4% в сентябре 1741 г.), генералиссимус Антон Ульрих (в среднем 1,7%, его сознательная активность, напротив, постепенно увеличивалась в течение регентства супруги), «первый министр» Б.Х. Миних (в период с декабря 1740 по март 1741 г. – в среднем 0,7%). При правительнице возросла и доля именных указов, по которым в журналах не обозначен источник власти (это могли быть императрица / правительница или Кабинет): в 1737 г. – 1,9%, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 2,4%.

Более часто при Анне Леопольдовне в Сенат обращался Синод – 1,7% (его доля в 1737 г. была 0,7%). Поддержав свержение Э.И. Бирона, он в своих ходатайствах (к правительнице, в Кабинет и в Сенат) успешно добивался послаблений и льгот для церкви.

Например, в это время были отменены принятая при Анне Ивановне практика церковных разборов и проведенная в 1740 г. фактическая секуляризации заопределенных вотчин, были снижены установленные Петром I ограничения при пострижении в монахи и проч. [31, кн.11, с.44–45; 7, с.300–305, 321–325, 333–335; 19, с.104–106].

Пропорции дел, источниками которых являлись центральные и местные учреждения в оба периода оказались довольно близкими (с некоторым смещением на втором этапе в пользу местных органов): в 1737 г. центральные учреждения были источником 32,7% дел, местные – 6,5%; в декабре 1740 – ноябре 1741 г. на центральные органы приходилось 28,8%, на местные – 8,3%. Сенат как высший орган взаимодействовал,

прежде всего, с центральными учреждениями, которые во многом опосредовали его сношения с местными властями разного уровня. На первых пяти местах в 1737 г. при Анне Ивановне находились такие госорганы-источники как Военная (9,1 %), Коммерц- (4,4 %), Адмиралтейская (3,8 %), Камер- (2,3 %) и Иностранная коллегии (2,2 %). В регентство Анны Леопольдовны в первой пятерке оказались следующие учреждения: Военная (7,2 %), Коммерц- (3,1 %), Камер- (3 %), Временные комиссии (2,7 %) и Полицмейстерская канцелярия (1,8 %). Факты того, что в обоих временных интервалах на первом месте оказалась Военная коллегия, а также нахождение в первой пятерке учреждения, ответственного за государственные доходы (Камер-коллегии) вполне понятно. Преобладание военной сферы в истории русского государства было традиционным, тем более что в оба периода Россия находилась в состоянии войны. Доходы казны крайне важны для любого правительства, а в послепетровский период это усугублялось постоянной нехваткой денежных средств и растущими недоимками. По той же причине, видимо, в оба периода на втором месте находилась Коммерц-коллегия, – ведь от торговли в XVIII в. власти постоянно ожидали новых поступлений (к тому же в исследуемые годы эта коллегия руководила также промышленностью). Необходимо отметить, что в обоих изучаемых периодах чаще в Сенат обращалась именно Камер-коллегия, тогда как доля главного учреждения ответственного за государственные расходы – Штатс-конторы (1,5 % и 1,3 % соответственно) – была меньше первой.

Основное отличие по первой пятерке госорганов-источников заключалось в наличии в 1737 г. в этом ряду главного флотского учреждения и внешнеполитического ведомства, а в декабре 1740 – ноябре 1741 г. несколько выдвинулся полицейский орган власти и временные комиссии. Частые в 1737 г. обращения в Сенат из Адмиралтейской коллегии были обусловлены, как отмечалось выше, большим значением в сенатской повестке вопросов о флоте. Что касается документов, в течение первого периода нередко присылаемых в Сенат от Коллегии иностранных дел, то в 1737 г. (2,2 %) это были по большей части просьбы утвердить выездные паспорта для иностранных и русских подданных [13, ч.2, с.5, 14, 37–38, 56–57, 73, 197, 200, 206, 213], что условно причисляем к делам полицейской тематики. Такая процедура была установлена именным указом 20 мая 1737 г., согласно которому для предупреждения «безпорядков» заграничные паспорта требовалось выдавать за подписью всех сенаторов, поскольку «разные люди, набрав здесь долгов, без заплаты оных отсюда под чужими паспортами вне государства отъезжают» [27, т.10,

№7257]. 31 декабря 1740 г. высочайшим указом право выдачи выездных паспортов было возвращено Иностранной коллегии, так как «в даче паспортов отъезжающим отсюда людям немалая от того остановка и замедление происходит», причем, по мнению законодателя, «причина» для подобного правила «давно миновалась» [27, т. 11, №8307]. При Анне Леопольдовне Иностранная коллегия обычно направляла в Сенат (1,1 %) дела финансовые или касающиеся приезда турецкого и персидского послов [30, т. 2, с. 298–299, т. 3, с. 111, 127, т. 4, с. 51, 415, 433, 457].

Более заметное в декабре 1740 – ноябре 1741 г., особенно в первой половине регентства, положение временных комиссий (в 1737 г. их доля составляла 1,7%), занимавшихся необычными следствиями или проверкой финансовой отчетности, можно объяснить официально заявленным в начале правления Анны Леопольдовны стремлением правительства уменьшить волокиту центральных учреждений. Тот факт, что при правительнице среди первых пяти госорганов – источников сенатских дел находилась Полицмейстерская канцелярия (в 1737 г. она была на 8-м месте с долей в 1,4%), был связан с большим вниманием властей к своеобразному правопорядку и благоустройству столиц. Например, в это время Полицмейстерская канцелярия получила – в дополнение к изданным при Петре I и Анне Ивановне, – предписания по контролю над твердыми ценами на продукты питания в столице [29, с. 161]; с июня 1741 г. полиция также обязали следить за недопущением в Петербург «нищих обоего пола» [27, т. 11, №8407], а с сентября 1741 г. – за соответствием количества «упряжных лошадей» чину владельца [27, т. 11, №8447] и проч. Кроме того при правительнице чаще в Сенат поступали бумаги из контрольно-счетной Ревизион-коллегии – 0,7 % (в 1737 г. было 0,4 %), а в 1737 г. несколько больше была доля дворцовых учреждений (0,5 % против 0,3 %). В течение обоих исследуемых периодов Сенат редко получал документы из занимавшейся секретными делами Тайной канцелярии (в 1737 г. – 0,4 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 0,5 %), а также – из Вотчинной коллегии (0,2 % против 0,3 %). Вовсе не обращались в высший орган подчиненная напрямую Кабинету Соляная контора, а также московские судебные учреждения: Судный и Сыскной приказы, которые, соблюдая субординацию, по поводу спорных вопросов, по всей видимости, обращались в Юстиц-коллегию или в Сенатскую контору.

Из местных учреждений в течение обоих периодов чаще других в Сенат обращались губернские канцелярии (в первом периоде примерно 4 %, во втором – около 6 %). В 1737 г. далее по нисходящей шли провинциальные (1,9 %), затем на одном уровне уездные власти и начальники ниже

уездного уровня (по 0,2%), к последним отнесены магистраты и ратуши, коменданты крепостей, командиры пристаней, гарнизонные канцелярии и т. п. При Анне Леопольдовне низшие местные руководители (1,3%) обращались в Сенат чаще, чем власти провинциального (1%) и уездного (0,3%) уровней.

Высокопоставленные военные и чиновники, лично ответственные за особые задачи, вне рамок системы постоянных государственных органов, в течение обоих временных промежутков составляли примерно одинаковую и существенную долю (в 1737 г. – 7%, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 7,5%). Из них первое место в обоих случаях занимали высшие воинские начальники (от полковника и старше) – 4% против 4,8%, на втором месте при императрице Анне, в 1737 г. находились высшие флотские чины – 1,8%, а при правительнице Анне Леопольдовне на втором месте были штатские сановники – 2,6% (повышенная доля обусловлена деятельностью в первые месяцы регентства придворного рекетмейстера); в 1737 г. же на штатские чины приходилось лишь 0,9%. От придворных сановников при Анне Ивановне, в 1737 г. Сенат получал минимальный объем документов (0,3%), а при ее племяннице от высших придворных (и от высших флотских) чинов – не получал ничего.

Касательно других учреждений и институтов отметим, что в 1737 г., в период стабильного правления императрицы Анны, гвардейские полки редко обращались в Сенат (в среднем 0,1%, точнее – 0,5% в первый месяц и 0% в остальные три месяца), при Анне Леопольдовне их место было существеннее (обращения гвардейских канцелярий можно отметить в каждый из 4-х месяцев выборки, в среднем они составляли 0,6% от сенатских дел, а в декабре 1740 г. – даже 1,1%). Следовательно, в течение непрочного регентства правительницы гвардейцы, при участии которых недавно был свергнут Бирон, стали более четко осознавать свое влияние на судьбу трона. Большое место среди источников сенатских дел занимали обращения различных эмиссаров и нарочных, которые обычно являлись офицерами, направленными Сенатом на места для проведения следствий, сбора важных ведомостей или выполнения других особых поручений (в 1737 г. – 1,2%, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 1,7%). Доля челобитчиков как инициаторов сенатской повестки была, как правило, высокой и примерно одинаковой в обоих исследуемых периодах – около 16% (при правительнице несколько больше). В среднем на одном, незначительном уровне были обращения от Кадетского корпуса (по 0,1%).

**Адресаты сенатских распоряжений,
запросов, уведомлений в 1737 г.
и 1740–1741 гг.**

**Таблица 3. Адресаты сенатских распоряжений, запросов, уведомлений
в 1737 г. и 1740–1741 гг.**

Государственные органы и др. адресаты	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Сенатские подразделения, включая сенаторов (вместе)	35,7 %	31,7 %	30,4 %	23,2 %	37,1 %	39,1 %	28,6 %	24,5 %
Сенатская канцелярия	25,9 %	22,6 %	20,8 %	14,3 %	22,6 %	27,8 %	21,5 %	15,5 %
Герольд-мейстер	6,2 %	4,8 %	6 %	5,9 %	6,8 %	5,1 %	2,7 %	4 %
Доимочная комиссия при Сенате (1738 г. – декабрь 1741 г.)	–	–	–	–	2,9 %	1,3 %	1 %	0,5 %
Сенатская контора	1,1 %	3,5 %	2,9 %	2,7 %	3,1 %	3,6 %	2,1 %	3,5 %
Генерал-прокурор (с апреля 1740 г.) и его контора	–	–	–	–	0 %	0 %	0 %	0,2 %
Печатная контора	1,4 %	0,4 %	0,2 %	0,2 %	1,5 %	0,7 %	0,6 %	0,5 %
Сенаторы отдельные	0,6 %	0,4 %	0,3 %	0 %	0 %	0,3 %	0,3 %	0 %
Рекетмейстерская контора	0,2 %	0 %	0,2 %	0 %	–	–	–	–
Генерал-рекетмейстер (с апреля 1738 г.)	–	–	–	–	0,2 %	0,2 %	0,5 %	0,3 %
Раскольничья контора	0,2 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Высшие органы (вместе)	7,5 %	5,6 %	6,6 %	6,9 %	6,7 %	4,8 %	6,4 %	6,3 %
Кабинет министров	5,4 %	4,8 %	5,3 %	5,5 %	4,2 %	4,1 %	4,8 %	5,4 %
Императрица Анна Ивановна	1 %	0,2 %	1,1 %	0,8 %	–	–	–	–

Государственные органы и др. адресаты	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Синод	1,1 %	0,6 %	0,3 %	0,6 %	1,5 %	0,5 %	0,6 %	0,3 %
Император Иван Антонович	–	–	–	–	0,5 %	0,2 %	0,3 %	0,5 %
Правительница Анна Леопольдовна	–	–	–	–	0 %	0 %	0 %	0 %
Генералиссимус Антон Ульрих	–	–	–	–	0 %	0 %	0,6 %	0,2 %
«Первый министр» Б.Х.Миних (ноябрь 1740 – март 1741)	–	–	–	–	0,5 %	0 %	0 %	0 %
Центральные учреждения (вместе)	33,3 %	37,6 %	43,1 %	45,9 %	39,2 %	35,8 %	42,4 %	40,2 %
Военная коллегия и ее контора	7,4 %	7,1 %	6,5 %	6,1 %	5 %	5 %	7,3 %	7,4 %
Штатс-контора	3,7 %	4,8 %	5,6 %	8,4 %	4,6 %	7,3 %	8,1 %	5,5 %
Адмиралтейская коллегия и ее контора	4,8 %	2,7 %	2,3 %	4,6 %	1,5 %	2,2 %	1,7 %	1,2 %
Камер-коллегия и ее контора	2,9 %	2,9 %	2,6 %	3,6 %	2,1 %	1,5 %	3,3 %	5,5 %
Коммерц-коллегия	1,6 %	3,3 %	4,2 %	2,9 %	1,1 %	2,5 %	2,2 %	2,9 %
Коллегии, канцелярии, конторы (все или несколько)	1 %	1,5 %	3,6 %	3,8 %	7,3 %	2,2 %	1,6 %	1,4 %
Временные комиссии	1,6 %	2,3 %	1,8 %	1,9 %	2,9 %	1,8 %	2,1 %	0,5 %
Главная полицмейстерская канцелярия	0,8 %	1,7 %	2 %	1,9 %	1,8 %	2 %	2,7 %	3,1 %
Коллегия иностранных дел	0,2 %	1,2 %	2,7 %	1,9 %	1,6 %	0,7 %	0,6 %	1,4 %
Ямская канцелярия	1,6 %	1,5 %	1,5 %	1,3 %	1,1 %	1,5 %	2,1 %	3,8 %

Государственные органы и др. адресаты	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Вотчинная коллегия	0,8 %	0,8 %	1,4 %	2,1 %	1 %	2,3 %	1,9 %	1,1 %
Канцелярия конфискации	0,8 %	1 %	1,7 %	1,5 %	2,8 %	1,3 %	1,3 %	0,8 %
Юстиц-коллегия	1,3 %	0,8 %	0,8 %	1,1 %	0,5 %	0,2 %	1 %	0,2 %
Академия наук	0,6 %	1,5 %	0,8 %	0,6 %	0,5 %	0,3 %	0,5 %	0,5 %
Канцелярия от строений	0,3 %	0,6 %	0,8 %	1,5 %	0,8 %	0,2 %	1,1 %	0,8 %
Сибирский приказ	0,5 %	0,8 %	0,8 %	0,2 %	0,5 %	0,8 %	0 %	0,5 %
Канцелярия монетного правления	1,1 %	0,2 %	0,6 %	0 %	0,2 %	0 %	0,6 %	0,3 %
Ревизион-коллегия	0,2 %	0,2 %	0,5 %	1,1 %	1,1 %	0,5 %	1,1 %	0,9 %
Тайная канцелярия	1 %	0,4 %	0,5 %	0 %	0,2 %	0,3 %	0,2 %	0,3 %
Коллегия экономики	0,5 %	0,8 %	0,6 %	0 %	0,8 %	1,5 %	1 %	0,5 %
Комиссия о Санкт-Петербургском строении	0,2 %	0,2 %	0,6 %	0,2 %	0,2 %	0,3 %	0,8 %	0,2 %
Дворцовые учреждения (Дворцовая канцелярия, Придворная, Интендантских дел и Конюшенная конторы)	0,3 %	0,2 %	0,3 %	0,4 %	0,7 %	0,5 %	0,3 %	0,8 %
Юстиц-коллегия лифляндских и эстляндских дел (до 1739 г.)	0 %	0,2 %	0,2 %	0,4 %	–	–	–	–
Коллегия лифляндских и эстляндских дел (1739 г. – декабрь 1741 г.)	–	–	–	–	0,7 %	0,7 %	0,3 %	0 %
Медицинская канцелярия	0 %	0,4 %	0,3 %	0,2 %	0 %	0,2 %	0,3 %	0,2 %

Государственные органы и др. адресаты	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Генерал-берг-директориум	0,3 %	0 %	0 %	0,2 %	0,2 %	0 %	0,2 %	0,5 %
Камер-контора лифляндских и эстляндских дел (до 1739 г.)	0 %	0 %	0,5 %	0 %	—	—	—	—
Судный приказ	0 %	0 %	0,2 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Сыскайный приказ	0 %	0,2 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0,2 %
Соляная контора	0 %	0,2 %	0,2 %	0 %	0,2 %	0 %	0 %	0 %
Оружейная канцелярия	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0,2 %	0,2 %	0 %
Местные органы (вместе)	12 %	15,8 %	15,4 %	18,1 %	11,4 %	14,7 %	13,7 %	18,8 %
Губернские власти	6,9 %	10 %	8,3 %	10,1 %	8,1 %	10,9 %	11,8 %	12,9 %
Провинциальные учреждения	3,7 %	2,7 %	4,2 %	5,9 %	1,5 %	2 %	0,8 %	2,2 %
Уездный уровень	1,1 %	2,7 %	2,3 %	1,5 %	0,2 %	0,7 %	0,2 %	1,1 %
Местные руководители ниже уездного уровня	0,3 %	0,4 %	0,6 %	0,6 %	1,6 %	1,2 %	1 %	2,6 %
Высшие должностные лица (вместе)	7 %	5,8 %	2,1 %	3,6 %	1,5 %	2,6 %	5,1 %	7,5 %
Воинские начальники	3 %	2,9 %	1,2 %	2,9 %	0,7 %	2,2 %	4,3 %	4,9 %
Флотские начальники	1,9 %	2,5 %	0,8 %	0 %	0 %	0,2 %	0 %	0,3 %
Штатские сановники	1,8 %	0,4 %	0,2 %	0,6 %	0,8 %	0,3 %	0,8 %	2,3 %
Придворные сановники	0,3 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %	0 %
Другие учреждения и институты (вместе)	1,9 %	1,7 %	0,9 %	0,6 %	2,3 %	1,3 %	1,6 %	1,7 %

Государственные органы и др. адресаты	Январь 1737 г.	Апрель 1737 г.	Июль 1737 г.	Октябрь 1737 г.	Декабрь 1740 г.	Март 1741 г.	Июнь 1741 г.	Сентябрь 1741 г.
Гвардейские полки (командующие и канцелярии)	1 %	0,6%	0,3%	0 %	1,1%	0,2%	0,8%	0,2%
Эмиссары и нарочные	0,5%	0,8%	0,3%	0 %	0,8%	1%	0,8%	1,5%
Кадетский корпус	0,5%	0,2%	0,3%	0,6%	0,3%	0,2%	0%	0%
Челобитчики разного социального статуса	2,6%	1,9%	1,5%	1,7%	2%	1,7%	2,2%	1,1%

Источник: [13, ч.1, с. 5–68, 211–257, ч.2, с. 1–74, 193–235; 30, т.2, с. 214–349, т.3, с. 1–158, т.4, с. 1–124, 342–473]

Весомым адресатом сенатских постановлений и запросов и при Анне Ивановне, в 1737 г., и при Анне Леопольдовне (таблица 3) являлись различные сенатские подразделения (показатель их был примерно одинаковым – более 30%), из них наибольшая часть приходилась на сенатскую канцелярию (по обоим периодам – в среднем более 20% в месяц). Причем к концу каждого из временных интервалов (по 4-месячным выборкам) доля, приходившаяся на канцелярию, снижалась (до 14–15%). Значительный процент сенатских распоряжений был адресован герольдмейстеру (в 1737 г. – 5,7%, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 4,7%) и Сенатской конторе (2,6% и 3,1% соответственно, – на втором этапе несколько больше, т.к. Сенат, по-видимому, добивался от конторы соблюдения субординации в большей мере, чем это было в царствование Анны Ивановны, когда С.А.Салтыков был первым лицом в Москве, до 1739 г.). Близкие и невысокие значения имела Печатная контора как адресат сенатских исходящих (0,6% против 0,8%). В ситуации постоянных недоимок заметная доля во втором исследуемом периоде приходилась на Доимочную комиссию (1,4%). Редкими были запросы и уведомления, направленные присутствием к отдельным своим членам: в 1737 г. они составляли 0,4%, а в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 0,2%.

Значения по высшим органам получились также близкими по обоим рассматриваемым периодам (в правление регентши были несколько ниже): в 1737 г. – 6,7%, в период декабрь 1740 – ноябрь 1741 г. – 6,1%, причем в Кабинет бумаги направлялись в 5,3% и 4,6% случаев соответ-

ственно, а по Синоду данные одинаковы – 0,7%. Любопытно, что к самодержице Анне Ивановне Сенат отправлял всего лишь в два раза больше документов (в среднем 0,8%), чем к императору-младенцу Ивану VI (в среднем 0,4%). В другие высшие инстанции, добавившиеся в период декабрь 1740 – ноябрь 1741 г. отсылались следующие доли сенатских запросов и уведомлений: генералиссимусу Антон Ульриху в июне – сентябре 1741 г. – 0,6–0,2%, примерно столько же в декабре 1740 г. шло к «первому министру» Б.Х.Миниху (0,5%), напрямую правительнице Сенат не адресовал ничего. Таким образом, случаи перенаправления сенатских документов на усмотрение императрицы / императора или в Кабинет были редкими, Сенат, как правило, стремился решать дела собственной властью.

Центральные учреждения занимали среди сенатских адресатов основное место, их доля была относительно одинаковой и при императрице Анне Ивановне, в 1737 г. и при Анне Леопольдовне (около 40%). В обоих периодах приблизительно одни и те же центральные органы вошли в первую пятерку сенатских адресатов: в 1737 г.: 1) Военная коллегия (6,8%), 2) Штатс-контора (5,6%), 3) Адмиралтейская (3,6%), 4) Камер- и Коммерц-коллегии (по 3%) и 5) обобщенный адресат, касавшийся всех или нескольких коллегий, канцелярий и контор (2,5%); в декабре 1740 – ноябре 1741 г.: 1) Штатс-контора (6,4%), 2) Военная коллегия (6,2%), 3) обобщенный коллежский адресат и Камер-коллегия (на одном уровне – по 3,1%), 4) Полицейстерская канцелярия (2,4%) и 5) Коммерц-коллегия (2,2%). Следовательно, разница была лишь в одном учреждении: на первом этапе выделялось морское ведомство (при Анне Леопольдовне его доля была лишь 1,7%), а на втором – полицейское (при Анне Ивановне, в 1737 г. на него пришлось 1,6%). Причины такой ситуации пояснены выше. Два финансовых органа в обоих периодах по-своему уступали друг другу лидерство: Камер-коллегия как источник сенатских дел (обращавшая по поводу налоговых поступлений, по откупам и недоимкам, по находившемся в ее ведении питейным домам, по борьбе против корчемства, по рыбным промыслам, ремонту дорог и мостов и др.) опережала Штатс-контору; но как сенатский адресат Штатс-контора (в которую направлялись многочисленные предписания о выдачах денежных средств), напротив, оставляла позади Камер-коллегию.

Близкими оказались показатели обоих периодов по временным комиссиям (1,9% и 1,8%), Вотчинной коллегии (1,3% против 1,6%), канцелярий: Конфискации (1,3% и 1,6%), от Строений (0,8% против

0,7 %), Монетного правления (0,5 % и 0,4 %), Медицинской (по 0,2 %), Комиссии о Санкт-Петербургском строении (0,3 % против 0,4 %), приказов: Сибирского (0,6 % и 0,5 %), Сысного (по 0,1 %) и Соляной конторе (также по 0,1 %). Заметной была разница между двумя периодами в частоте адресации в следующие центральные госорганы: в Иностранную (в 1737 г. – 1,5 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 1,1 %), Юстиц- (1 % и 0,5 %), Ревизион-коллегии (0,5 % против 0,9 %) и Коллегию экономии (0,5 % и 1 %), канцелярии Ямскую (1,5 % против 2,1 %) и Тайную (0,5 % и 0,3 %), Академию наук (0,9 % и 0,5 %), Дворцовые учреждения (0,3 % против 0,6 %) и Генерал-берг-директориум (0,1 % и 0,2 %). Учитывая компетенцию этих учреждений-адресатов можно сделать следующие заключения о сходстве и разнице в приоритетах двух правительств. Для властей обоих периодов на первом плане стояли вопросы военные, финансовые, торговые, землевладельческие, конфискационные, строительные дела в Петербурге и Москве, а также вопросы реализации сибирских товаров. Вместе с тем если при императрице Анне, в 1737 г. более важной была тема флота, судебные тяжбы, политический сыск и, в определенном смысле, интересы Академии наук; то при ее племяннице несколько более существенными казались общий правопорядок и благоустройство, ревизии счетов учреждений, организации различных транспортных перевозок и дворцовые дела. Касательно последних необходимо отметить следующее. И. В. Курукин показал, что императорский двор при Анне Ивановне приобрел большее значение и стал интегрироваться во властные структуры, что получило продолжение при Елизавете Петровне [21, с. 228–229]. Согласно имеющимся у нас данным, указанная тенденция имела место и в регентство Анны Леопольдовны, когда вес двора в тематике сенатских дел и доля дворцовых учреждений среди сенатских адресатов были больше, чем в 1737 г. Хотя дворы Ивана VI и правительницы находились в стадии формирования, а общее количество придворных служителей уменьшилось, по сравнению с 1730-ми гг. [1, с. 114, 124]. Относительно Тайной канцелярии необходимо отметить, что на 1737 г. вообще пришелся пик ее деятельности при Анне Ивановне [23, с. 109–111], при Анне Леопольдовне, напротив, проводились амнистии, и Тайной канцелярии правительница приказала составить списки сосланных при покойной императрице [31, кн. 11, с. 46; 21, с. 302].

Процент местных органов власти среди адресатов сенатских постановлений, запросов и уведомлений находился примерно на одном уровне

не по обоим рассматриваемым периодам (около 15%). Среди местных органов и там, и там преобладали губернские структуры, но в период Анны Леопольдовны их доля несколько увеличилась: в 1737 г. – около 9%, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – почти 11%. Между тем в 1737 г. Сенат гораздо чаще направлял распоряжения и запросы провинциальным учреждениям через голову губернаторов (4,1% против 1,6%). Кроме того, на первом этапе, Сенат активнее, чем при правительнице, адресовал свои распоряжения на уездный уровень (около 2% против 0,6%). Следовательно, если не принимать во внимание таких адресатов как руководители ниже уездного уровня, можно сказать, что при Анне Леопольдовне вертикаль взаимодействия Сената и местных органов власти соблюдалась более четко. Однако крайний вариант ручного управления этими самыми нижними единицами госаппарата в 1737 г. был намного ниже, чем в декабре 1740 – ноябре 1741 г.: 0,5% против 1,6%, что несколько отклонялось от принципов субординации. Значительные доли местных институтов как адресатов сенатских распоряжений, по сравнению с долями их как источников сенатских дел, объясняются весьма развернутой системой центральных ведомств, которые направляли свои исходящие не только напрямую в местные органы, но и посредством Сената, тогда как сеть местных управленческих единиц в 1726 г. – начале 1760-х гг. была представлена только губернаторскими и воеводскими канцеляриями, перед которыми стояла непосильная задача «реагировать на каждую бумагу, приходившую из центральных учреждений» [26, с. 290–291, 341].

Высокопоставленные порученцы в целом занимали сопоставимые доли среди сенатских адресатов: в 1737 г. – 4,6%, при Анне Леопольдовне – 4,2%. Из них наибольший процент, как правило, приходился на высших воинских начальников: 2,5% против 3% соответственно. Доля придворных сановников была минимальна в оба рассматриваемых периода. Существенные отличия можно отметить по категориям флотских начальников, к которым относилась более заметная часть в 1737 г. (1,3%), по сравнению со вторым периодом (0,1%), и высших штатских должностных лиц. Доля последних при императрице Анне, в 1737 г. составила в среднем 0,8% (максимум в январе 1737 г. – 1,8%), при правительнице же они имели несколько больший вес – в среднем 1,1% (максимум – в сентябре 1741 г. (2,3%), когда активизировались сношения Сената с чиновниками, ответственными за передвижение, размещение и обеспечение турецкого и персидского послов и их свиты [30, т. 4, с. 347, 361, 394, 396–398, 433, 442, 456, 467]).

Процент постановлений и запросов, отправляемых из Сената в гвардейские полки, был приблизительно одинаковым в оба рассматриваемых периода (в среднем 0,5 % против 0,6 %). Большей была разница по такому адресату как эmissары и нарочные: 0,4 % в 1737 г. против 1 % в декабре 1740 – ноябре 1741 г. Меньшее внимание Сената при правительнице стал привлекать Кадетский корпус (в среднем 0,4 % против 0,1 %). После падения в начале марта 1741 г. его создателя фельдмаршала Б.Х.Миниха Сенат не посылал туда вообще никаких распоряжений.

Редкие прямые обращения Сената к челобитчикам (его ответы на прошения обычно осуществлялись через центральные учреждения) были в течение рассматриваемых периодов примерно на одном уровне (в 1737 г. – 1,9 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – 1,8 %).

Таким образом, данные об адресатах сенатских исходящих бумаг оказались ближе по двум исследуемым периодам, чем сведения о весе отдельных госорганов-источников в общей массе инициаторов сенатских дел. Причиной тому является то, что Сенат в большинстве случаев сам определял получателей собственных постановлений, запросов и уведомлений, учитывая конъюнктурную важность того или иного вопроса. Тогда как состав входящих документов мало от него зависел и определялся потребностями жизни страны на данном историческом этапе, мнением вышестоящих инстанций и проблемами, с которыми сталкивались подчиненные ему государственные структуры.

Вывод

В заключении сопоставим данные о соотношении разных элементов в структурных показателях деятельности Сената по изученным хронологическим срезам с результатами подсчетов Е.В.Анисимова по петровскому 1723 г.

В отношении тематики сенатских дел можно отметить, что в 1737 г. и в декабре 1740 г. – ноябре 1741 г. на более высоком уровне, чем в 1723 г., находились финансовые вопросы (особенно при правительнице). При этом заметно снизилась доля военных и кадровых дел, несколько уменьшился удельный вес торгово-промышленных и строительных вопросов, меньшим был процент вотчинно-поместных документов (особенно в 1737 г.). Подобные соотношения в делах высшего органа власти демонстрируют приоритеты политических курсов разных правительств.

Что касается пропорций госорганов – источников сенатских дел, то доля, приходящаяся на сенатские подразделения, при Анне Леопольдовне оказалась ниже даже, чем в петровском 1723 г. Доля сенатских учреждений (прежде всего сенатской канцелярии) как адресатов распоряжений и запросов присутствия была на одинаково высоком уровне во всех трех периодах, в 1723 г. она была меньше всего на 1–3 %.

Примечательно, что совокупный вес документов, поступавших в 1737 г. (в среднем 15,6%) или в декабре 1740 – ноябре 1741 г. (в среднем 18,8%) в Сенат из Кабинета + постановления, исходящие от императрицы Анны Ивановны или императора Ивана VI вместе с правительницей + именные указы, утвержденные правителем или Кабинетом, оказался выше, чем доля указов и повелений Петра I в 1723 г. (14,6%). Значит, в количественном плане Кабинет эффективно исполнял направляющие и контролирующие функции самодержца во властной системе при слабых правителях.

Доли центральных и местных учреждений как источников сенатских дел в два изучаемых временных среза были приблизительно на том же уровне, что и в 1723 г. Хотя их группы как адресатов сенатских распоряжений, запросов и уведомлений в два послепетровских этапа несколько изменились, по сравнению с 1723 г.: пропорция скорректировалась в пользу местных учреждений при сохранении полного преобладания центральных органов. Следовательно, архитектура взаимодействия Сената с другими учреждениями в 1737 и в декабре 1740 – ноябре 1741 г. была подобна его деятельности в один из последних годов петровского правления.

Во всех трех периодах из центральных органов на первых ролях и как госорганы-источники, и как адресаты сенатских исходящих документов были военное ведомство и финансовые учреждения.

Объем челобитных, поступавших на рассмотрение Сената, при Анне Ивановне, в 1737 г. и при ее милосердной племяннице оказался несущественно выше того показателя, который был характерен для 1723 г., когда первый император жестко требовал соблюдения законов о порядке подачи челобитных.

В течение изученных временных срезов процент таких источников сенатских дел как особые порученцы уменьшился по сравнению с 1723 г. почти в 2 раза – иными словами произошло уменьшение необходимости во внеинституциональных комиссиях, что можно оценить положительно, как признак более продуктивной работы регулярных государственных учреждений. Разумеется, это не являлось заслугой императрицы или

правительницы, но при жизни Петра I созданная им система управления была незавершенной, не вполне оформилась на практике. Между тем многочисленные частные, временами противоречивые, с попятными движениями, однако в целом оправданные реорганизационные мероприятия, направленные на доработку государственного аппарата, принятые разными правительствами в послепетровские годы (с 1725 по 1737/1741 гг.) в длительной перспективе, очевидно, способствовали адаптации, совершенствованию созданной первым императором административной организации.

Значения по высшим учреждениям среди сенатских адресатов были близкими, причем общий процент бумаг, идущих на высочайшее имя и в Кабинет (в 1737 г. – в среднем 6,1 %, в декабре 1740 – ноябре 1741 г. – в среднем 5%), стал меньше той доли, которую направлял Сенат в 1723 г. императору (7,6%). Это доказывает высокую дееспособность и полноту Сената как высшего учреждения, несмотря на наличие руководящего по отношению к нему императорского совета, ориентированного, прежде всего, на дела, подлежащие вниманию правителя.

Библиографический список

1. Агеева О.Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М.: Наука, 2008. 380 с.
2. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2002. 362 с.
3. Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 332 с.
4. Анпилов Г.Н. Сенат при Петре I // Исторический журнал. 1941. №4. С.40–49.
5. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны / Под ред. А.Н.Филиппова. Т.7 // Сборник императорского русского исторического общества. Т.120. Юрьев: Тип. К.Маттисена, 1905. 536 с.
6. Вицын А. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания общего учреждения министерств. Казань: И.В.Дубровин, 1855. 299 с.
7. Внутренний быт Русского государства с 17 октября 1740 г. по 25 ноября 1741 г. по документам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 2. М.: Тип. Л.Ф.Снегирева, 1886. 432 с.
8. Глотова С.А. Развитие распорядительной документации в XVIII в. // Делопроизводство. 2009. №1. С.83–87.
9. Глотова С.А. Роль журналов и протоколов в процессе реализации коллегиальной распорядительной деятельности в XVIII в. // Делопроизводство. 2011. №3. С.104–108.
10. Градовский А.Д. Высшая администрация XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб.: тип. И.Бочкарева, 1866. XVI, 287 с.

11. Грибовский В.М. Высший суд и надзор в России в первую половину царствования императрицы Екатерины Второй. СПб.: тип. СПб. т-ва «Труд», 1901. VI, 345 с.
12. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1983.
13. Журналы Правительствующего Сената за 1737 г.: в 2 ч. / Под ред. А.Н.Филиппова. Ч.1 (январь – июнь 1737 г.). 451 с.; Ч.2 (июль – декабрь 1737 г.). 381 с. М.: печ. А.И.Снегирева, 1910–1911.
14. Иконников В.С. Сенат в царствование Екатерины II // Русский архив. 1888. Т.1. С.17–42.
15. История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911 гг.: в 5 т. Т.1–2. СПб.: Сенат. тип., 1911.
16. Калининченко А.В. Сенат в системе судебной власти Российской империи: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 230 с.
17. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. 575 с.
18. Кокрен У. Методы выборочного исследования. М.: Статистика, 1976. 440 с.
19. Комиссаренко А.И. Русский абсолютизм и духовенство в XVIII в.: Очерки истории секуляризационной реформы 1764 г. М.: Изд-во Всесоюз. заоч. политехн. ин-та, 1990. 202 с.
20. Курукин И.В. Анна Иоанновна. М.: Мол. гвардия, 2014. 427 с.
21. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762. Рязань: [б. и.], 2003. 570 с.
22. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.). Изд. 2-е. СПб.: Тип. Монтвида, 1909. X, 644 с.
23. Переладов К.Г. Секретные политические узники в имперской России XVIII столетия // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв.: развитие традиции. Новосибирск, 2004. С.108–124.
24. Петровский С.А. О Сенате в царствование Петра Великого. М.: Унив. тип., 1875. VIII, 349 с.
25. Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота 1730–1735 г. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
26. Писарькова Л.Ф. Государственное управление с конца XVII до конца XVIII века: Эволюция бюрократической системы. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2007. 743 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг.: в 45 т. / Под ред. М.М.Сперанского. Т.5, 8, 10, 11. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830.
28. Померанцев М.С. Генерал-рекетмейстер и его контора в царствование Петра Великого // Русский архив. 1916. №1–3. С.278–325.
29. Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 213 с.

30. Сенатский архив: в 15 т. Т.2: Журналы и определения Правительствующего Сената. 647 с.; Т.3: Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. 621 с.; Т.4: Журналы и определения Правительствующего Сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. 715 с.; Т.5. Журналы и определения Правительствующего Сената 2 октября – 23 ноября 1741 г. Журнал и протокольная записка Собрания министров и генералитета 25 ноября – 12 декабря 1741 г. Журналы Правительствующего Сената 16 декабря 1741 г. – 15 декабря 1743 г. 681 с. СПб.: Сенат. тип., 1889–1892.
31. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 15 кн. Кн.10. Т.19–20. 781 с., Кн. 11. Т.21–22. 648 с. М.: Соцэкгиз, 1963.
32. Стешенко Л.А. Государственный строй России в первой четверти XVIII в.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1967. 24 с.
33. Филиппов А.Н. Введение // Журналы Правительствующего Сената за 1737 г. Ч.1. М., 1910. С.1–4.
34. Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного Тайного Совета и Кабинета. Ч.1. Юрьев: тип. К.Маттисена, 1895. XII, 486 с.
35. Чуриков А.В. Основы построения выборки для социологических исследований. М.: Физматкнига, 2020. 240 с.
36. Щеглов В.Г. Государственный совет в России в особенности в царствование Александра I. Т.1. Ярославль: типо-лит. М.Х.Фальк, 1891. LIX, 980, VIII, III, VIII с.

Вечная тревога, труд, борьба, лишения – это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек.

Л. Н. Толстой

На вулкане жить, несомненно,
спокойнее...

М. Устрялов

Кирилл Шапошников

**СОБЫТИЯ РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА
ГЛАЗАМИ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО
ИНТЕЛЛИГЕНТА**

**ПО ДНЕВНИКОВЫМ ЗАПИСЯМ
МИХАИЛА УСТРЯЛОВА**

АКТУАЛЬНЫМ АРХИВ

УДК

94(470.318)+94(47)“1914/1918”+94(47+57)“1941/1945”

В статье представлен обзор дневниковых записей калужского врача Михаила Васильевича Устрялова (1892–1944), младшего брата известного философа и одного из идеологов сменовеховства Николая Васильевича Устрялова (1890–1937), охватывающих периоды первой российской революции 1905–1907 гг., Первой мировой войны и революционных событий 1917–1918 гг., Великой Отечественной войны (с ноября 1941 г. по август 1943 г.). Записи, сделанные в Калуге, Москве и на Юго-Западном фронте отражают восприятие автором основных политических событий, повседневную жизнь провинциального города, обстановку на фронте в 1917 г. Особый интерес представляют записи, сделанные в Калуге в период немецко-фашистской оккупации в 1941 г. и в первые месяцы после освобождения города.

This article presents a review of the diary entries of Kaluga physician Mikhail Vasilyevich Ustryalov (1892–1944), the younger brother of the renowned philosopher and one of the ideologists of the «Smena Vekh» movement Nikolai Vasilyevich Ustryalov (1890–1937). The entries cover the periods of the First Russian Revolution of 1905–1907, the First World War and the revolutionary events of 1917–1918, and the Great Patriotic War (from November 1941 to August 1943). The entries, made in Kaluga, Moscow, and on the Southwestern Front, reflect the author's perception of major political events, everyday life in a provincial town, and the situation at the front in 1917. Of particular interest are the entries made in Kaluga during the Nazi occupation in 1941 and in the first months after the city's liberation.

Ключевые слова: дневниковые записи, повседневная жизнь, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война, Юго-Западный фронт, Московский университет, Великая Отечественная война, оккупационный режим, Михаил Васильевич Устрялов.

Key words: diary entries, everyday life, revolution of 1905–1907, First World War, Southwestern Front, Moscow University, Great Patriotic War, occupation regime, Mikhail Vasilyevich Ustryalov.

E-mail: shap@shpl.ru

Автор дневниковых записей – калужский врач-психиатр Михаил Васильевич Устрялов (1892–1944) находится как бы в тени своего известного старшего брата – политического деятеля, философа и идеолога «сменовеховства» Николая Васильевича Устрялова (1890–1937)¹. Братья Николай и Михаил Устряловы были двоюродными братьями моей бабушки, Екатерины Григорьевны Шапошниковой (урожд. Разумовской, 1896–1983) и внучатыми племянниками известного историка XIX в. Николая Герасимовича Устрялова (1805–1870). Михаил Устрялов, несомненно, обладал аналитическим складом ума (он прекрасно играл в шахматы) и литературным талантом. Ведение дневников было семейной традицией – дневниковые записи вела его бабушка – Елизавета Митрофановна Устрялова (урожд. Кожевникова, 1825–1888) [30], тетя – Мария Ивановна Устрялова (в замужестве Разумовская, 1859–1918) [28] и старший брат Николай [23, 24]. Михаил начал вести дневниковые записи еще в гимназические годы и продолжал практически до конца жизни. Сохранившиеся дневниковые записи М.В. Устрялова представляют картины жизни в дореволюционной Москве и провинциальной Калуге, быт и развлечения московского студенчества, обстановку на Юго-Западном фронте в 1917 году – реакцию на фронте на известия о Февральской революции и отречении Николая II, провал июньского наступления 1917 г., развал фронта. Особую ценность представляют записи, сделанные с ноября 1941 г. по август 1943 г., описывающие жизнь в оккупированной Калуге и в первые месяцы после освобождения города советскими войсками, жизнь в прифронтовой полосе в 1942–1943 гг. Настоящая статья представляет краткий обзор мемуарного наследия М.В. Устрялова.

Калужские Устряловы

Николай и Михаил Устряловы были потомственными дворянами, однако их семья имела купеческие и крестьянские корни. Отец братьев Василий Иванович Устрялов (1859–1912) был выпускником медицинского факультета Киевского университета. Дед – родоначальник калужских Устряловых, начальник отделения Канцелярии Военного министерства, статский советник Иван Герасимович Устрялов (1818–1861) – происходил из крепостных крестьян Орловской губернии. Прадед – крепостной крестьянин князей Куракиных Герасим Трифонович

¹ О Н.В. Устрялове см. подробнее [18].

Устрялов (1766–1830) – был приказчиком (управляющим) в имении Богородское в Малоархангельском уезде. После получения вольной в 1827 г. он поселился с семьей в Орле и записался в купеческое сословие. После смерти главы семейства в 1830 г. его вдова – Варвара Родионовна вместе с младшими детьми переехала в Санкт-Петербург, где уже жили ее старшие сыновья – Николай Герасимович Устрялов (1805–1870), ставший впоследствии известным историком, и Федор Герасимович Устрялов (1808–1871), получивший известность как военный юрист, член Военного совета. Иван Герасимович учился в 3-й Санкт-Петербургской гимназии, окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и поступил на службу в Военное министерство. В 1855 г. его университетский друг – калужанин Александр Митрофанович Кожевников (1818–1894) познакомил его со своей младшей сестрой – Елизаветой Митрофановной (1825–1888), отвергшей к тому времени предложения 26 женихов (так она сама записала в своей «Памятной книжке»). Кожевниковы принадлежали к старинному калужскому купеческому роду, проживали в собственной усадьбе на Садовой улице (ныне ул. Кирова, д. 40). Глава семейства – Митрофан Тихонович Кожевников (1770–1840) был купцом 1-й гильдии, как и его отец, вел оптовую торговлю салом и пенькой. 30 января 1851 г. Е.М.Кожевникова записала: «Мне гадали на картах, что через 4 или 5 месяцев будут 2 жениха. Один будет иметь свой дом, но надо остерегаться: он пьет и сопьется; после него будет другой человек, живущий своими трудами. Скорее, надо полагать, лекарь: за него выйду. Записано для памяти»². Однако предсказание сбылось только через 4 года – в результате сватовства И.Г.Устрялова. После венчания в Мироносицкой церкви 4 сентября 1855 г. молодая пара уехала в Петербург. В северной столице у четы Устряловых родилось 5 детей – Александр (род. 13 июня 1856 г., умер 5 июля 1856 г.), Андрей (род. 19 июня 1857 г.), Анна (род. 7 июня 1858 г.), близнецы Василий и Мария (род. 25 декабря 1859 г.). Семейное счастье продолжалось недолго – 4 мая 1861 г. И.Г.Устрялов умер от чахотки. Незадолго до смерти он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, что давало право на получение потомственного дворянства, которым он и успел воспользоваться (позднее, в 1879 г., Е.М.Устрялова и ее дети были причислены к дворянству Калужской губернии и внесены в 3-ю часть дворянской родословной книги). Оставшись вдовой с 4 малолетними детьми, Елизавета Митрофановна возвращается в родную Калугу, где вскоре приобретает дом на Гор-

² Семейный архив.

шечной улице (современный адрес – ул. Первомайская, д. 39) и целиком посвящает себя воспитанию детей, в чем ей помогают братья-купцы [33, 34, 38].

Василий Иванович Устрялов познакомился со своей будущей женой Юлией Петровной Ерохиной (1862–1939) в 1878 г. на вечере у Кожевниковых. Отец Юлии Петровны Петр Козьмич Ерохин (1817–1881) был купцом 1-й гильдии, гласным Калужской городской думы. После поступления Василия Устрялова в Киевский университет у молодых людей завязалась переписка, вызванная взаимной симпатией. В июне – августе 1883 г. студент-медик направил своей возлюбленной в Калугу серию писем. «Исповедь» (как назвал ее автор) представляет собой философский трактат, изложенный в письмах, из которых Юлия Ерохина могла узнать его взгляд на любовь, а также то, как он ее любит, условия, необходимые, по его мнению, для взаимного счастья [29]. В 1885 г., после получения диплома лекаря, Василий Устрялов вернулся в Калугу и сделал предложение Юлии Петровне. Их венчание состоялось в церкви Рождества Богородицы на Калужке 22 августа 1885 г. После свадьбы молодые уехали в Петербург, где Василий Иванович начинает врачебную практику, а в 1895 г. поступает на службу в аппарат Контроля Николаевской железной дороги (занимался санитарным надзором) [35. С. 147–148].

**«Увы! Как скучен этот город,
с его туманом и водой...»**

Михаил, как и его старший брат Николай, родился в Санкт-Петербурге. Об этом сообщает выписка из метрической книги Знаменской

Входоиерусалимской церкви Санкт-Петербурга, в которой имеется запись «о рождении 30 декабря 1892 г. и крещении 6 января 1893 г. у потомственного дворянина Василия Иоаннова Устрялова и законной жены его Юлии Петровой, православных и первобрачных, сына Михаила. Восприемники при крещении: калужский купеческий сын Алексей Петров Ерохин и вдова калужского купца Анна Матвеева Ерохина» [1. Л. 5].

Детство братьев Николая и Михаила Устряловых проходило в Петербурге, при этом летние месяцы братья проводили в Калуге в доме на Горшечной улице, доставшемся отцу по наследству от его матери – Е. М. Устряловой.

Из воспоминаний Николая Устрялова: «Петербург. Как не любили мы его детьми! Бывало, нет большей радости, чем отъезд весной в Калу-

гу. И, напротив, нет большего огорчения, чем отъезд осенью из Калуги в Петербург» [23. С. 19].

В книге воспоминаний «Былое» (опубликована в 2000 г. С.П. Рыбаковым) Н.В. Устрялов дал зарисовки жизни братьев в Петербурге – детская в полутемной квартире на первом этаже дома на Пушкинской улице, чинные прогулки с гувернанткой в соседний Пушкинский сад, магазины на Невском проспекте, прогулки на пароходике по Фонтанке, посещения театров, поездки в Кронштадт, круг общения родителей, в который входил художник А.А. Ростиславов (1860–1920).

Николай Устрялов приводит отрывок из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Примите дивное посланье...», неизменно цитированный матерью – Юлией Петровной, не любившей северную столицу:

«Увы! Как скучен этот город,
С его туманом и водой.
Куда не взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой» [23. С. 19].

«Наша милая Горшечная...»

В 1900 г. В.И. Устрялов увольняется со службы, семья переезжает в Калугу и поселяется в доме на Горшечной улице. Глава семейства становится частнопрактикующим калужским врачом. Братья Николай и Михаил Устряловы, будучи по рождению петербуржцами, считали Калугу родным городом.

Вот как вспоминал Калугу периода детства и юности Н.В. Устрялов в дневниковой записи от 17 октября 1935 г.: «Калуга, Калуга! Как часто в долгие годы харбинского далека снилась она и наяву и во сне! Как ясно рисовались сердцу ее улицы и переулочки, ее бульвар с видом на заречное шоссе, Ромоданово, а направо – по-прежнему и неизменно – синеющий кусочек бора... Наша милая Горшечная, и сто, тысячу раз милый дом наш – на изгибе, в золоте вечернего солнца, и утром, и днем, всегда, всегда» [24. С. 21].

За домом Устряловых находился обширный сад – яблони, груши, сливы, вишни, крыжовник, рябина (горькая и привитая), белая и красная сирень, жасмин, шиповник. В саду росли белая акация, привезенная В.И. Устряловым из Киева еще в студенческие времена, вязы, каштан, липа. На клумбах – флоксы, настурции, маргаритки. В конце сада – калитка в овраг, здесь же находились баня и беседка, в которой летом жила гувернантка-француженка мадемуазель Бело.

В штат прислуги входили дворник и кучер Андрей, кухарка Поля, няня Параша, вырастившая Николая и Михаила Устряловых. Двор усадьбы охраняли собаки – цепной Кабан, Арапка и Бобик. В доме жил метис мопса Мурик. Кроме того, в усадьбе на Горшечной жили кошки, петухи и куры.

Помимо занятий медицинской практикой, Василий Иванович Устрялов вел в Калуге активную общественную деятельность – был гласным Городской думы, попечителем приходского училища, входил в состав различных комиссий (санитарной, по заведыванию городской общественной библиотекой, по народному образованию, о пользах и нуждах общественных и др.). Устряловы были постоянными прихожанами Николо-Слободской церкви, в храме у них было постоянное место – «на левом клиросе, против Распятия. На Распятии новая шелковая риза, любовно и благоговейно вышитая мамой» (из воспоминаний Н.В. Устрялова) [23. С.26]. Устряловы особо поклонялись иконам Калужской Божьей Матери и Николая Чудотворца, участвовали в крестных ходах. В доме на Горшечной в детской висел большой портрет протоиерея Иоанна Кронштадтского, которого почитали в семье.

Василий Иванович Устрялов был председателем родительского комитета гимназии, а в 1906–1912 гг. – старостой гимназической домово́й церкви Св.Николая. Кроме того, отец много занимался с детьми, совершал с ними пешие прогулки, пересказывал увлекательные истории исследователей Африки Г.Стэнли и Д.Ливингстона о путешествиях в тропические страны, о встречах с дикими животными и дикарями. В доме была большая библиотека, семья Устряловых выписывала много газет и журналов. В.И. Устрялов любил сажать цветы, заниматься садоводством и огородничеством, был подписчиком журнала «Прогрессивное садоводство». В сферу его любительских интересов входила также энтомология – это увлечение он передал сыновьям.

Михаил Устрялов – гимназист

Осенью 1900 г. Михаил поступает в Калужскую Николаевскую гимназию. Сохранились дневниковые записи гимназиста Михаила

Устрялова за 1905–1907 годы (в 14 тетрадях). Небольшие выдержки из дневников были опубликованы И.Н.Берговской в 2011 г. в сборнике материалов 8-й городской краеведческой конференции «Калуга в шести веках» [5]. Полностью дневники до настоящего времени не опубликованы. Автор дневниковых записей, 12–14-летний гимна-

зист, сообщает о событиях в гимназии, о жизни семьи, семейных занятиях, об образе жизни провинциальной интеллигенции. Особый интерес представляет отражение событий первой российской революции в Калуге, реакции общества на события в Петербурге, Манифест 17 октября, созыв 1-й Государственной думы. В дневнике нашли отражение черносотенные погромы в Калуге в 1905 г., известие о покушении на П. А. Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге 12 августа 1906 г.

Приведу отрывки из некоторых дневниковых записей гимназиста Михаила Устрялова, опубликованных И. Н. Берговской:

«2 ноября [1905 г.]. Среда. За это время (21–2) и у нас в Калуге были разгромы. 22 октября (суббота) вечером до нас донеслась весть, что разгромлен магазин П. Я. Лобова, протоиерея церкви Иоанна Предтечи. Дядя Алеша, бывший у нас, отправился смотреть, что такое произошло. Вечером он опять пришел к нам и рассказал о разгроме. В магазине все окна выбиты, выломана дверь, весь товар растаскан и разорван. Пострадал Лобов из-за студента Комарова, который воскликнул: "Да здравствует свобода! Долой самодержавие!". Народ бросился за ним, и он спрятался в магазине Лобова, который запер магазин. Тут и начался разгром. Толпа, кроме того, избивала несколько студентов, говорят, один умер...

23 воскресенье. Утром к нам приехал дядя Митя с детьми. Дядя Митя рассказывает, что хотят разгромить магазин В. Капырина (на Новом Торгу). В 1 час папа и дядя Митя отправились в Думу, где спросили по телефону (с Водопроводной башни), что там творится. Отвечают: чернь громит магазины Капырина; войска бездействуют. Через несколько дней мы узнали, что 23 октября разгромлены магазины Капырина, Комарова, дом Агурова, а вечером разгромлена и подожжена лавка Доманова, где находились студенты, стрелявшие из дома в толпу. Один из них – Д. Радимов, бывший ученик нашей гимназии, убит чернью. В гимназии до сих пор еще нет занятий, несмотря на то что предполагалось начать учение 1-го ноября» [5. С. 128–129].

14 мая [1906 г.]. Воскресенье. Ходят слухи, что сегодня, в день коронации, будет дана амнистия политическим заключенным. Ввиду этого черносотенцы собираются будто бы устроить побоище, "громить". По городу расклеены объявления губернатора, в которых сказано, чтобы жители не придавали значения слухам о готовящихся будто бы беспорядках, и что всякая попытка произвести погром и т. п. будет подавлена, в случае надобности, даже вооруженною силою. Утро проходит

совершенно спокойно, но папа, ездивший к больным, говорит, что по городу ходит много «громил», готовых при удобном случае произвести побоище. 11-го также ждали беспорядков в роще, где было устроено гулянье, но день прошел совершенно спокойно. Говорят, однако, что много черносотенцев сидело в роще в кустах и что если бы раздалось пение революционных песен, то они бросились бы бить поющих» [5. С. 129].

«14 августа [1906 г.]. Понедельник. В московских газетах вчера помещено сообщение о покушении на жизнь премьер-министра Столыпина на даче последнего. Это было приблизительно в 3 ½ часа дня. Определить точно, каким образом произошел взрыв, нельзя, так как все, находившиеся в той комнате, где произошел взрыв, погибли. <...> У 15-летней дочери Столыпина ампутированы обе ноги, поврежденные взрывом бомбы. Ужас, что такое! Что это за люди, которые, желая убить одного, убивают и искалечивают до 60 человек невинных! 15-летняя девочка искалечена! Чем же она-то виновата! Знали же эти убийцы, что, если разорвется бомба, погибнет масса невинных. Как назвать этих людей, что убивают десятки невинных людей?!» [5. С. 128]³.

Вместе со старшим братом Михаил Устрялов читает газеты «Русское слово», «Русский листок», «Путь», «Современник», «Волга», «Голос», «Светоч», «Дума», «Речь», журналы «Правовая жизнь» и «Былое», специально выписывает журналы «Родина» и «Вокруг света» [5. С. 131–132].

Студент Императорского Московского университета. Смерть отца

В 1911 г. Михаил Устрялов закончил Калужскую Николаевскую гимназию с золотой медалью (в аттестате — все отличные оценки) и пошел

по стопам отца — поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета. В Центральном государственном архиве г. Москвы имеется его личное студенческое дело [1].

К прошению на имя ректора университета от 4 июля 1911 г. приложены документы: оригинал аттестата зрелости, метрическое свидетельство, свидетельства о причислении к дворянскому званию и приписке к воинскому участку, квитанция об уплате 25 рублей за 1-й семестр. Михаил Устрялов был зачислен на медицинский факультет и в сентябре 1911 г.

³Газеты сообщали о необходимости ампутации ног у дочери П. А. Столыпина Натальи, однако благодаря усилиям врачей ноги удалось спасти. См. [10].

приступил к занятиям. В архивном фонде Московского университета сохранилась также его лекционная книжка [2], из которой мы узнаем, что студент-медик Устрялов учился весьма неровно – соседствуют как отличные, так и удовлетворительные оценки.

В 1912 г. состояние здоровья В.И. Устрялова, страдавшего болезненной полнотой, резко ухудшилось, и 25 сентября 1912 г. он скончался от воспаления почек, что стало ужасным ударом для его родных.

Из письма М.В. Устрялова к сестре его товарища от 25 декабря 1912 г.:

«Живу в Калуге с 18 дек. Первые дни после приезда было очень тяжело в новой атмосфере нашего дома, где все еще напоминает о его бывшем хозяине; но в то же время многое изменилось... Как пусто... Стоят как прежде, цветы, аквариумы. На письменном столе нераспечатанные № № медицинского журнала и "Прогрессивного садоводства". "Открыта подписка на 1913 год". Нет, больше не будут получаться эти журналы, некому их читать. Рекламы разных медицинских средств, открытки для бесплатной выписки их. Продолжают высылаться все, как прежде. Все, как прежде... Только странная воцарилась тишина. Странная тишина, жуткая. Вот стоит портрет, а человека нет. Как нет? Ведь здесь же, только не в доме, но в некотором расстоянии сейчас же за городом, в земле. Лежит. Почти так, как лежал он часто в последнее время. Только не говорит, не стонет. <...> Что происходило в его душе за последнюю болезнь? Можно сказать, что произошло что-то значительное. Смерть не наступала долго. Он принял ее спокойно, тихо. Улыбнулся; может быть, увидел что-то радостное... Вечная тайна...»⁴

К периоду обучения в университете относятся сохранившиеся дневниковые записи Михаила Устрялова (периода 1913–1918 гг.), опубликованные И. Н. Берговской в седьмом выпуске «Калужского сборника», посвященного Н.В. Устрялову [9]. Из дневников мы узнаем о студенческих занятиях, сдаче зачетов и экзаменов, деятельности калужского студенческого землячества в Москве, реакции студентов на политические события, развлечения студентов в Москве, впечатления о театральных постановках. Описаны поездки в Калугу, события калужской жизни в каникулярное время, сеанс одновременной игры в шахматы в железнодорожном клубе в Калуге, заседания клуба эсперантистов в Москве, поездки в Новый Иерусалим, Ялту, прогулки на Воробьевых горах и в Петровском парке в Москве, посещения сада «Эрмитаж» и др.

⁴ Семейный архив.

На Юго-Западном фронте

Из дневниковой записи Михаила Устрялова от 4 мая 1915 г.: «Студенты-медики 4-го курса произведены первого мая в заурядные врачи

и на днях должно последовать распределение нас по фронтам. <...> Я думаю попроситься на галицийский фронт. Посмотрю чужую землю. <...> Мама боится за меня. <...> Я понимаю ее, но считаю, что стыдно в настоящий момент заботиться о наибольшей безопасности для себя, когда столько народа гибнет на войне. И в нашу интереснейшую эпоху, имея возможность видеть собственными глазами великую войну, сидеть внутри Империи было бы стыдно и скучно. И потому, хотя мне неприятно огорчать маму, но заботиться об оставлении меня внутри Империи я не стану» [9. С.300].

Михаил Устрялов служил младшим врачом в 207 пехотном Новобаязетском полку, в лазарете 21-й пехотной дивизии, в 648 пехотном полку на Юго-Западном фронте. В дневнике за 1917 г. он описывает реакцию на фронте на известия о Февральской революции и отречении Николая II, провал июньского наступления 1917 г., развал фронта.

Из записи за 3 марта 1917 г.: «...услышал подтверждение вчерашнего сенсационного слуха. Добавляют об аресте государыни Александры Федоровны (даже о полном ее устранении), об отречении Государя в пользу Михаила Александровича...»

4 марта: «Слухи растут и крепнут. Это уже не слухи» [9. С.306].

5 марта: «В 5 часов дня наш полк был собран для выслушивания Высочайшего манифеста об отречении от престола. Оглашен также Манифест Михаила Александровича о созыве Учредительного собрания для установления нового образа правления и приказ Брусилова. Всеобщее ликование! Отношение солдат, по-видимому, безразличное...» [9. С.307].

6 марта: «События в Петрограде были, по-видимому, более кровавыми, чем мы предполагали. В газете сообщено о смерти Штюрмера по дороге в крепость. Приведен список арестованных сановников, помещены многочисленные речи Родзянко, Милюкова, Керенского, а также манифест об отречении Государя. Ход событий изложен довольно кратко» [9. С.307–308].

12 марта: «Вчера получен приказ по корпусу об отмене ряда ограничений для солдат, отмене титулования офицеров благородием, превосходительством и проч. Отношение офицеров к новому распоряжению сдержанное. Дорогой читал газету от 9 [марта]: Государь доставлен в Царское Село и содержится под стражей» [9. С.308].

21 апреля: «В 2 часа дня состоялся полковой митинг. Были ораторы, призывавшие к немедленному окончанию войны. Однако, большинство, по-видимому, на стороне более разумных элементов. Речь подполковника Сычева встречена весьма сочувственно, ему кричали ура и качали его даже. Над местом митинга развевался большой красный флаг с надписью «свободной армии от свободной России». Флаг этот привезли с собой солдаты пополнения из Воронежа» [9. С.313].

1 мая: «...Слышатся только одиночные редкие выстрелы. Братание кончилось: теперь ни немцам, ни нам нельзя показаться из-за окопов. Наши окопы 1-й линии довольно благоустроены» [9. С.315].

19 мая: «13-го мая военный министр Керенский прибыл на собрание депутатов нашего корпуса. Делался доклад о фронтовом съезде в Петрограде, постановившем энергично продолжать войну. Выступавшие солдаты большей частью резко возражали, требуя мира. Пламенная речь Керенского сразу совершенно изменила настроение: созданся огромный подъем и единодушно решено наступать, если этого требуют обстоятельства. Те, кто только что говорил против войны, стали призывать к наступлению» [9. С.317].

20 мая: «Общее собрание офицеров полка для обмена мнений по текущим жгучим вопросам. Сознана необходимость большего общения с солдатами и морального воздействия на них, хотя задача представляется весьма трудной, а некоторыми считается даже совсем безнадежной. Думается мне, что многое зависит от личных качеств офицера, и задача была бы более легкой, если бы выше стоял духовный уровень руководителей» [9. С.317].

22 мая: «Возвратившиеся из Петрограда делегаты с фронтового съезда делали доклад о нем в полковом Комитете. Говорил, главным образом, подполковник Закусило; он призывал к наступлению. В нашем полку настроение солдат довольно хорошее. Если бы везде было так, можно было бы бодро смотреть на будущее» [9. С.318].

25 мая: «В околоток 645 полка доставлен раненый солдат 7 роты, утверждающий, что немецкая пуля оторвала ему палец. Между тем, рана имеет вид рубленой. Позднее доставлен отрубленный палец и найден топор, послуживший орудием ранения» [9. С.318].

31 мая: «Приехали в нашу дивизию представители Петроградского Совета рабочих депутатов. Мы видели их в Шумлянах, наблюдающих в бинокль за немецкими разрывами. Вид у них неказистый, одеты в обычные рабочие куртки или в пиджаки поверх русских рубашек» [9. С.320].

9 июня: «646 полк должен был ночью сменить на позиции 647 полк; однако полковой комитет постановил остаться на месте, и смена не состоялась. Такое возмутительное самоуправство сулит самые неприятные возможности в будущем. Как же можно вести наступление, если в разгар боя какой-либо полк откажется идти на поддержку?» [9. С. 321].

10 июня: «646-му полку прочитан приказ Керенского о том, что неподчиняющиеся боевому приказу части подлежат расформированию, а подстрекатели к неповиновению отдаются под суд; после этого солдаты решили исполнить приказание, и сегодня ночью будет произведена смена 647 полка» [9. С. 321].

17 июня: «Сегодня – исторический день; может быть, решается судьба России; от исхода нынешнего боя зависит исход войны. Сведущие лица говорят, что на Юго-Западном фронте одновременно должен быть нанесен удар в 8 местах. Сейчас идет сильный артиллерийский бой под Бржезанами, начавшийся рано утром. Говорили, что под Галичем тоже должна быть ударная группа, но оттуда стрельбы не слышно. Канонада от Бржезан слышалась весь день до 6 часов вечера, потом стихла» [9. С. 323–324].

18 июня: «Атака – сегодня в 10 часов утра. Сейчас начало 12-го, стало быть, она идет. На нашем участке тоже был артиллерийский огонь, главным образом, с нашей стороны. Приказано всем быть готовыми к выступлению. Что-то будет; дай Бог, удачи!» [9. С. 324].

19 июня: «О прорыве фронта нет и речи. Может быть, операция еще разовьется и даст лучшие результаты. Довольно печально. Конечно, лучше какой-нибудь успех, чем ничего, однако очень уж надеялись на это наступление, и разочарование горько» [9. С. 324–325].

9 июля: «6 часов 50 минут. <...> Дождались. Где-то правее наших выбили из окопов, и мы будем отступать. Как далеко, никто не знает, конечно. <...> 2 часа. Мы в Маркове. Это было что-то кошмарное. Вместе с обозом, впереди и позади, растянувшись на версту и более, шли солдаты, самовольно оставившие позицию и идущие неизвестно куда в тыл <...> 8 ½ часов вечера. Сознательная дисциплина! Да разве это стадо можно образумить, иначе чем силой и угрозами! Все офицеры остались в окопах исполнять свой долг. А эта сволочь, запруживающая тыловые дороги, будет говорить, что офицеров во время боя не видать, что они всегда позади и проч. Честь нашему офицерству!» [9. С. 332–333].

31 августа: «Последние 3 дня прошли в тревоге из-за Корниловского мятежа против Временного правительства. Первое впечатле-

ние было таково, что кровавого междоусобия не избежать. Позднейшие известия, указывавшие на ничтожные шансы успеха Корнилова, несколько успокоили тревогу. Командный состав Юго-Западного фронта держал сторону Корнилова, но комитеты быстро захватили власть в свои руки. Надо признаться, что роль общественных сил велика во всей этой истории <...> Керенский назначен Верховным Главнокомандующим. Он в зените своей славы. В критический момент другого имени не нашлось. Конечно, все обвинения Корнилова в предательстве ложны. Он искренне желал спасти Россию. Но ошибся в расчете» [9. С.340–341].

27 октября, Проскуров: «Большевикам в Петрограде удалось захватить власть в свои руки. Опору они имеют только в петроградском гарнизоне и части флота. Центральные исполнительные комитеты солдатских, рабочих и крестьянских депутатов против большевиков. Армейские комитеты тоже все на стороне Временного Правительства. Сражение началось; по имеющимся сведениям, с фронта идут в Петроград войска подавлять мятеж, во главе их Керенский. Можно надеяться, что недолго удержат большевики власть, однако, потрясение огромно, и вряд ли оно будет легко ликвидировано. Наверное, и в Москве произойдет борьба...» [9. С.343].

В революционной Москве

В ноябре 1917 г. вместе с другими зауряд-врачами Михаил Устрялов вернулся в Москву и возобновил занятия на 5 курсе Университета.

В голодной Москве готовится к сдаче государственных экзаменов.

Из дневниковой записи за 29–30 декабря 1917 г.: «Вот уже два месяца держатся большевики у власти, опираясь на солдатские штыки и красногвардейцев <...> Главный козырь у большевиков – мир, но этот козырь что-то ускользает из рук. ...Ослепленные люди! Они фанатики или глупцы. Часто обвиняют их в предательстве, называют изменниками. Конечно, колоссальный вред принесли они родине. Но сделали это по убеждению, а не по подкупу. <...> И что сделали они с Россией? Такого отчаянного положения добились они, что страдает не только ненавистная буржуазия, но голод, грабежи, гражданская война, – все это сказывается на всем народе и на рабочих и на крестьянах. Разрушается промышленность, погибает культура. Штыки темных солдат и обманутых рабочих-красногвардейцев служат опорой новых самодержцев. Думали, что власть их будет очень кратковременной; однако,

действительность показала иное. Что-то будет с Учредительным Собранием?» [9. С.344].

В марте 1918 г. экзамены были сданы, и в мае 1918 г. Михаил Устрялов получил свидетельство об утверждении в звании уездного врача. По возвращении в Калугу занимается поиском работы по специальности, проходит практику в Хлюстинской больнице. Из дневниковой записи за 8 июня 1918 г. мы узнаем, что он избрал нервные и душевные болезни своей специальностью и сокрушался, что по этому предмету получил удовлетворительную оценку на экзамене.

3 июня 1918 г. в московской церкви Знамения близ Девичьего поля в Зубове состоялось венчание старшего брата Михаила – приват-доцента Московского университета Николая Васильевича Устрялова и потомственной почетной гражданки Наталии Сергеевны Блистановой (1896–1969). Одним из поручителей со стороны невесты был лекарь Михаил Васильевич Устрялов [3]. Впоследствии Михаил женился на старшей сестре Натальи – Людмиле Сергеевне Блистановой (1893–1968). Наталья и Людмила были дочерьми калужского купца 2-й гильдии Сергея Николаевича Блистанова (1859–1922), в 1901–1905 гг. – калужского городского головы, с 1907 г. – товарища директора Малютинского банка [13. С.108–125].

В послереволюционной Калуге

В сентябре 1918 г. Михаил Устрялов был арестован в Калуге. Из дневниковой записи Николая Устрялова за 6 сентября: «Ужасная весть из Калуги. Обыск дома, арестован Миша – заложником. Скоро узнаю подробности. Быть может, придется туда ехать. Революция. Вступаем в страшные дни, и не знаешь, переживем ли их... Позднейшее примечание: Мой брат, доктор, никогда не принимавший никакого участия в политике. Возникла мысль, что он арестован за меня и, следовательно, за меня же может быть расстрелян» [10]. Из записи за 10 сентября: «В Калуге во время обыска, длившегося чуть ли не всю ночь, взяли пустяки: комплект «Накануне», пяток писем, карту Европы (контрреволюция!), пару моих портретов и портрет Пушкина (!). Обыскивали лишь один кабинет, другие комнаты оставили в покое. Но самое ужасное... эта система заложничества, средневековая, варварская... Революция!» [23. С.175]. События сентября – октября 1918 г. были восстановлены доктором исторических наук, профессором КГУ им. К.Э.Циолковского Виктором Яковлевичем Филимоновым (1937–2021): «В документе, хра-

нашемся в архиве Управления ФСБ по Калужской области, отмечено: Михаил Устрялов, врач при 1-м участке Калужского уезда, арестован 4 сентября 1918 г. В квартире Устрялова был произведен обыск, изъята переписка и несколько номеров газеты "Накануне" [26. С. 6]. По делу М. В. Устрялова были допрошены Юлия Дмитриевна Ерохина (двоюродная сестра арестованного) и Л. С. Блистанова, которые не дали никаких сведений о его политической неблагонадежности. 2 октября 1918 г. в своем заключении по делу следователь отмечал: «Рассмотрев настоящее дело и допросив Устрялова и гр. Блистанову и Ерохину – из показаний видно, что ни к каким как политическим, так и другим партиям, каким-либо противосоветским организациям не принадлежал и не принадлежит, нет никаких данных о причастности его к изданию "Накануне". Дальнейшее ведение следствия излишне». 3 октября следственная комиссия приняла решение Михаила Устрялова «немедленно освободить» [26. С. 6].

Из обнаруженного В. Я. Филимоновым протокола допроса М. В. Устрялова становится известно, что до августа 1918 г. он был без работы, жил на остатки от зарплат, полученной во время военной службы и средства матери.

О дальнейшей деятельности Михаила Васильевича в послереволюционные годы сообщает небольшая статья в первой части книги «Из истории лечебного дела в Калужском крае» [6. С. 135]. Он работал на Сызрано-Вяземской железной дороге, в 1919 г. был мобилизован на Гражданскую войну, после тяжелой болезни в 1920 г. работал младшим ординатором 3-го сводного эвакогоспиталя. В 1921 г. был принят на должность врача-невропатолога и заведующего светолечебным кабинетом Бушмановской психиатрической больницы. С 1923 г. работал в больнице заведующим медицинской частью и врачом нервного отделения. Был членом Врачебно-трудовой комиссии (ВТК) со дня ее основания, пользовался большим авторитетом и уважением больных. Умел общаться с тяжелыми больными, владел техникой гипноза. Дважды (в 1928 и 1941 гг.) проходил курсы усовершенствования врачей по лечению психозов.

Жила семья Устряловых в уплотненных условиях в своем бывшем доме на Первомайской улице, превращенном в коммунальную квартиру, где им были оставлены две смежные комнаты. У Михаила и Людмилы Устряловых родились сын Лев (в 1923 г.) и дочь Нина (в 1925 г.). После ареста Николая Васильевича Устрялова и его жены – Натальи Сергеевны супруги приняли и воспитывали племянников – Евгения

(1923–1941) и Сергея (1924–1963), невзирая на грозившие им за это неприятности.

Дневник 1941–1943 гг.

В октябре 1941 г. семья доктора Устрялова оказалась в оккупации. Михаил Васильевич продолжал работать в Калужской психиатриче-

ской больнице. Знал ли он о грозившей больнице и ему лично опасности? Согласно плану «Т-4», разработанному в фашистской Германии, психически больные люди на оккупированных территориях СССР подлежали уничтожению. Персонал психиатрических больниц, отказывавшийся выполнять приказы немцев по умерщвлению пациентов, также подлежал уничтожению. Эта трагическая страница истории отечественной психиатрии до настоящего времени мало исследована. Современные исследователи приводят различные цифры, указывая количество жертв геноцида немецко-фашистских захватчиков в отношении пациентов психиатрических больниц от 12 до 20 тысяч человек [19. С. 29]. В статье в ведомственном сборнике, изданном в 1965 г., на основании выступления заместителя министра здравоохранения СССР А. Н. Шабанова на 3-м Всесоюзном съезде невропатологов и психиатров в Москве в 1948 г. названа цифра – на оккупированных территориях СССР фашистами было уничтожено около 20 000 пациентов психиатрических больниц [25. С. 445]. Так, в октябре-ноябре 1941 г. в селе Микулино Лотошинского района Московской области было уничтожено около 700 пациентов Лотошинской областной психиатрической больницы [17]. Не менее трагические события происходили в ноябре – декабре 1941 г. в Психиатрической больнице им. М. П. Литвинова в селе Бурашево Калининского района Калининской (ныне Тверской) области, где в результате действий немецкой зондеркоманды было уничтожено, по разным данным, от 530 до 700 пациентов [7].

В сохранившемся дневнике Михаила Устрялова за период с 28 ноября 1941 г. по 27 августа 1943 г., опубликованном в 2010 г. [22], упоминаний о расправах немцев над пациентами Калужской психиатрической больницы нет. Не обнаружены такие сведения и в недавно опубликованных сборниках архивных документов о преступлениях немецко-фашистских захватчиков на территории Калужской области [4, 12].

Отмечу, что первая сохранившаяся в семье племянника М. В. Устрялова – Сергея Николаевича Устрялова тетрадь имеет цифру «3», то

есть первые 2 тетради не сохранились или были уничтожены автором из предосторожности, так как в них, вероятно, были описаны события начала Великой Отечественной войны и оставления Калуги советскими войсками в октябре 1941 г.

По словам автора дневниковых записей, дни наполнены «заботой об удовлетворении элементарных потребностей растительной жизни» (запись от 12 января 1942 г.) [22. С. 52]. Проблемы добычи продовольствия и топлива для обогрева комнат находят подробное отражение на страницах дневника. Описаны походы в деревни для обмена вещей на продукты, цены на продукты питания на рынке, отоваривание карточек и т. д. Работа на городском и загородном огородах была для семьи Устряловых одним из основных источников пропитания. Для агрономических справок М. В. Устрялов использовал «Садовую энциклопедию», доставшуюся от отца.

В дневниковых записях подробно представлено положение дел в Калужской психиатрической больнице, пациенты которой оказались во время оккупации на грани выживания. Автор фиксирует температуру воздуха (часто близкую к нулю или отрицательную) в палатах и корпусах больницы, подробно описывает рацион питания больных (в первое время после освобождения от оккупации больные получали в день 3 лепешки по 110 гр. из горелого зерна, овсяный кисель и подслащенный суррогатный кофе с добавлением молока). Закладка сахара в котел на кухне происходила в присутствии дежурного врача, чтобы исключить возможность его хищения. Недостаток питания и отсутствие жиров приводили к высокой смертности больных (от истощения и непоправимого нарушения обмена веществ). М. В. Устрялов рассказывает о судьбе главного врача больницы, О. В. Васильевой – ее во время оккупации по доносу бывших сотрудников больницы доставили в гестапо на допрос, но затем отпустили, а доносчики были высечены немцами. В январе 1942 г. О. В. Васильева, получившая вначале благодарность от советских властей за сохранение больницы, была арестована органами НКВД по обвинению в шпионаже, просидела в тюрьме (в Калуге и Туле) 6 месяцев, затем освобождена и вернулась к исполнению своих обязанностей.

Сообщает автор дневника о положении дел в соседней Тульской психиатрической больнице, расположенной в пос. Петелино. После 3-х недельной немецкой оккупации в больнице из 1780 больных осталось 550. Из дневниковой записи за 17 января 1942 г. становится известно, что в Туле после эвакуации остался 31 врач из 250. «Был крайне опасный

день для Тулы – день 30 окт[ября], немецкие танки чуть не ворвались в город. Население бросилось грабить... Во всех детских яслях почти все растащено, пострадали больницы» [22. С.55].

М. В. Устрялов внимательно следил за происходящими событиями, используя для этого все возможности. Из его дневников читатель узнает о печатном органе оккупационных властей Калуги – газете «Новый путь», выходившей с 28 ноября по 20 декабря 1941 г. (редактор Е. Е. Бунескул). На страницах дневников имеется информация о выпуске всех 4-х номеров этой газеты, выходившей под девизом «Против большевизма за свободу и хлеб» и продававшейся по 20 коп. Автор кратко излагает содержание 1, 3 и 4 номеров газеты, сообщает, что печаталась газета в бывшей железнодорожной типографии. Здесь же рассказано о встречах с директором Калужской типографии В. Н. Орловым, о том, что инвентарь и машины городской типографии сохранились.

Дневниковые записи сообщают об инициативах новых оккупационных властей – регистрации безработных, возвращении дореволюционных названий калужским улицам, появлении на домах новых адресных табличек, выполненных научным сотрудником Калужского художественного музея А. В. Фадеевым (1878–1942), сборе квартирной платы (по 80 коп. за квадратный метр площади), планах открытия широкой сети столовых общественного питания и призывах к населению вернуть разграбленный инвентарь столовых и др. В связи с этой последней инициативой автор иронически замечает: «Похоже, что не очень скоро эти столовые откроются...» (запись от 3 декабря 1941 г.) [22. С. 17].

В записи от 12 октября 1942 г. описана паника, охватившая город перед вступлением оккупантов: «Ровно год назад немецкие войска вступили в Калугу. В разных частях города полыхали пожары. Часть жителей перед самым вступлением немцев продолжала тащить то, что еще оставалось после массового расхищения складов и государственного имущества, начавшегося с 4^х часов дня 11.X. Не стеснялись обирать и пустующие частные квартиры. Днем 12го шел довольно сильный обстрел города, и все же страсть к наживе у многих пересиливала страх. Мало кто думал, что к Новому году немцев в Калуге не будет. Казалось, что немцы будут продолжать свое продвижение дальше и что Москва не устоит. Во время оккупации отсутствие советской информации и хвастливые сообщения немцев не позволяли рассчитывать на успехи советских войск, и поэтому для большинства

было совершенно неожиданным появление наших войск 21 декабря у Калуги» [22. С. 119].

Подробно описаны в дневнике события 21–30 декабря 1941 г., когда в результате наступления 258-й стрелковой дивизии Калуга была освобождена. Из записи от 21 декабря: «В 10 ½ час. вечера события развернулись потрясающие. Советские войска – близ города, за рекой. Днем по городу стреляли из орудий. Немцы развили сильный огонь, орудийный и пулеметный. На всех почти перекрестках – пулеметы и орудия. Жителям приказано убраться из ближайших к реке улиц» [22. С. 31].

Дом Устряловых находился в южной, приокской части Калуги, наиболее пострадавшей при освобождении города. Соседняя улица Салтыкова-Щедрина (бывш. Спасо-Жировская) была сожжена практически полностью. Отступающие немцы сожгли также многие пригородные деревни на северном берегу Оки. Обитатели дома на Первомайской улице были выгнаны немцами на улицу днем 27 декабря («для устрашения стреляли из автомата в пол»). Семья Устряловых нашла приют у знакомых – семьи Зевакиных. М.В. Устрялов фиксирует в дневнике происходящие в округе бомбардировки, пожары и разрушения, сообщает о гибели знакомых и соседей.

Из записи за 30 декабря 1941 г.: «Сегодня ночью красные войска заняли Калугу. Радостно это освобождение от немцев! Всюду оживление, красноармейцев приветствуют» [22. С. 39–40].

С первых дней после освобождения города М.В. Устрялов возобновляет чтение советских газет – московских «Правды» и «Комсомольской правды», калужской «Коммуны», тульского «Коммунара». Тульские газеты поступали через 2, а то и 3–4 дня после выхода, иногда доставлялось по 2–3 номера одновременно. На страницах дневника Михаил Васильевич анализирует содержание военных сводок и другие материалы, опубликованные в газетах. В записи от 5 января 1942 г. комментирует статью в газете «Правда» от 1 января, содержащую описание боев в Калуге: «В этом описании, несомненно, есть преувеличение и сгущение красок» [22. С. 46]. Из записи от 28 июня 1943 г.: «В день 2й годовщины начала советско-германской войны Совинформбюро выпустило обзор военных событий за 2 года. Конечно, редактировал т. Сталин. Это видно по некоторым характерным для него фразам...» [22. С. 148].

Во время войны М.В. Устрялов продолжает пополнять семейную библиотеку. В магазине среди скупленных у населения книг (главным об-

разом из библиотеки Д. И. Малинина⁵) он обнаруживает недостающий 5-й том сочинений Э. Лависса и А. Рамбо «История Европы XIX века», сочинения Н. А. Рожкова, Н. А. Котляревского и др. «И так много у нас книг, а все же хочется подкупить, когда видишь интересное» (из записки от 1 марта 1942 г.) [22. С. 72].

Отражена в дневнике и религиозная жизнь – празднование при немцах Николина дня 19 декабря 1941 г. («Больше 20 лет не слышали мы колокольного звона»), Рождества и Пасхи. Сообщает автор о гибели священника Гречанинова, убитого немцами на городском Пятницком кладбище во время совершения панихиды по усопшим.

Дневники содержат уникальные сведения о погоде в Калуге – М. В. Устрялов практически ежедневно фиксировал температуру воздуха (утром и днем), осадки.

Дневник опубликован в 2010 г. В. Я. Филимоновым и Д. Э. Мироновым. В 2011 г. в журнале «Российская история» опубликованы фрагменты из дневника [11]. В 2011 г. в журнале «Библиография» была опубликована рецензия автора настоящей статьи на книжную публикацию дневниковых записей [31].

Ценность дневника М. В. Устрялова как источника сведений о жизни Калуги военного времени высоко оценил губернатор Калужской области в 1996–2000 гг. В. В. Сударенков в недавно изданной книге воспоминаний «Мое время»: «Он передал события тех дней глазами "простого" человека... Скажу только – почитайте эти дневники сами. Я же привожу этот пример как доказательство важности мемуарного материала и не только людей-символов, но и простых обывателей» [21. С. 17].

После освобождения Калуги М. В. Устрялов продолжал заведовать медицинской частью больницы, замещал главврача в период его отсутствия, организовывал лечение красноармейцев, проводил экспертизу бойцов Красной армии, имевших контузии и ранения в голову на предмет возможности их возвращения к нормальной жизни.

В нашем семейном архиве сохранилось одна почтовая карточка от М. В. Устрялова, адресованная моей бабушке – Е. Г. Шапошниковой: «Москва. Ул. Вахтангова, д. 5 кв. 10. Екатерине Григорьевне Шапошниковой. 28/1 – 43. Милая Катя! Получил сегодня твою открытку. Указывай правильно № дома – 39, а не 29. Лева учится в Военном училище

⁵Малинин Дмитрий Иванович (1879–1933) – калужский краевед, историк. Автор книги «Калуга: опыт ист. путеводителя по г. Калуге и главнейшим центрам губ.» (Калуга, 1912), переизд. в 1992 и 2004 гг.

на кавалериста. Находится он в г. Подольске. Остальные все дома. Нина ходит в школу; здоровье ее удовлетворительно, она пополнела. А Людмила сильно похудела. Ляля учится в Техникуме, ожидает призыва в Армию. В квартире у нас холодно, но терпимо. Трудно с дровами. Я бываю в городе только в свой выходной день, а так живу на Бушмановке. Привет Марии Ивановне, Шурика⁶ целую. Наши все шлют привет. Твой М. Устр.» На письме помимо почтовых штампов (отправлено из Калуги 28 января, прибыло в Москву 1 февраля 1943 г.) стоит печать «Просмотрено военной цензурой. Тула»⁷.

Упомянутый в письме «Ляля» – племянник М.В. и Л.С. Устряловых Сергей Николаевич Устрялов. Даже в зрелом возрасте все родные продолжали называть Сергея Устрялова этим трогательным домашним именем, данным ему в детстве родителями. После окончания школы в Калуге был призван в армию, в 1943–1945 гг. воевал на различных фронтах, был трижды ранен. После тяжелого ранения был признан инвалидом Отечественной войны и демобилизован. В 1945–1950 гг. учился в Московском электротехническом институте связи. После окончания МЭИС С.Н. Устрялов работал в СМУ треста «Межгорсвязьстрой», занимался прокладкой междугородных линий связи в Коми АССР, на Кавказе, в Якутске, в Ангарске Иркутской обл. Сергей Устрялов был женат на Екатерине Ивановне, урожд. Офицеровой (1923–2018), в счастливом браке у них родились двое детей – дочь Наталья (р. 1954) и сын Михаил (р. 1955). В июле 1963 г. С.Н. Устрялов погиб от удара шаровой молнии при исполнении служебных обязанностей в Читинской области⁸.

Судьба упомянутых в письме детей Михаила Устрялова – Льва и Нины сложилась трагически. Нина Устрялова, ученица 7-й калужской школы, скончалась от туберкулеза 5 мая 1943 г. Для отпевания на дому был приглашен священник из храма Георгия «за верхом», а сам обряд похорон на Пятницком кладбище проходил по советским канонам [22. С. 136–139].

Лев Устрялов учился в 7-й школе г. Калуги, был комсомольцем. После освобождения Калуги от немецко-фашистских захватчиков с января

⁶ Мария Ивановна Шапошникова (урожд. Алтынникова, 1874–1956) – свекровь Е.Г. Шапошниковой. Шурик – Александр Евгеньевич Шапошников (1932–2010), сын Е.Г. Шапошниковой, впоследствии – доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института культуры.

⁷ Семейный архив.

⁸ См. подробнее [32. С. 177–183].

1942 г. состоял в городском истребительном отряде, осуществлял охрану городского комитета ВКП(б), состоял в агитационно-пропагандистской группе городского комитета ВЛКСМ. 26 апреля 1942 г. был призван в Красную армию, после краткосрочного обучения на командира 45-миллиметрового орудия в учебном лагере на ст. Суслонгер (Марийская АССР) был отправлен рядовым на Сталинградский фронт. В сентябре 1942 г. был ранен в правое плечо, отправлен в госпиталь в Камышин, затем в Сызрань. После выписки из госпиталя в ноябре 1942 г. был отправлен в Подольское военное кавалерийское училище. В июле 1943 г. был комиссован по причине туберкулезного процесса в легких, вернулся в Калугу к родителям. Умер 25 марта 1944 г. в Калуге.

Лев и Нина Устряловы были похоронены на Пятницком кладбище Калуги в одной ограде с дедом – Василием Ивановичем и бабушкой – Юлией Петровной. В 2022 г. автором этой статьи здесь был установлен общий памятник из черного гранита.

Болезнь детей подкосила Михаила Васильевича – он умер от обострения застарелого туберкулезного процесса 17 марта 1944 г. Похоронен на Пятницком кладбище в Калуге на левой стороне центральной аллеи, недалеко от церкви Петра и Павла (участок №6).

Архив семьи Устряловых

Хранителем архива семьи калужских Устряловых была вдова Михаила Васильевича – Людмила Сергеевна, которая жила в бывшем

доме Устряловых вместе с сестрами – Натальей Сергеевной Устряловой, вернувшейся из ссылки в 1946 г. и Марией Сергеевной Успенской (1887–1966) до конца 1960-х годов [8, 14, 15, 32]. В 1965–1966 гг. дом на Первомайской улице был подвергнут капитальному ремонту с перепланировкой помещений и утратил свой первоначальный облик. Основным источником дохода сестер была распродажа различного имущества и книг из богатой устряловской библиотеки, начало собирания которой было положено еще И.Г. Устряловым и продолжено Василием Ивановичем и Михаилом Васильевичем. По воспоминаниям моего отца, Александра Евгеньевича Шапошникова, неоднократно бывавшего у Устряловых, часть библиотеки в послевоенные годы хранилась во дворе дома в деревянном сарае, где имелись, кроме всего прочего, неразрезанные тома «Полного собрания законов Российской империи». С помощью посредников Л.С. Устрялова продавала книги в крупные библиотеки, в том числе и в Ленинскую библиотеку в Москве. После

смерти сестер архив был перевезен невесткой Натальи Сергеевны, Екатериной Ивановной Устряловой в город Химки Московской области. Некоторые фотографии, подлинники и копии документов хранились у старшей сестры моей бабушки – Ольги Григорьевны Разумовской (1889–1977), после ее смерти были присланы из Киева ее приемной дочерью, Верой Котлярской, в Москву моей бабушке и использованы при подготовке настоящей публикации⁹.

Осенью 2022 г. на могиле Михаила Васильевича и Людмилы Сергеевны Устряловых на Пятницком кладбище Калуги на средства семьи Шапошниковых были установлены новая ограда и памятник из черного гранита.

Михаил Васильевич Устрялов и члены его семьи оставили о себе добрую память среди калужан. Об этом свидетельствуют публикации в сборниках конференций «Калуга в шести веках» и «Калужских сборниках», посвященных Н.В. Устрялову [8, 14, 20, 27]. Дневниковые записи М.В. Устрялова периода 1905–1907 гг. еще ждут своего исследователя и публикатора.

Библиографический список

1. Центральный государственный архив г. Москвы (ЦГА Москвы). Ф.418. Оп.325. Д.1768.
2. ЦГА Москвы. Ф.418. Оп.437. Д.991.
3. ЦГА Москвы. Ф.2125. Оп.2. Д.55. Л.309об. – 310.
4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны: [сб. арх. док.]. Калужская область / [отв. ред. М.А.Добычина; отв. сост. Н.В.Зиновкина]. Москва: Воевода, 2020. 548, [4] с.: ил.
5. Берговская И.Н. Дневниковые записи Михаила Устрялова как форма отражения калужской повседневности начала XX века // Калуга в шести веках: материалы 8-й гор. краевед. конф. Калуга: Полиграф-Информ, 2011. С. 125–135.
6. Гущина Н.В. Из истории лечебного дела в Калужском крае / Н.В.Гущина, А.А.Илюхин, В.К.Крупичатов. Ч. 1. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. 232 с.: ил.
7. Занько Е.А. Политика нацистов по уничтожению лиц, содержащихся в психиатрических клиниках, на примере истребления пациентов психиатрической больницы им. Литвинова в селе Бурашево // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. №3. С. 137–147 // URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2024/05/istor-bjul-tom-7-3-2024.pdf> (дата обращения: 19.02.2026). DOI 10.58224/2658-5685-2024-7-3-137-147.

⁹ Об О.Г.Разумовской см. [36, 37].

8. Иванцова Е.А. Воспоминания о семье Устряловых // Калуга в шести веках: материалы 6-й гор. краевед. конф. Калуга: Полиграф-Информ, 2008. С.261–265.
9. Из дневниковых записей М.В.Устрялова (1913–1918 гг.) / подгот. к публ. И.Н.Берговская // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 7. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2015. С.213–355.
10. К покушению на жизнь П.А.Столыпина // Московский листок. 1906. 17 авг. (№211). С.2.
11. Калуга в период немецкой оккупации: дневник врача Михаила Устрялова / публ. подгот. В.Я.Филимонов и Д.Э.Миронов // Российская история. 2011. №3. С.32–47.
12. Калужская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: [сб. арх. док.] / [сост. Ю.В.Изюкова]. Т.1: Оккупационный период – Калуга: ИП Артюхов Р.А., 2022. 559, [1] с.: ил., портр., табл.
13. Кожевникова Н.И. Калуга купеческая. Калуга: Калужская типография стандартов, 2015. 300 с.
14. Кожевникова Н.И. Калужане Устряловы и Золотовы // Калуга в шести веках: материалы 12-й гор. краевед. конф., окт. 2018 г. Калуга: Политоп, 2019. С.201–217.
15. Кожевникова Н.И. Мария Сергеевна Успенская (Блистанова): материалы к биографии // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 6. Калуга: КГУ им. К.Э.Циолковского, 2014. С.164–170.
16. Латышева В.А. Преступления против душевнобольных пациентов на оккупированной территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны в историографических источниках советского периода // Актуальные проблемы источниковедения: материалы VIII Международной научно-практической конференции, Витебск, 24–26 апреля 2025 г.: в 2 т. Витебск: ВГУ им. П.М.Машерова, 2025. Т.2. С.301–304. // URL: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/47778/1/301-304.pdf> (дата обращения: 19.02.2026)
17. Пенкина А. Психиатрическая трагедия. Подробности засекреченного убийства фашистами свыше 700 пациентов Микулинской психбольницы в 1941 году рассказывает «Подмосковье сегодня» // Ежедневные новости. Подмосковье сегодня. 2018. 20 апр. (№71). С.12.
18. Романовский В.К. Жизненный путь и творчество Николая Васильевича Устрялова (1890–1937). 2-е изд. Москва: Русское слово, 2009. 608 с.
19. Стрекалова Е.Н. Малоизвестные жертвы нацистской теории «расовой гигиены» на оккупированных территориях Советского Союза // «Помни о нас...»: каталог выставки, посвященной памяти пациентов психиатрических клиник, детей-инвалидов и врачей-евреев, убитых в период нацистской оккупации Северного Кавказа. Краснодар: Эдарт, 2019. С.19–30.
20. Стрельцов А.С. Размышления о прошлом, связанные с Николаем Васильевичем Устряловым // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 3. Калуга: Калуга-пресс, 2008. С.135–139.

21. Сударенков В.В. Мое время: записки калужского губернатора. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2025. 280 с.: ил.
22. Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны: дневник врача 1941–1944 гг. / вступ. ст. В.Я.Филимонова; подгот. к публ. В.Я.Филимонов и Д.Э.Миронов. Калуга: Золотая аллея, 2010. 160 с.
23. Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919 гг.): воспоминания и дневниковые записи / предисл. С.П.Рыбакова. Москва: Анкил, 2000. 246 с.
24. Устрялов Н.В. «Служить Родине приходится костями...»: дневник Н.В.Устрялова 1935–1937 гг. / публ. И.Кондаковой // Источник. 1998. №5/6. С.3–100.
25. Федотов Д.Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками, в годы Великой Отечественной войны // Вопросы социальной и клинической психоневрологии: [сб. ст.] / Моск. НИИ психиатрии МЗ РСФСР. Москва: Би., 1965. С.443–459.
26. Филимонов В.Я. Михаил Васильевич Устрялов и его дневник // Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны: дневник врача 1941–1944 гг. Калуга: Золотая аллея, 2010. С.5–11.
27. Филимонов В.Я. Устряловы в памяти калужан // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 2. Калуга: Калуга-пресс, 2007. С.155–159.
28. Шапошников А.Е. Времен связующая нить: (читательский дневник Марии Устряловой) // Мир библиографии. 1999. №3. С.66–69.
29. Шапошников А.Е. «Исповедь» В.И.Устрялова (1883 г.) // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 2. Калуга: Калуга-пресс, 2007. С.145–154.
30. Шапошников А.Е. О записях в «Памятной книжке» Е.М.Устряловой и ее переписке с родными (1849–1888) // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 4. Калуга: Калуга-пресс, 2010. С.222–228.
31. Шапошников К.А. Будни военной Калуги // Библиография. 2011. №2. С.66–70. Рец. на кн.: Устрялов М.В. Повседневная жизнь калужан в годы войны: дневник врача 1941–1944 гг. / вступ. ст. В.Я.Филимонова; [подгот. к публ. В.Я.Филимонов и Д.Э.Миронов]. Калуга: Золотая аллея, 2010. 160 с.: ил.
32. Шапошников К.А. «Ваша Л.У.». Письма Людмилы Сергеевны Устряловой к Екатерине Григорьевне Шапошниковой, 1961–1968 гг. // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 9. Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э.Циолковского, 2020. С.175–197.
33. Шапошников К.А. Из родословной Устряловых: по материалам Российского государственного исторического архива и Отдела рукописей Пушкинского дома // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 6. Калуга: КГУ им. К.Э.Циолковского, 2014. С.151–163: ил.
34. Шапошников К.А. Калужские родственники историка Н.Г.Устрялова // Чертковский исторический сборник. Вып. 8: Семья в Российской империи: историко-культурный аспект. Москва: ГПИБ России, 2025. С.57–83: ил.

35. Шапошников К.А. Петербургские Устряловы: по архивным источникам // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 7. Калуга: ИП Стрельцов И.А. (Изд-во «Эйдос»), 2015. С.146–159.

36. Шапошников К.А. Письма из Калуги. Жизнь калужских Устряловых в письмах Ольги Григорьевны Разумовской // Николай Васильевич Устрялов. Калужский сборник. Вып. 8. Калуга: КГУ им. К.Э.Циолковского, 2018. С.58–71.

37. Шапошников К.А. Повседневная жизнь Калуги 1960-х – начала 1970-х годов в письмах Ольги Григорьевны Разумовской: по материалам семейного архива // Калуга в шести веках: материалы 13-й гор. краевед. конф., окт. 2020 г. Калуга: НИЦ «Моя Калуга», 2021. С.32–42: ил.

38. Шапошников К.А. Герасим Трифонович Устрялов – управляющий орловским имением князей Куракиных и его калужские потомки // «Куракинские чтения» в рамках проекта Московского дома национальностей «Роль династии Куракиных в истории России». 2025 год. Москва: Б.и., 2025. С.29–42: ил.

Пушкиным началась наша современная культура, реальная и подлинная, наше современное мышление и духовное бытие. Пушкин возвел дом нашей духовной жизни, здание русского исторического самосознания.

Б. Л. Пастернак

Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла.

Н. В. Гоголь

Елена Жбанкова

**МИР РУССКОЙ СКАЗКИ
А.С.ПУШКИНА
В ВОСПРИЯТИИ
СТУДЕНТОВ МГУ-ППИ
(ШЕНЬЧЖЕНЬ, КИТАЙ)**

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

УДК

94 (47) 08

В статье речь идет о впечатлениях студентов-иностранцев (представителей Китая), обучающихся в МГУ имени Ломоносова и в МГУ-ППИ (Шеньчжень, Китай), о сказках А.С.Пушкина «Сказка о царе Салтане», «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке» и «Сказка о золотом петушке». Изучать творчество русского поэта студенты-иностранцы начинают еще в средней школе на родине. В обобщении отзывы студентов сходятся в следующем: читать сказки в оригинальном варианте на русском языке сложно, так же сложно смотреть мультипликационный вариант сказки, гораздо проще для них прочесть текст в переводе на китайский язык, тем более что вариантов перевода существует довольно много.

The article discusses the impressions of foreign students (representatives of China) studying at Lomonosov Moscow State University and MSU-PPI (Shenzhen, China) about A. S. Pushkin's fairy tales "The Tale of Tsar Saltan", "The Tale of the Priest and His Workman Balda", "The Tale of the Fisherman and the Fish" and "The Tale of the Golden Cockerel". Foreign students begin to study the work of the Russian poet at high school in their homeland. In summary, the students' reviews agree as follows: it is difficult to read fairy tales in the original version in Russian, it is also difficult to watch the animated version of the fairy tale, it is much easier for them to read the text translated into Chinese, especially since there are quite a lot of translation options.

Ключевые слова: сказка; русский мир; мультфильм; перевод; студенты.

Key words: fairy tale; Russian world; cartoon; translation; students.

E-mail: evzhsbankova@mail.ru

Образование – это важная движущая сила национального развития, а также важное связующее звено для сотрудничества и контактов между народами всех стран. В последние годы углубляется китайско-российское сотрудничество в области образования.

Си Цзиньпин

Взаимодействие в сфере образования традиционно является важной составляющей российско-китайского стратегического партнерства. Из года в год расширяются прямые контакты между вузами двух стран, совершенствуется практика студенческих обменов.

В. В. Путин

В городе Шеньчжень (провинция Гуандун, Китайская Народная Республика) функционирует первый совместный российско-китайский университет МГУ-ППИ. С одной стороны, это Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, с другой – Пекинский политехнический институт (университет).

Идея создания совместного университета возникла в 2014 г. в рамках официального визита президента Российской Федерации В.В. Путина в КНР.

1 марта 2014 г. мэр Шеньчжэня Сюй Цин и проректор МГУ имени М.В. Ломоносова С.М. Шахрай подписали в Шеньчжэне «Меморандум между Народным правительством г. Шеньчжень и МГУ имени М.В. Ломоносова о создании совместного университета в городе Шеньчжэне». 16 апреля 2014 г. мэр Шеньчжэня, ректор Пекинского политехнического института Ху Хайянь и проректор МГУ имени М.В. Ломоносова подписали в Пекине «Меморандум о создании совместного университета».

20 мая 2014 г. Министерство образования и науки РФ и Министерство образования КНР подписали при участии Владимира Путина и Си Цзиньпина «Меморандум о сотрудничестве по проекту создания совместного Университета МГУ-ППИ в Шеньчжэне».

27 октября 2016 г. Министерство образования КНР официально утвердило создание совместного российско-китайского Университета МГУ-ППИ в Шеньчжэне.

Университет принял первых студентов в 2017 году: 118 бакалавров и 26 магистров. Сейчас в МГУ-ППИ обучается более 2500 студентов, а в 2025 году студентов стало более 5000 человек.

В Университете открыто 11 специальностей программ бакалавриата. Совместно с Московским государственным университетом ведется подготовка магистрантов по девяти дисциплинам и 12 направлениям, аспирантов по шести дисциплинам и 11 направлениям. Среди них: русский язык, математика, материаловедение и инженерия, международная экономика, биология и др. Количество дисциплин и направлений постоянно увеличивается.

Учебный процесс ведется на трех языках: китайском, русском и английском.

Выпускникам программ бакалавриата выдается диплом об окончании и диплом о присвоении академической степени бакалавра Университета МГУ-ППИ, а также диплом МГУ имени М.В.Ломоносова.

Главное здание МГУ-ППИ

После открытия в Университете МГУ-ППИ работало 546 штатных сотрудников, из них 266, командированных из МГУ, и 280 от ППИ. Согласно Уставу, число преподавателей из МГУ должно быть не менее 50%.

В июле 2019 г. состоялось открытие постоянного кампуса МГУ-ППИ с уменьшенной копией Главного здания Московского университета в центре архитектурного ансамбля, так что преподавателям из Москвы может показаться, что они по-прежнему находятся на Ленинских горах.

Главное здание находится на центральной площади и является знаковым строением кампуса. Высота здания составляет 156 м, а «Звезда МГУ-ППИ» на его вершине является самой высокой точкой кампуса.

Технология строительства этой конструкции получила три национальных патента, а технология установки и создание шпиля Главного здания в готическом стиле была удостоена различных национальных наград, в том числе золотой премии China Construction Cup. В 2021 г. Университет получил самую высокую награду в китайской строительной промышленности – Премию Лу Бань.

Университет МГУ-ППИ в Шеньчжэне располагается на земельном участке площадью 333,7 тыс. кв. м. На сооружение кампуса правительством Шеньчжэня было выделено 2,043 млрд юаней.

Звезда МГУ

Кампус МГУ-ППИ

Кампус делится на несколько районов: центральный, учебный, жилой, спортивный и парковый. Всего в нем 21 здание: Главный корпус, два лабораторных, три учебных, а также библиотека, спортивный комплекс, центр студенческой деятельности, студенческие общежития, жилые корпуса для преподавателей и пр.

Главная цель университета, обозначенная в его программе, состоит в подготовке молодых специалистов, необходимых для реализации экономических проектов двух стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также, и это главное, в развитии диалога культур и взаимопонимания народов.

Обучение в университете осуществляется по образовательным программам МГУ силами профессорско-преподавательского состава МГУ имени М.В.Ломоносова и преподавателей из других ведущих мировых университетов и научно-исследовательских центров. В том числе автора данной статьи, отработавшего в МГУ-ППИ осенний семестр 2024–2025 учебного года.

В МГУ имени М.В.Ломоносова на факультете иностранных языков и регионоведения в Москве давно ведется работа со студентами-иностранцами. В подавляющем большинстве это представители Китайской Народной республики. Большое внимание в учебном плане уделяется

предметам объединенным названием «Мир изучаемого языка», в данном случае русского, или «Русский мир».

В 2024 и 2025 годах, в рамках празднования 225-летия со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, особенно пристальное внимание было уделено его творчеству. Занятия, посвященные великому поэту, проводились и в МГУ имени М.В.Ломоносова в Москве, и в МГУ-ППИ в Шеньчжэне.

Иностранные студенты, изучающие русский язык, особенно китайские, безусловно, знакомы с творчеством великого русского поэта, так как его произведения включены в программы китайской средней школы.

Изучают произведения Пушкина в Китае более 100 лет. Первым произведением, переведенным на китайский язык в начале XX века, была «Капитанская дочка». К концу XX века на китайский язык было переве-

О.А.Кипренский. Портрет А.С.Пушкина. 1827

дено множество произведений поэта, а в 1997 г. издательством «Народная литература» был издан сборник, состоящий из 12 томов [1, с. 159].

Студентам, обучающимся по магистерской программе факультета иностранных языков и регионоведения в МГУ и в МГУ-ППИ, на занятиях по «Русскому миру» было предложено поучаствовать в социологическом опросе для выяснения уровня знакомства с творчеством Пушкина и ответить на вопросы анкеты.

АНКЕТА

1. Кто такой А. С. Пушкин?
2. Какие сказки А. С. Пушкина Вы читали на русском языке?
3. Какие сказки А. С. Пушкина Вы читали на китайском языке?
4. Что из сказок (мультфильмов) Вы узнали о «русском мире»?
5. Похожи ли персонажи сказок Пушкина на современных русских людей?
6. Похожи ли персонажи сказок на людей Вашей страны современных и прошлых веков?
7. Сюжеты сказок показались Вам странными или нет?
8. Возможны ли, по Вашему мнению, такие ситуации в Вашей стране?
9. Какие детали русского быта (дом, еда, одежда, природа, обычаи и пр.), показанные в мультфильмах, Вам запомнились, показались интересными и необычными для Вас, по которым Вы узнали что-то новое о России и о русских людях?

На занятии студентам была дана краткая информация о жизни и деятельности А. С. Пушкина.

Поэт родился 6 июня 1799 года в Москве, в Немецкой слободе. Его отец, Сергей Львович, принадлежал к старинному дворянскому роду; мать, Надежда Осиповна, урожденная Ганнибал, была внучкой Абрама Петровича Ганнибал.

Воспитанием Пушкина занимались бабушка Мария Алексеевна, няня Арина Родионовна, передавшая своему воспитаннику любовь к народным сказкам, и французские гувернеры. Пушкин с детства увлекался классической и современной мировой и русской поэзией. Свои стихи начал писать в Царскосельском лицее, куда поступил в 1811 г.

Четыре названные сказки он написал значительно позже, уже взрослым человеком: «Сказку о попе и о работнике его Балде» в 1830 г.,

«Сказку о царе Салтане» в 1831 г., «Сказку о рыбаке и рыбке» в 1833 г., «Сказку о золотом петушке» в 1834 г.

Кроме знакомства с текстами сказок, студентам было предложено посмотреть мультфильмы, снятые по ним, так как визуальное восприятие для носителей китайской культуры более результативно.

Студенты также получили необходимую информацию о мультфильмах, снятых по сказкам Пушкина.

Мультфильм «Сказка о попе и о работнике его Балде» был снят в 1973 г. режиссером И.Ковалевской. Все реплики и музыкальные номера исполнил известный советский актер Олег Анофриев.

Интересно отметить, что в мультфильме есть некоторые отличия от текста. Вместо того, чтобы мочить конец веревки в море, Балда играет на балалайке, пытаясь заглушить музыку, которою играют черти. В тексте поп от первого щелчка воспаряет, от второго теряет дар речи, а от третьего сходит с ума. В мультфильме поп от первого щелчка теряет дар речи, от второго воспаряет, а от третьего улетает в небо, с которого на землю падает его сапог. Кроме того, в мультфильме есть персонаж, которого нет в самой сказке. Это медвежонок, друг Балды, который везде ходит за ним, поет и танцует вместе с Балдой, работает и спит с ним рядом и вообще постоянно ему помогает.

Мультфильм «Сказка о попе и о работнике его Балде»

Мультфильм «Сказка о царе Салтане» вышел на экраны в 1984 г. Это была последняя работа знаменитого советского режиссера И. Иванова-Вано, созданная вместе с постоянным соавтором Л. Мильчиным. Фильм полнометражный, озвученный известными актерами: А. Леонтьевым, А. Зуевой, Р. Филипповым, Л. Ивановой и др.

Фильм был отмечен призами на кинофестивалях: «За успешную экранизацию русской классической сказки» в 1985 г. на XVIII Всесоюзном кинофестивале в Минске и «За лучший мультфильм» в 1985 г. на XIV Московском кинофестивале.

Музыкальный мультфильм «Сказка о рыбаке и рыбке» был создан режиссером М. Цехановским в 1950 г. Фильм озвучивали Б. Чирков, А. Зуева, М. Бабанова, Г. Милляр. В 1951 г. он получил премию «За лучший мультфильм» на VI Международном кинофестивале в Карловых Варах. О фильме с большим одобрением говорил знаменитый французский киновед Жорж Садуль [3].

Мультфильм «Сказка о золотом петушке» был снят в 1967 г. Сценарий был написан В. Шкловским, режиссером стала А. Снежко-Блоцкая.

Мультфильм «Сказка о царе Салтане»

В музыку к фильму были включены фрагменты оперы Н.Римского-Корсакова. Озвучивали картину А.Грибов, А.Консовский, Г.Видин, М.Виноградова и др. В мультфильме также есть расхождения с оригинальным текстом. Так, например, в сказке нет ключницы Амелфы, а в мультфильме она присутствует как помощница царя Додона.

Мультфильмы по сказкам Пушкина использовались в работе в качестве источника потому, что иностранным студентам, недостаточно знающим русский язык, проще воспринимать визуальную информацию. Кроме того, особое значение при работе с иностранцами имеет дисциплина «Кино России как отражение национальных и культурных особенностей региона», которая преподается на факультете иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В.Ломоносова уже много лет, и данный курс включен в программу обучения магистров в МГУ-ППИ.

Одним из своеобразных, но незаменимых источников сведений о жизни России, является отечественный кинематограф, в том числе анимационный. Несмотря на то, что кино – самое молодое искусство,

Мультфильм «Сказка о рыбаке и рыбке»

Мультфильм «Сказка о золотом петушке»

достигшее расцвета только в XX веке, к настоящему моменту накопилось огромное количество фильмов, обязательное ознакомление с которыми, на наш взгляд, необходимо человеку с высшим гуманитарным образованием [2].

Для изучения «Русского мира», как и для изучения любого национального «мира», классический кинематограф является специфическим, но необходимым средством, если отнестись к нему не как к произведению искусства, а как к источнику достоверных сведений о нравах, обычаях и национальном характере народа. Если речь идет об иностранных студентах, не очень хорошо знающих русский язык, то информация из художественного и даже из анимационного фильма воспринимается ими значительно легче, чем, к примеру, из классической литературы. Но классическую литературу знать нужно, поэтому экранизация литературного произведения серьезно помогает для понимания и оценивания литературного произведения.

Опрос студентов был проведен вначале еще в Москве, на факультете иностранных языков и регионоведения. Если говорить о ре-

зультатах данного опроса как по поводу текстов сказок Пушкина, так и по поводу их переноса на мультипликационный экран, то они оказались весьма интересными и неоднозначными. Попытаемся объединить сходные отзывы и привести в качестве примера наиболее оригинальные суждения авторов с попыткой сохранения орфографии и пунктуации.

Вначале приведем в качестве примера одну из анкет полностью, а затем перейдем к описанию ответов, обобщениям и выводам.

«Кто такой А.С.Пушкин?

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) великий русский поэт, прозаик, драматург, литературный критик и романист, чье влияние на русскую литературу и культуру в целом трудно переоценить. Он считается основоположником современного русского литературного языка и одним из самых выдающихся представителей русской литературы.

Какие сказки А.С.Пушкина Вы читали на русском языке?

На русском языке сказок Пушкина я не читал, но я читал стихи. Например, "Если жизнь тебя обманет", "Я вас любил", "К Керн" и т.д.

Какие сказки А.С.Пушкина Вы читали на китайском языке?

Я прочитал "Сказку о рыбаке и рыбке".

Что из сказок (мультфильмов) Вы узнали о "русском мире"?

Связь с русской фольклорной традицией: "Сказка о рыбаке и рыбке" базируется на русской фольклорной традиции и содержит мотивы, типичные для русских народных сказок, такие как встреча с волшебными существами, исполнение желаний, испытания и наказание за жадность.

Мудрость и доброта: В сказке прослеживается уважение к мудрости, доброте и терпимости. Рыбак и его жена взаимодействуют с рыбой, проявляя свои человеческие качества. Однако, в отличие от рыбака, его жена демонстрирует жадность и амбиции, что в конечном итоге приводит к наказанию.

Смирение перед силой природы: Сказка подчеркивает важность смирения перед силой природы и призывает к уважению к окружающему миру.

Похожи ли персонажи сказок Пушкина на современных русских людей?

Персонажи сказок Пушкина, хотя и живут в иной эпохе и обстоятельствах, отражают определенные черты и качества, которые можно увидеть и в современных русских людях.

Персонажи сказок Пушкина часто демонстрируют такие качества как жадность, алчность, смирение, доброту, мудрость и терпимость. Эти качества являются универсальными и могут быть присущи людям в любое время. Хотя современные реалии и общество могут отличаться от времени, в котором жили персонажи сказок Пушкина, их человеческие черты и мотивации остаются во многом аналогичными.

Таким образом, можно сказать, что некоторые персонажи и их черты действительно могут напоминать современных русских людей.

Похожи ли персонажи сказок на людей Вашей страны современных и прошлых веков?

Персонажи в сказках Александра Пушкина, таких как "Сказка о царе Салтане", "Сказка о золотом петушке" и "Сказка о рыбаке и рыбке", часто являются аллегорическими или символическими образами, которые отражают определенные аспекты человеческой природы, общества и истории. В этих сказках Пушкин часто использует фольклорные мотивы и темы, которые были распространены в русской культуре.

Хотя персонажи в сказках Пушкина могут быть фантастическими или мифическими, они часто отражают типичные человеческие черты, такие как жадность, алчность, любовь, предательство, доброта и мудрость. Эти черты персонажей могут быть узнаваемыми для людей в разных культурных и исторических контекстах.

Сюжеты сказок показались Вам странными или нет?

Я думаю, эти сюжеты понятны. Я думаю, сказки созданы для детей, они хотят выразить самую основную человеческую природу и мировоззрение. И то же самое можно найти и в наших сказках. Я вырос, читая "Сказки братьев Гримм" и "Тысяча и одна ночь", и я думаю, что они тоже очень похожи.

Возможны ли, по Вашему мнению, такие ситуации в Вашей стране?

Сюжеты "Сказки о рыбаке и рыбке" и "Сказки о царе Салтане" являются продуктом русской литературной традиции, и они отражают определенные культурные и исторические контексты России. Однако аналогичные темы и мотивы могут быть найдены в китайских сказках и мифах, которые также содержат элементы волшебства, чудес, моральных уроков и аллегорий.

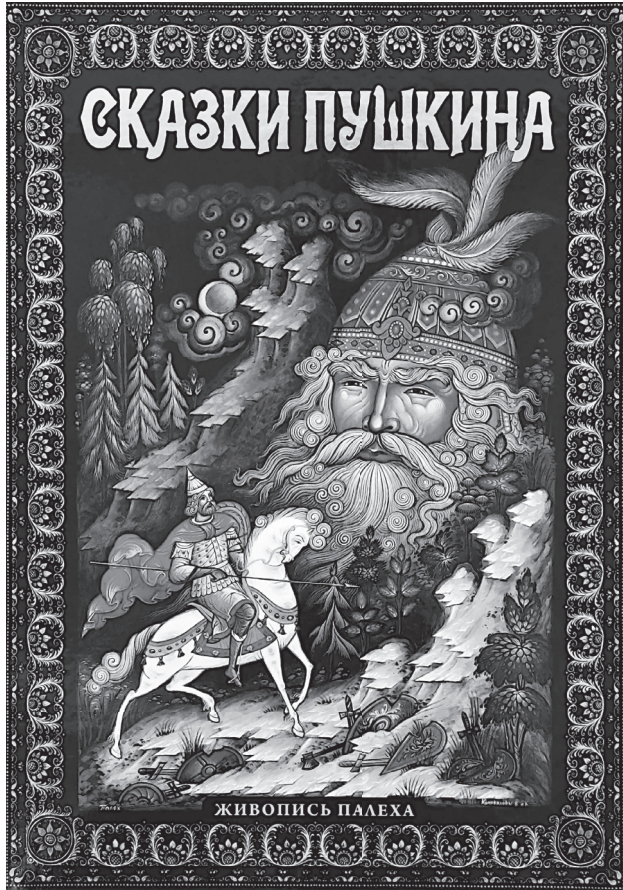
Какие детали русского быта, показанные в мультфильмах, Вам запомнились, показались интересными и необычными для Вас, по которым Вы узнали что-то новое о России и о русских людях?

"Сказка о рыбаке и рыбке" и "Сказка о царе Салтане" Александра Пушкина содержат несколько деталей русского быта, которые могут быть интересными и необычными для читателей, особенно для тех, кто не знаком с русской культурой. Например, оба сюжета пропитаны атмосферой роскоши и изысканности царских дворцов. Описания дворцовых залов, пышных ужинов и обилия драгоценностей могут показать читателям, каким образом жили цари и их придворные в российской культуре.

В "Сказке о рыбаке и рыбке" можно найти элементы быденной жизни рыбака и его жены, их скромного дома и обычного быта, что создает контраст с роскошью царских дворцов и подчеркивает различия в социальном статусе.

Эти детали, вместе с другими, помогают создать образы русского быта и культуры в сказках Пушкина, что может быть интересным для читателей, желающих погрузиться в атмосферу русской литературы и истории».

Итак, опросный лист был предложен 46 студентам из Китая. Ответили на вопросы абсолютно все, но с разным уровнем подробностей.

Обложка сборника «Сказки Пушкина» (на китайском языке)

Так, на первый вопрос о том, кто такой А.С.Пушкин, большинство студентов ответило, что это великий русский писатель и поэт. Он стал образцом русской литературы, известным во всем мире, включая Китай. Также многие отметили, что Пушкин стал основателем русского литературного языка.

На второй вопрос о том, какие сказки были прочитаны на русском языке еще до получения задания, большинство, к сожалению, ответило, что не читали. Только некоторые прочли по одной сказке. Но на китайском языке сказки читали все. Большинство еще в школе прочло одну

сказку. Почему-то чаще всего называлась «Сказка о золотом петушке», но некоторые читали все указанные в задании сказки. Несколько студентов сказали, что на китайском языке читали сказки в сборнике 2017 г., выпущенном издательством «Медный всадник», с иллюстрациями художников Палеха. В альбом-сувенир входят «Руслан и Людмила», «Сказка о царе Салтане», «Сказка о золотом петушке». «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Сказка о рыбаке и рыбке» [4].

Отвечая на четвертый вопрос о полученных сведениях о «русском мире», студенты показали большое разнообразие мнений. Суммируя их, скажем следующее.

Через сказки Пушкина студенты иностранцы увидели их связь с русскими народными сказками и легендами. Они не просто отражают повседневную жизнь русских людей, но, главное, говорят о мудрости, простоте и моральных ценностях, учат доброте, щедрости, внимательности к другим, героизму, упорству и т. п. Некоторые увидели отражение в сказках православных ценностей, таких как прощение, искупление и милосердие. Отмечен был благоговейный трепет русского народа перед природой.

На вопрос, похожи ли герои сказок на современных русских людей, студенты отвечали неоднозначно. Некоторые говорили, что не похожи, а некоторые сочли, что основные черты русского человека из сказок – патриотизм, бережное отношение к семье, высокая нравственность и справедливость – являются чертами русских людей и сегодня.

На вопрос, похожи ли герои сказок Пушкина на китайских людей, большинство студентов отвечало «да». Особенно близким по менталитету показался им сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке», герои которой похожи на чиновников Китая. Другое интересное замечание свелось к тому, что в китайской культуре людям, так же как и героям сказок, часто приходится оказываться перед проблемой выбора в ситуациях, демонстрирующих противоречивость человеческой натуры.

Сюжеты сказок Пушкина студентам совсем не показались странными. По их мнению, такие истории вполне могли произойти и в Китае. Но некоторые отличия все же были подмечены. Во-первых, китайские сюжеты менее трагичны и истории чаще всего заканчиваются хорошо, и герои не сидят у «разбитого корыта». Во-вторых, Пушкин основное внимание уделяет человеческой индивидуальности, тогда как китайская культура ориентирована, по мнению студентов, на коллектив.

Что касается деталей русского быта, которые студенты заметили, в первую очередь, в мультфильмах, снятых по сказкам, то основными

из них являются предметы обихода и одежды. Чаще всего упоминается корыто, женский платок, прялка, ведро, квашня для замешивания теста и т. п.

Общие выводы, к которым мы пришли, заключаются в том, что ответы на вопросы студенты искали в сказках Пушкина, переведенных на китайский язык. Оригинальный текст для них оказался слишком сложным. Даже мультфильмы, которые легче воспринимаются, также были совсем не простым источником для понимания и смысла сказок Пушкина, и реалий русской культуры и бытовой жизни. Однако именно осознание сложности задания дает студентам стимул для более тщательного изучения русского языка и «русского мира», иными словами, для выполнения своей основной задачи, ради которой они приехали в Россию и поступили в МГУ имени М. В. Ломоносова.

На занятиях в МГУ-ППИ уже в Шеньчжене, студенты-магистранты первого года обучения отвечали несколько иначе. На наш взгляд, это связано, в первую очередь, с недостаточным знанием русского языка, который многие из студентов изучают только несколько месяцев, и отсутствием серьезной мотивации к учебе. Некоторые студенты весьма формально отнеслись к заданию, написав общие слова о личности А. С. Пушкина, а сказок не прочли и даже мультфильмы не посмотрели. Так, например, одна студентка, на вопрос анкеты об особенностях русского национального характера, которые они обнаружили в сказках, написала, что по образу Иванушки-дурачка (!) можно понять, что народный идеал – внешняя простота, верность слову, отсутствие корысти.

Другая студентка, напротив, очень ответственно отнеслась к выполнению задания. Ее умозаключения были интересны и даже неожиданны. Так, она написала, что несмотря на популярность сказок в современном Китае, сказочный жанр в китайской литературе развивался только под влиянием иностранных сказок. В Китае традиционная литература имеет тенденцию воздействовать на детей через дидактику, а не в веселой форме, как сказки Пушкина.

Остальные студенты справились с заданием, но менее интересно, чем их однокурсница, и чем китайские студенты, обучающиеся в Москве.

Если подводить окончательный итог самому опросу, проведенному среди студентов-иностранцев и в Москве, и в Шеньчжене, то становится ясно, что подобные опросы весьма плодотворны и результативны. Студенты высказывают свои личные впечатления и суждения

о прочитанном и просмотренном, что иногда выглядит поверхностным и довольно примитивным, а иногда довольно глубоким и даже неожиданным. Самым неожиданным для автора статьи оказалось мнение о том, что истории, рассказанные в сказках, вполне могли произойти и происходили в Китае. То есть сюжеты оказались вполне интернациональными, общечеловеческими, а не специфически русскими, как ожидалось.

В связи с этим метод социологического опроса можно и нужно рекомендовать к широкому использованию в высшей школе. На наш взгляд, благодаря ему студенты не только осваивают необходимую им информацию, но и вынуждены высказывать свои личные мнения и представления.

Библиографический список

1. Ван Лие (КНР). Творчество А.С.Пушкина в Китае / Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012, №6. С.158–166.
2. Жбанкова Е.В. Кино России. М.: Университетская книга, 2015. 268 с.
3. Садуль Ж. История киноискусства. М.: Иностранная литература, 1957. 462 с.
4. Сказки Пушкина (на китайском языке). М.: Медный всадник, 2017. 152 с.

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
главный режиссер театра «На досках», президент Экспериментального
творческого фонда развития науки и культуры,
лидер движения «Суть времени»

Эйриян Вартан Арсенович

преподаватель кафедры международных отношений
и внешней политики России, МГИМО (У) МИД России

Печатнов Валентин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент, кафедра философии
им. А. Ф. Шишкина, Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

Печатнов Владимир Олегович

доктор исторических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ, кафедра истории и политики стран
Европы и Америки Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России

Лаврёнова Анна Михайловна

кандидат исторических наук, ведущий специалист
Отдела изучения и публикации документов
Государственного архива Российской Федерации (Москва)

Фаизов Артем Валерьевич

Кандидат исторических наук, специалист по проблемам
функционирования высших органов государственной власти России
в послепетровскую эпоху, независимый исследователь

Шапошников Кирилл Александрович

заведующий справочно-библиографическим отделом Государственной
публичной исторической библиотеки России (Москва)

Жбанкова Елена Васильевна

доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры
региональных исследований факультета иностранных языков
и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph.D. of Physical and Mathematical Sciences, political scientist,
chief director of the theater "On the Boards", president of the Experimental
Creative Fund for the Development of Science and Culture,
leader of the "Essence of Time" movement

Eiriyar Vartan Arsenovich

Lecturer at the Department of International Relations
and Foreign Policy of Russia, MGIMO, Moscow

Pechatnov Vladimir Olegovich

Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian
Federation, Department of History and Politics of European and American
Countries, Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Pechatnov Valentin Vladimirovich

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department
of Philosophy named after A.F. Shishkin, Moscow State Institute of Interna-
tional Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

Lavrenova Anna Mikhailovna

PhD in History, leading specialist in the Department of Document Study
and Publication of the State Archives of the Russian Federation (Moscow)

Faizov Artem Valerievich

PhD (History), specialist in the functioning of the supreme bodies of state
power of the Post-Petrine era, Independent researcher

Shaposhnikov Kirill Alexandrovich

Head of the Reference and Bibliographic Department of the State Public
Historical Library of Russia (Moscow)

Zhbankova Elena Vasiljevna

PhD in History (Doctor of Historical Sciences), Professor,
Professor at the Department of Foreign Languages and Regional Studies
of Lomonosov Moscow State University

ПОДПИСКА И ПРОДАЖА

**Подписной индекс П8643
по объединенному каталогу
«ПОЧТА РОССИИ»**

(Подписка возможна с любого месяца)

**Вы можете приобрести журнал
НА НАШЕМ САЙТЕ KNIGI.ESS.RU
ИЛИ В ОФИСЕ РЕДАКЦИИ**

**Подписка на электронную
версию журнала через Научную
электронную библиотеку:
www.elibrary.ru**

ISSN 0869–8503

**Учредитель:
Экспериментальный творческий фонд
развития науки и культуры**

**Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.
© «Россия XXI», 2026.
Цена свободная.**

**Адрес редакции:
123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2
Телефон (495) 691-50-03, факс (495) 694-17-54
E-mail: russia21@ecc.ru
<http://www.russia-21.ru>**

**Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.**

**Подписано в печать 25.04.2026. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11 печ. л.
Тираж 1500 экз. (1 завод 100 экз.) Заказ № 230556**

**Отпечатано в АО «Т8 Издательские Технологии»,
109316, Москва, Волгоградский пр., д. 42, корп. 5.**

1. 2026 january-march

Theory and practice of the political games

Sergey Kurginyan

"Russian Challenge" or "Russian Response"? _____ 6

Russia in the world

Vartan Eiriyanyan

Political Project-mongering
at the Turn of the Epochs:
the Story of Two Unrealized Projects from 1945 _____ 32

Labels and myths

Valentin Pechatnov

Vladimir Pechatnov

Unexpected Pobedonostsev _____ 46

Pages of history

Anna Lavrenova

"Their Disenfranchised Position...
Undermines Russian Power":
The Status of Gendarme Officials
in the Grand Duchy of Finland
at the Beginning of the 20th Century ____ 70

Artem Faizov

The Structure of the Senate's Activities
During the Period of Hierarchical
Dominance of the Cabinet of Ministers
(for 1737 and 1740–1741) _____ 90

Topical archive

Kirill Shaposhnikov

Events of Russian History in the First Half
of the 20th Century Through the Eyes
of a Provincial Intellectual. Based on the Diary
Entries of Mikhail Ustryalov _____ 126

Reader's letters

Elena Zhbankova

The World of A. S. Pushkin's Russian Fairy
Tale as Perceived by Students Moscow State
University-Philippine Institute (Shenzhen,
China) _____ 154

Р
О
С
С
И
Я
X
X
I